

И. Черный • В. Немирович-Данченко • И. Анисимов

Кавказские еврей- горцы

ТРАГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАВКАЗСКИХ ЕВРЕЕВ

ЖИЗНЕННЫЙ УКЛАД, ТРАДИЦИИ, ОБРЯДЫ И ВЕРОВАНИЯ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ХРИСТИАНСКИМИ И МУСУЛЬМАНСКИМИ НАРОДАМИ

**КАВКАЗСКИЕ
ЕВРЕИ-ГОРЦЫ**

Иуда Черный
**ГОРСКИЕ ЕВРЕИ
ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ**

Василий Немирович-Данченко
**ВОИНСТВУЮЩИЙ
ИЗРАИЛЬ**

НЕДЕЛЯ У ДАГЕСТАНСКИХ ЕВРЕЕВ

Илья Анисимов
**КАВКАЗСКИЕ
ЕВРЕИ-ГОРЦЫ**



Кавказские евреи-горцы

ТРАГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
КАВКАЗСКИХ ЕВРЕЕВ

ЖИЗНЕННЫЙ УКЛАД,
ТРАДИЦИИ, ОБРЯДЫ И ВЕРОВАНИЯ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ХРИСТИАНСКИМИ
И МУСУЛЬМАНСКИМИ НАРОДАМИ



Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 392
ББК 63.5
В65

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника
Е.Ю. Шурлаповой*

В65 Кавказские еврей-горцы. Сборник / Иуда Черный,
Василий Немирович-Данченко, Илья Анисимов. — М.:
Центрполиграф, 2017. — 318 с.

ISBN 978-5-227-06630-5

История евреев на Кавказе восходит к глубокой древности и теряется в тумане литературных и устных преданий. Современные евреи Кавказа сохранили весьма смутные воспоминания о своем происхождении. Но, как свидетельствуют путешественники XVIII и первой половины XIX века, среди евреев Кавказа была еще жива легенда, что они потомки десяти колен Израилевых, поселенных в Мидии ассирийскими царями. Российские этнографы-путешественники, очерки которых вошли в этот сборник, собрали интереснейшие исторические, этнографические и статистические сведения, интересные любознательному читателю и сегодня.

**УДК 392
ББК 63.5**

ISBN 978-5-227-06630-5

© «Центрполиграф», 2017

Иуда Черный

ГОРСКИЕ ЕВРЕИ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Краткие исторические сведения

1869



Иосиф-Иуда бен Яков Черный (Иосиф Яковлевич Черный, Иуда Черный) — российский путешественник-этнограф, известный изучением евреев Кавказа.

Черный публиковал свои исследования в нескольких еврейских изданиях: *Ha-Maggid*, *Ha-Karmel*, *Ha-Meliz*, *Neueste Post* и пр. Он написал ряд статей о жизни дагестанских, бухарских и персидских (иранских) евреев; описывая их тяжелое экономически-правовое положение, а также их низкий, с точки зрения ашкеназов, культурный уровень.

Черный путешествовал по Кавказу и Закавказью более 10 лет, после чего вернулся в конце 1879 года в Одессу, чтобы привести в порядок и опубликовать накопившийся у него ценный историко-этнографический материал.

Однако туберкулез горла, от которого Черный умер в 1880 году в Одессе, не дал ему возможности закончить труд, и Черный перед смертью завещал весь собранный им материал Обществу просвещения, на средства которого под редакцией Авраама Яковлевича Гаркави была опубликована в двух частях лишь та часть материалов Черного, которая имеет непосредственное отношение к быту и истории кавказских евреев. Эти документы можно разделить на две категории: 1) собранные путешественником письменные памятники кавказских евреев, относящиеся к последним трем векам; 2) устные рассказы туземцев об их прошлом и имеющие значительный этнографически-бытовой интерес собственные наблюдения Черного над экономическим, религиозным и духовным бытом горских евреев.

ОТ АВТОРА

Из многих известных мне ученых, исследовавших Кавказ в этнографическом отношении, не оставляя без внимания самые незначительные племена, ни один не вспомнил о кавказских евреях. Между тем их образ жизни, нравы, обычаи, верования и предрассудки, отличающие их от соплеменников в Европе, и положение, занимаемое ими между полудикими племенами, обитающими в горах Кавказа, представляют много любопытного. С целью исследования истории этого забытого почти всеми учеными народа я предпринял путешествие по Кавказу и Закавказскому краю в надежде, что труды мои не останутся без пользы как для правительства, так и для любителей истории и этнографии.

По преданиям горских еврейских обществ, обитающих в Терской области, выходит, будто они потомки пленников Салманасара, ассирийского царя, выведенных им из Самарии и поселенных в Ассирии, Колхе, на реке Гозане и в старой Мидии еще во времена существования 1-го храма Соломонова в Иерусалиме в 9-м году царствования Осии, царя Израильского, или в 6-м году царствования Иезекии, царя Иудейского, около 720 лет до Р. Х. Из старой Мидии они переселились в Ширвань. По случаю разных преследований и угнетений ширванских и персидских владетелей они вынуждены были искать пристанища в Дагестанских горах, где и жили долгое время в Джугуд-Катте, развалины

которого сохранились донныне у подошвы горы, омываемой небольшой речкой Нукерой на расстоянии одного часа верховой езды от селения Маджалиса в Кайтаго-Табасаранском округе. Жестокие гонения горцев вынудили евреев покинуть и это пепелище и спастись бегством в горы и леса дагестанские; многие из них прибегли к кумыкским князьям и были приняты ими на различных условиях в Андреевской деревне, находящейся в урочище Ачи-Коль при реке Акташ (в 12 верстах от Хасавюрта). Это было около 1618 года, вероятно, при Казаналине и Айдемире — двух сыновьях султана Мута, первых из тогдашних кумыкских владетелей. Образ жизни, положение и занятия евреев в Джугуд-Катте и Ширване оставили мало следов в памяти их нынешних потомков, потому что все книги и письменные их документы были разграблены и истреблены горцами.

Что же касается до положения их в Андреевской деревне от начала переселения туда до занятия кумыкской плоскости русскими войсками в 1819 году, то они там были в зависимости от князей и узденей кумыкских, у которых искали защиты от воинственных коренных жителей страны. Так, евреи не имели права участвовать в совещаниях по делам аульного общества, не могли строить и покупать домов, а проживали в дворах кунакбаев (хозяев или патронов), во всех своих делах, как то: по убийствам и по ранениям, по взысканию долгов, по покражам и т. п. они добивались материального удовлетворения не сами лично, но через своих кунакбаев и покровителей, одним словом, они со своими семействами и имуществом находились в полном подчинении своим покровителям, ибо лишь те из них, у кого были сильные и добросовестные защитники, могли безопасно жить между туземцами, успешно вести свои торговые дела.

Еврейам воспрещалось ездить верхом, носить хорошую одежду, особенно шелковую, и вообще им причинялось много страданий от местных жителей; их синагоги были несколько раз разрушены и разграблены. Когда они хоро-

нили умершего, мусульмане раскапывали в ночное время могилу и обирали что было на мертвце. Если вор подкапывался под дом еврея, обворовывал его и, уходя, забывал там свой топор, то наутро приходил отец вора и требовал у еврея возвращения топора, оставленного его сыном ночью; еврей должен был беспрекословно исполнить это требование, но не смел заикнуться при этом о возвращении ему украденного его имущества из боязни навлечь на себя еще большие неприятности от родственников и друзей вора, повредить на будущее время своей торговле, наконец, из страха покушения на свою и целого семейства жизнь.

Евреи занимались тогда торговлей, содержанием мясных лавок и выделкой козловых шкур. Повинности, отбываемые ими кумыкским князьям, заключались в следующем: с привозимого евреями товара из Персии, Грузии, Кабарды, Кизляра, Брагуновской и Староюртовской деревень взималось по 2 руб. 50 коп.; с каждого приезжавшего с товаром из Персии, Грузии и Кабарды еврея по 1 руб. 50 коп. на каждую арбу. С приезжавших без товара и приходивших для свидания с родственниками и по другим надобностям князья получали с каждого человека: из Дербента, Кизляра, Грузии и Кабарды по 1 руб. 20 коп., а из Каракайтага по 50 коп. С привозимого из Тавлии вина для домашнего употребления от каждой бочки по 2 руб. 20 коп. Еврей, находившийся некоторое время в других деревнях для зарабатывания себе хлеба, при возвращении домой должен был дать князю 1 руб. 25 коп.

Кроме повинности князьям евреи отбывали повинности своим хозяевам. С покупаемых евреями лошадей хозяин квартиры получал 25 коп. за каждую, за корову и за ишака по 20 коп. Хозяин дома получал от еврея, имевшего дочь-невесту, пять лет сряду по 20 коп. в год: по смерти же Али-султана хозяева брали по 3 руб. в год. С невесты, вышедшей замуж, хозяева пользовались, впрочем, не всегда одинаково, от 2 до 4 руб.

По завоевании русскими войсками кумыкской плоскости евреи подали просьбу о принятии их под покрови-

тельство России и этим много себе повредили, ибо навлекли на себя негодование и презрение кумыкских жителей, которые стали их сильнее притеснять и принудили наконец в 1822 году прибегнуть с просьбою к генералу Ермолову о разрешении им выселиться из кумыкского в чеченский округ, на что Ермолов не согласился, находя невозможным лишить кумыкских князей получаемых с евреев доходов. Таким образом, бедные евреи оставались в самом жалком положении в Андреевской деревне до 1831 года, то есть времени возмущения Кази-муллы.

В этом же году партия Кази-муллы, состоявшая из 7000 человек, напала на Андреевскую деревню; жители передались неприятелю, евреи при этом пострадали, лавки их и имущество были ограблены неприятелем и взбунтовавшимися андреевцами, несколько евреев было убито и взято в плен. После такого погрома евреи со своими семействами и хозяйством перешли в крепость Внезапную, заложенную генералом Ермоловым в 1819 году на возвышенном месте напротив Андреевской деревни, за рекою Акташем. Здесь евреи вместе с русским гарнизоном выдержали в самое жаркое время августа месяца 14-дневную осаду, претерпевая крайнюю нужду в пище и питье. Так как река была занята с обеих сторон неприятелем, евреи поместили свои семейства в вырытых ими ямах для охлаждения и утоления жажды и вместе с солдатами, одинаково с ними изнуренными, молились Богу и оглашали улицы крепости воплями. И теперь еще жители рассказывают, что в последний день осады пошел проливной дождь, все ямы были наполнены водой, так что осажденные были обеспечены на продолжительное время. Евреи приписывают этот случай тому, что Бог услышал их молитвы и умилосердился над ними. Затем подоспевший отряд Эммануэля заставил Кази-муллу с его партией удалиться.

По оставлении Андреевской деревни евреи разделились на кумыкской плоскости в укреплении Хасавюрт, в деревнях Аксае или Таш-Кичу и Костеке; в чеченском

округе — сначала в Староюрте, а потом в Грозном; в Кабардинском округе — в Нальчике. По миновании смут, причиненных Кази-муллою и новых их переселений, некоторые семейства евреев, соскучившись по родине, возвратились опять в Андреевскую деревню и через несколько лет оставили там еще раз порядочную общину. Но им вторично пришлось испытать нашествие неприятельской шайки, которая, ворвавшись в Андреевскую деревню, убила 3 евреев, 11 человек взяла в плен с их имуществом; кроме того, на общину было наложено 200 руб. серебром ежегодной подати. Генерал-лейтенант Вельяминов, командовавший в то время войсками на Кавказской линии и Черномории, входя в положение евреев, сделал распоряжение, чтобы не стеснять их в промыслах, а, напротив, оказывать им всевозможное покровительство и защиту.

Аксаевские евреи рассказывают, что, когда они переселились в Аксай, владельцем там был Муса Хасаев, один из аксаевских князей, который жестоко обходился с евреями, не заступался за их обиды, не обращал внимания на то, что многие из них были убиты мусульманами-соседями, не доверял свидетелям из евреев и не допускал их к присяге; словом, чем только мог, преследовал и притеснял их. Примером этого Мусы Хасаева руководствовались и его последователи. Подобно аксаевским евреям страдали евреи и в Костеке от костековских князей и тамошних мусульманских жителей.

В 1845 году аксаевские евреи обращались с просьбою о покровительстве и защите к русскому правительству. Грозненские евреи рассказывают, что они жили прежде в Староюрте, но некий Уда-мулла напал на них с шайкою хищников, ограбил их имущество, 20 человек убил и многих взял в плен. Это обстоятельство заставило их убежать из Староюрты в крепость Грозную, начальник которой их принял и указал им место для поселения.

В смутные и тревожные времена Шамиля евреи страдали от преследований и угнетений своих владельцев и местных жителей и от постоянного нападения на них ско-

пищ Шамиля, которые грабили их, убивали и увозили в плен. В эту тяжелую эпоху евреи окончательно разорились; многие из них, оставив свои семейства без всяких средств к пропитанию, сами скитались с места на место по своим собратьям, выпрашивая у них денежное пособие для выкупа своих пленников из рук тиранов. Страдальцы эти, оплакивая постоянно свою горькую участь, поневоле привыкли ко всевозможным несчастьям, связанным с иноплеменным игом, и наконец делались равнодушными к ударам судьбы.

Со времени учреждения в кумыкском народе главного приставства и городского Андревского суда, что совпадает с занятием плоскости русскими войсками, положение горских евреев стало мало-помалу улучшаться, потому что личная их безопасность и имущественные права ограждались приставами, в городском суде стали приниматься к разбирательству, по шариату и кумыкскому адату, уголовные, исковые и тяжёбые дела евреев с туземцами. Евреи начали вместе с туземцами отбывать некоторые общественные повинности, вносили деньги на наем бегаулов (десятников), ночных караульщиков, нарочных для возки бумаг в тревожное время, принимали также участие в исправлении дорог и мостов и т. п.

После падения власти Шамиля последовали распоряжения правительства, имеющие в виду поставить горских евреев наравне с массою кумыкского народонаселения, избавив их от прежних угнетений и тягостных и унижительных налогов. В 1860 году введены правила для судопроизводства в народных судах, по которым дела евреев изъяты от шариатского разбирательства, потом последовало предписание начальника Терской области от 30 июня 1866 года, по которому дела евреев с туземцами в случае ответственности евреев должны разбираться в слободских управлениях, а не по адату; словом, евреи в юридических правах своих уравниены теперь с туземцами, наравне со всеми участвуют в делах общественных и в слободских управлениях, имеют своих депутатов с правом голоса, только к со-

ГОРСКИЕ ЕВРЕИ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

вещаниям по делам аульных обществ не допускаются и до сих пор.

Дела их разбираются: а) по русским законам: уголовные, исковые, тяжёбые и полицейские, возникающие между евреями, русскими и горцами; б) по кумыкскому адату: исковые и тяжёбые между евреями и горцами, когда ответчики-туземцы или обе стороны не сойдутся через посредников; в) по уставам и обрядам еврейской веры: дела, касающиеся до веры и совести, по бракам и разводам, по опеке маленьких сирот и слабоумных, по неповиновению детей родителям и вообще по несогласиям между членами семейства: разбирают их раввины по 4 книгам: Шулхан-Арух, Хотен-Мишпат, Эбен-Эзер и Иоре-Деа, имеющие силу законов по еврейской религии.

Евреи только недавно начали заниматься постройкой домов и мельниц, и то не все, а преимущественно состоятельные люди. Так, в Хасавюрте и Грозном есть хорошие еврейские дома и лавки; вообще же евреи занимаются охотнее торговлею красным и мелочным товаром, выделкой сафьянов, разведением фруктовых и виноградных садов, для которых потребное количество земли арендуют у землевладельцев на разных условиях или приобретают покупкою. Земледелием и скотоводством не занимаются вовсе, почему и не имеют поземельной собственности; те же из них, кто держит для домашней надобности верховых лошадей, дойных буйволиц и коров, пользуются общими аульными и слободскими выгонами и пастбищами; а необходимые жизненные припасы покупают у туземцев и русских на деньги или выменивают на мелкие товары.

ГЛАВА 1

Горские евреи. Их жилища, гостеприимство, пища и напитки

Горские евреи, живущие с незапамятных времен между горскими племенами Кавказа, отличаются весьма резко от всех своих европейских соплеменников нравами и обычаями, которые они позаимствовали у своих соседей-горцев, живя между ними в течение веков и даже тысячелетий. Во время моего двухлетнего путешествия по Прикаспийскому краю и Терской области я по мере возможности изучал быт этих моих единоплеменников: их образ жизни, обычаи, нравы, обряды, верования и предрассудки, я также собирал их легенды, сказки и национальные песни. В предлагаемой статье я представляю собранные мною этнографические заметки о быте этих горских евреев, так еще мало известном, причем надеюсь, что труд мой не будет оставлен без внимания любителями истории и этнографии.

По приезде моем в первый раз в г. Дербент тамошний главный раввин указал мне квартиру в доме одного богатого еврея, в еврейском магале. Квартира эта была довольно порядочная, во втором этаже, с азиатским убранством, то есть стены ее были покрыты шелковыми одеялами и коврами, на них висело много зеркал самой простой персидской работы, и между зеркалами висели шелковые шали. Под верхним карнизом сделаны были длинные пол-

ки, на которых расставлена была разная посуда — фаянсовая, медная и стеклянная; под полками висели тарелки и медные подносы, круглые, больших размеров; тарелки и подносы навешены были на тоненьких нитках, для того чтобы казалось издали, что они висят на воздухе. Пол был устлан персидскими хорошими коврами. Собственно для меня хозяин достал где-то стол и стулья, но спать все-таки пришлось мне по-азиатски — на хорошей постели на коврах. Такую роскошную квартиру я имел в Дербенте, но мне пришлось побывать в еврейских саклях и в горах. Вот как они устраиваются и убираются.

Все сакли в Южном Дагестане и в Терской области, также в Нухинском и Шемахинском уездах выстраиваются из камня, на грязи или глине. Крыши делаются плоские; они смазываются глиною с примесью самана (мешаной соломы), убиваются и укатываются так твердо, что составляют сплошные твердые массы. Потолки подшиваются или короткими досками, на протяжении балки от балки, или камышом. В каждой сакле делают одно или два маленьких окна и одну или две двери; окна без рам и стекол, со ставнями простой, топорной, но прочной работы, без всякой оковки, запирающиеся изнутри толстыми деревянными засовами. Внутри комнат, между окнами и дверью, устраивают камин, без дверец и заслонов, с плотной трубой из глины; на верху крыши труба закрывается доскою, и на доску кладут тяжелый камень, чтобы она не упала во время сильного ветра. Зимой камин постоянно топится, и тлеющие угли поддерживаются в нем по целым суткам. Возле дверей дома устраивают нечто вроде коридора или галереи, также с каминами на обоих концах, с полами, хорошо вымазанными глиной и покрытыми коврами. Здесь летом женщины работают, приготавливают кушанья или проводят время со своими гостями.

Сакли эти устраиваются о двух или трех комнатах; в каждой комнате сделана в стене маленькая дверца или лазейка наравне с полом; через нее они пролазят в другие комнаты, и ее не видно, так как она постоянно закрыта

стенным покрывалом. Стены и полы комнат смазываются еженедельно, перед субботой, весьма чисто выбеливаются известкою, а нижний карниз вымазывается по большей части красной или серой глиной, добываемой ими на месте в изобилии. Комнаты убираются так: на верхних полках расставлена, как я уже выше сказал, разная посуда, как то: чайники, полоскательные чашки, бутылки, глиняные кувшины для вина и медные кувшины для воды старой азиатской формы и разная мелочь. Одна стена украшается зеркалами, и между ними висят шали, шелковые или шерстяные, а также группируется разными фигурами оружие — шашки, кинжалы, пистолеты и ружья.

Вторая стена украшается большими висящими на ней круглыми подносами из красной меди и тарелками, раскрашенными цветами и фигурами; внизу под этими украшениями поставлены сундуки, один на другом — внизу самый большой, а наверху самый маленький, в виде пирамиды; в них помещается одежда и другое имущество хозяев.

Третья стена украшается постелями: верхняя половина стены уложена подушками и одеялами, сложенными в порядке до самого потолка, а у нижней части стены сделаны квадратные отверстия, заменяющие наши шкапы; в них держат разные хозяйственные вещи, а у раввинов помещаются там книги. Эти отверстия, или шкапы, закрываются занавесами. В саклях бедных, у которых не много постельных принадлежностей, целая стена завешивается с потолка до самого низу занавесами.

Четвертая стена образует камин, окна и двери. Около дверей и в углах комнаты я замечал большие, в полтора аршина вышины, глиняные сосуды, в которых держат муку и крупу; они служат вместо амбаров. Посредине комнаты стоит столб, а в больших саклях и два столба, которые подпирают потолок, на этих столбах висят со всех сторон одежды и оружие. В некоторых саклях я видел длинную палку, которая висит на двух веревках, привязанных к потолку; на палке этой вешают иногда одежду, а иногда копченую говядину, баранину или сало. Пол за-

стилается хорошими коврами или весьма искусно и красиво сплетенными из камыша рогожами; но из них нужно часто выбивать пыль и обрызгивать их водой. Так, украшенная комната служит вообще приемной для гостей и приезжающих и называется кунацкой. Вторая же половина сакли определена для кухни и для помещения семейства. Летом, когда женщины готовят свои кушанья на дворе и работают или беседуют на галереях своих домов, тогда в их комнатах очень чисто и опрятно; но зимою там большая нечистота и грязь. Посуда с водой, бурдюки с вином, корзины с мукой и крупую — все это помещается на женской половине сакли; тут же говядина, баранина и сало висят на крючьях и коптятся; медные и глиняные сосуды, старые тряпки и тому подобный хлам разбросаны повсюду; в таком хаосе живет семейство зимою.

Свет входит в комнату через маленькие окошки и через отворенные постоянно двери, а также проникает сверху, через прямую трубу камина. Зимою окна и двери также отворены, и теплота вместе с дымом выходят из комнаты на двор, а жильцы сидят и греются возле огня камина. Вообще, горцы-мусульмане и горцы-евреи не заботятся, чтобы теплота сохранялась у них в комнате на продолжительное время.

Иногда хозяин устраивает у себя на дворе огороженное плетнем помещение для скота и лошадей; но по большей части я встречал в деревнях такие помещения, вроде сарайчиков, выстроенных под полом саклей. У некоторых богатых бывают двухэтажные сакли; в таких саклях принимают они своих гостей во втором этаже, а нижний этаж служит для семейства. Двери они делают вообще и везде весьма низкие и узкие, так что нужно сгибаться при входе и выходе через них, нужно также быть осторожным при ходьбе по лестницам и через пороги, иначе легко себе сломать с непривычки руки и ноги.

При окончании постройки сакли собираются женщины, юноши и девушки к хозяину сакли, и они должны помочь ему в последний раз вымазать крышу новопостроенной

сакли. В то время хозяин угощает их водкой или вином, и они оттуда возвращаются с торжеством. Мне раз пришлось видеть такое торжество в деревне Арага, в Кюринском округе (в Южном Дагестане). По улицам деревни слышались зурны с аккомпанементом барабанов; партия за партией, молодежь и женщины ходили и громко распевали разные песни; девушки с весельем оглашали воздух звуками ударов в ладоши: это было торжество при возвращении из новооконченной сакли у их односельчанина. Вечером того же дня хозяин новой сакли приглашает к себе всех хозяев деревни из евреев и делает для них большой ужин за то, что они помогали ему в его постройке.

В некоторых местах, как, например, в Дербенте, Кубе, Темир-Хан-Шуре, Хасавюрте и Грозном, я видел у горских евреев порядочные европейские дома, но они принадлежат, разумеется, богатым, которые ездят ежегодно на Нижегородскую ярмарку. У таких евреев находится одно отделение, убранное по-азиатски, где они живут с семействами своими, особое отделение — кунацкая — для горских гостей и еще одно отделение, убранное совершенно по-европейски; это последнее стоит необитаемо, назначаясь только для европейских гостей.

Самый древний обычай, оставшийся в наследство потомкам человеческого рода в Азии, есть гостеприимство. Все мусульманские и языческие народы Азии крепко придерживаются этого обычая и доньше. Горские евреи, заброшенные судьбою изнутри Азии сюда, в горы Кавказа, почти за 7 столетий до Р. Х. сохранили некоторые из обычаев своих предков-патриархов в первобытной форме, как, например, гостеприимство и обмывание ног (Бытие, гл. XVIII, 1—8) до настоящего времени. Если какой-либо хахам (ученый) из Палестины или из России приезжает к ним в деревню, то каждый из жителей деревни просит его настойчиво заехать к нему в гости; но большею частью хахам заезжает или к богатым хозяевам, или к раввину. Тогда тот хозяин, к которому заехал гость, обязан взять из рук его вещи и отнести их в гостиную комнату, указать

ему лучшее место на постели для отдыха с дороги и тут же обмыть его ноги. Впрочем, в некоторых местах исполняет этот обычай сама хозяйка дома. Скоро затем собираются в этот дом старики и почетные люди и подают гостю руки с приветствованием на библейском языке, словами: «шалом алейхем», то есть здравия вам желаю, или «барухгабо», что значит: да будет благополучен ваш приезд, а гость должен им отвечать: «Алейхем шалом!», то есть будьте вы здоровы и благополучны.

Все беседуют с ним, а хозяин подает в то время разные угощения, и все садятся с гостем обедать или ужинать. Гостю не должно быть скучно, а потому жители деревни не дают ему скучать — один от него выходит, другой заходит, и каждому деревенскому жителю желательно узнать причину его приезда или те новости, какие он привез им; поэтому в один час уже известно всем в деревне, даже женщинам и детям, зачем приехал гость. Когда гость желает отъехать, хозяин просит его, чтобы он остался у него еще на некоторое время. Если тот беден и нуждается в помощи, тогда общество помогает ему денежным пособием по возможности. Хозяин дает ему съестные припасы на дорогу, и один или несколько человек из этой деревни провожают его до следующей деревни.

Кроме таких гостей приезжают к ним свои единоверцы из соседних деревень и городов по делам торговли, по знакомству или для отдыха и ночлега; в таком случае каждый имеет своего кунака, то есть доброго знакомого или приятеля. Хозяин обязан встретить гостя, взять у него из рук оружие, принять лошадь, угостить кунака, накормить коня и при отъезде провести его за ворота с пожеланием ему счастливого пути. Подобное же гостеприимство хозяин надеется встретить и в свою очередь. Таким же образом принимают они и гостей из мусульман, заезжающих к ним по разным обстоятельствам или для отдыха и ночлега. Каждый мусульманин имеет своих кунаков в еврейских деревнях, и каждый еврей имеет таких же приятелей в мусульманских деревнях.

Европейскому человеку весьма трудно привыкать к их кушаньям и способу их приготовления, потому что горцы-евреи едят весьма нечисто. Вообще я заметил, что они подают кушанья в такой посуде, которая по нескольку недель не мыта, и на ней остатки прежних кушаний накоплены одни на другие; иногда подают стакан или рюмку для напитка также нечистые, замаранные мухами, грязью или пылью, да и вообще о чистоте все горские евреи мало заботятся. Кроме того, они прикасаются к каждому кушанью руками, и хотя и находятся у многих зажиточных из них ложки и вилки, но они все-таки по привычке едят руками. Большею частью все кушанья их пахнут потом, что отвратительно для непривычного человека.

Обычай у них таков, что гость не должен есть отдельно, а только вместе с хозяином; если же хозяина нет, то с членами семейства: ибо стыдом считается у них, если гость будет кушать отдельно. Еще есть у них адат, что кто бы ни зашел к ним во время еды, непременно должен сесть и участвовать в компании, для чего они нередко готовят столько кушанья, чтобы его было достаточно по крайней мере для десяти посторонних человек.

В домашнем быту женщины едят вместе с мужчинами, чего у мусульман не бывает, а когда заходит посторонний человек, то они удаляются и едят отдельно, в своей комнате.

В будничные дни в обед и ужин кушанья подаются на больших круглых деревянных подносах, а в праздничные дни или в присутствии гостей — на больших круглых медных подносах. Поднос ставится на полу, на ковер, который покрыт ситцевым платком, а в праздник или при гостях — шелковым.

Под платком лежит хлеб, то есть чуреки, которые они пекут раз в неделю, от одной пятницы до другой (когда же приезжает к ним знатный гость, то они тогда особо пекут свежий хлеб), возле чуреков разложены соль, чеснок и лук, а в праздничные дни и для гостей прибавляются разные фрукты; вокруг подноса садятся, поджав ноги, мужчины;

возле дверей стоят несколько человек для прислуги, а в семейном быту — кто-нибудь из членов семейства.

Прислуга подает к столу, то есть к подносу, воду для обмывания рук, потом хозяин читает молитву и берет чурек, разламывает его на столько кусков, сколько сидит вокруг подноса людей, и бросает каждому по куску, после чего каждый, прочитывая короткую молитву, то есть благодаря Бога за хлеб и за соль, обмакивает свой кусок чурека три раза в соль и со странными гримасами начинает есть; потом хозяин берет другой чурек, разламывает его на куски, обмакивает все куски в соль и отправляет их через прислугу женщинам в их комнату; потом пробуют фрукты для того, чтобы поблагодарить за них Бога; после фруктов едят лук и чеснок с хлебом, вместо первого блюда. В это время является хозяйка с покрытым платком лицом и подает кушанья; за ней идет и прислуга с остальными блюдами, потому что все блюда подаются вместе, за один раз. Тут образуется смесь всяких кушаний: суп с бараниною, говядиною или курдючным салом, с клецками, сделанными квадратиками или трехугольниками из пшеничной муки, сваренными жидко в воде и приправленными уксусом и чесноком, что называется у них хинкал; или суп из фасоли с говядиною, бараниною или с салом, приправленный чесноком и кислыми ягодами; плов из круп, с курдючным салом, приготовленный густо, как каша, приправленный изюмом и покрытый сверху яичницею; иногда яичница особо; отваренная баранина или говядина; жаркое особо; к нему добавляется маринованный чеснок и маринованные огурцы на особом блюде, что заменяет наш салат; наконец — сладкие кушанья, состоящие из жареных или вареных груш, яблок и слив в меду или сахаре, с курдючным салом, с изюмом, что заменяет наш компот.

Все вышеупомянутые кушанья готовятся с большим количеством чеснока, что непривычному европейцу трудно переносить. Берут они понемногу, от всех блюд, смешивают вместе и едят руками; ложки употребляют для супа, но очень редко, а говядину берут или руками, или

заостренными деревянными палочками, или же каждый особо разрывает свой кусок на кусочки руками или режет ножиком своим, имеющимся под кинжалом у каждого мужчины.

К столу подаются и напитки — водка и вино, приготовляемое ими из своих виноградников или купленное у своих братьев; они пьют много за столом, так что поминутно, немного закусив, пьют за чье-либо здоровье; но я редко встречал между горскими евреями людей, которые бы напивались до того, чтобы свалиться с ног.

На ужин большею частью подают или хинкал, или жареную и копченую соленую рыбу, называемую ими кутум, или же жарят фасоль в масле и сале с чесноком, солью и луком. Все эти кушанья они готовят для праздничных дней и для важных гостей; в семейном же быту обходятся хлебом с сыром или с кутумом, луком и чесноком.

Сверх этих кушаний они любят еще зелень и едят ее весьма много, без всякого приготовления, иногда с хлебом, иногда без хлеба. В Кубе я был приглашен в гости к некоторым богатым евреям, которые угощали меня вином и водкой и подали закусить одних только трав более 5 сортов разного вкуса. Летом они едят их постоянно с хлебом.

Вообще, при случае, все они без исключения кушают весьма много; большой круглый поднос с пловом подается несколько раз к столу сверх остальных блюд, кроме того, каждый из них может съесть за столом 2 и 3 больших чурека. Зато в дороге они могут обходиться только чуреками, луком, чесноком и сыром в течение очень продолжительного времени.

Если гость заехал в дом какого-либо хозяина и квартиры ему не нравится или неудобна, то он не может перейти на другую квартиру, потому что это почитается большою обидою для хозяина квартиры, а также большим стыдом для того, кто его примет в свой дом; между этими двумя хозяевами непременно произойдет ссора, и они могут сделаться навсегда между собою врагами.

ГЛАВА 2

Национальный характер горских евреев, их язык и письменность. Грамотность горских евреев, обучение их детей и училища. Склонность горских евреев к праздности; любознательность их к новостям и рассказам. Три местных рассказа

Горские евреи, с тех пор как лишились своего отечества и были поселены как пленники в горах Кавказа, усвоили себе обычаи и нравы тех племен, между которыми жили. В первые времена их пребывания на Кавказе они сохраняли еще национальный характер и даже язык своих отцов, как это видно из биографии святой Нины: когда она пришла в Грузию из Иерусалима для распространения христианской веры, то была весьма рада, что нашла своих соотечественников в городе Урбнисе, в Карталинии, где она целый месяц беседовала с ними на их национальном, древнееврейском языке, равно и с евреями, жившими тогда в Мцхете, язык которых она знала отлично еще в Иерусалиме. Тогда их тип и характер был еще чисто патриархальный. Но во время персидского владычества в Закавказье евреи усвоили себе древнеперсидский язык, который они называют фарсидским и татским, и, вероятно, образовался у них жаргон, составленный из этих двух языков с примесью древнееврейских, то есть библейских слов, и со множеством слов и языков местных, соседних племен. Письменность у них

на этом жаргоне производилась еврейским квадратным шрифтом, называемым ассирийским.

Во время мусульманского владычества в Закавказье евреи совершенно отатарились, приняли мусульманский характер и многое из обычаев, нравов и образа жизни мусульман; но язык их остался тот же самый, фарсидско-татский, на котором они и ныне разговаривают между собой. Я привожу здесь несколько слов этого языка и рассказ, записанный мною на их языке, для примера.

Ма — я	Амбар — очень
Ты — ты	Амбар хубо — очень хорошо
У — он	Хиеты — есть
Йму — мы	Нисты — нет
Пишу — вы	Хуб-нисты — нехорошо, худо
Ухо — они	Биор — дай, принеси
Худо — Бог	Оу — вода
Аасму — небо	Хурум — пить
Сар — шар	Оу-биор-хурум — дай воды
Земи — земля	напиться
Нить — сиди	Диа маа — дай мне
Нишит — сидите	Чи — что
Баба — отец	Чи у гуфтерени — что он
Дадай — мать	говорит?
Бирор — брат	Чи у иста — что он хочет?
Хахар — сестра	Чи у биор — что он принес?
Духтар — дочь, девушка	Хузум биор — дрова принеси
Кук — сын	Нун биор — хлеба принеси
Гуфтере — говорить	Гушг-кови — говядина
Иста — хочет, желает	Гушт-понды — баранина
Хизум — дрова	Нумо — имя
Тахайр — вечер	Кейф — как
Нун — хлеб	Духтар амбар гукчеги —
Шпр — молоко	красавица
Корда — нож	Сах-баши — очень благодарен
Хуб — хорошо	Данэстены — понимаете?
Хубо — хорошо	Чул — деревня

Счет:

еки — 1	нохоада — 19
дидо — 2	бист — 20
сеса — 3	бист-пендж — 26
чор — 4	бихзда — 30
пендж — 5	бихздпоходза — 35
шеш — 6	дубист — 40
хафт — 7	дубист-пендж — 45
хашт — 8	дубистха — 50
нэ — 9	сабист — 60
тха — 10	сабистха — 70
йахозда — 11	чорбист — 80
ду-хоза — 12	чорбистха — 90
сахозда — 13	сат — 100
чорда — 14	дусат — 200
похозда — 15	сасат — 300
шохозда — 16	чор-сат — 400
хавда — 17	пендж-сат — 500
хашда — 18	хазор — 1000
	ду-хазор — 2000 и т. д.

Ма аморум — я пришел
 Ты амори — ты пришел
 У амори — он пришел
 Йму аморим — мы пришли
 Ишму аморит — вы пришли
 Ухо амо — они пришли
 Кейф ту хуби — как твое здоровье?
 Кейф ишму хуби — как вы проживаете?
 Кейф зенты хуби — как твоя жена проживает?

Рассказ на этом языке

А пендж хазор, пендж сат, чорбист чор дахсал, кей рафт Мусурмохо ези чул Араг а Мурсуль-хан а куфта а Хайтах, йа Мусурмох нумы Дамур, яурд аз Хайтах ай

Сейфертейра духузди аз намаз Исраильхо Хайтах и Араг. — Вагурд ванджи Сейфертейра чекмэ кушкерд аре хушта, вагурд, ти како бахеш керт Мусурмохора ухо ареж-шита хошкинэ чекмэ, хош кердет а Сейфертейра капой ханжал тало ахариши хан-жалхора. — Гуфтурут Исраильхо а Мусурмох аричу ванджирены и чи Худохи, арчу ира азиничихо хош кердени? Худо иш-муре мидады. — Мусурмохо хостам берут пискунут рах Исра-хила, вагурдут Сейфертейра тапорид арад малад, ухо хандус-гут, ухо бешмердут Худо Исрахила. — Йа руз борда азарло бисто мусурмо Дамур, амбар сахтиназарло бисто, у джурай — за асахт — дзухун новаз джурай за у гуфты: вай! сухтум, сухтум! дулма еухтэ! Га руш чуруй за ношомах веда рафт.

У мусурмох дуруд ки у аде хадж мурда,. Худо додо мурд, тарсируд байгурдуд ути келохо Сейфертейра ки айшу бегурдут торуд а Исраильхо. Исраильхо бегурдут танород а намаз.

Перевод

В 5594 году от Сотворения мира, когда мусульмане, жители деревни Арага, отправились с Мурсул-ханом воевать с жителями селений Кайтага, один мусульманин, именем Дамур, взял Пятикнижие Моисея, на пергаменте написанное, которое он похитил из синагоги кайтагских евреев, и принес в селение Арага. Этот мусульманин взял пергамент Пятикнижия, разрезал его на куски, сделал из них себе башмаки и много еще кусков роздал другим мусульманам, чтобы они также сделали себе из них башмаки и чехлы для кинжалов и пистолетов своих. Евреи говорили им: «Зачем вы делаете так, это святая книга, за что вы оскорбляете ее так? Бог накажет вас за такое преступление и взыщет с вас такую обиду!»

Мусульмане же насмехались, и для того, чтобы еще больше рассердить евреев, взяли куски рукописи и топтали их в грязи, хохотали, хулили и ругали Бога евреев.

Через день заболел весьма сильно мусульманин Дамур, он кричал из всех сил каждую минуту: «О, я горю, я горю, я сторел, сердце мое горит!»

Несколько дней кряду он так кричал, пока душа из него вышла, и он скончался.

Мусульмане, видя, что Дамур умер и так жестоко мучился, стали рассуждать и пришли к убеждению, что Бог его наказал за оскорбление святыни; они стали сильно бояться за себя, собрали все куски пергамента Пятикнижия и возвратили их евреям. Евреи же с радостью спрятали их в своей синагоге и восхвалили Бога своих предков.

Сверх древнееврейских слов, которые мне пришлось слышать в их разговоре, я еще заметил много халдейских слов и талмудских фраз. Они, вероятно, приняли Талмуд во время его издания. Раввины их рассказали мне, что у них есть предание, что некоторые из ученых, входящих в состав талмудских толкователей, жили в Прикаспийском крае, как, например, Нахум Гамадай, то есть мидийский, жил в старой Шемахе, в Ширване, и Симон Сафро (то есть Симон ученый или писатель, ибо «сафро» есть халдейское слово и значит «автор, сочинитель») жил в г. Дербенте, и поэтому-то встречается в Талмуде много фарсидско-татских слов. Судя по этому, можно предположить, что в древности были у них ученые раввины и что народ тогда мог находиться на гораздо высшей ступени умственного развития. Теперь же их нравственное положение весьма в упадке. Я познакомился со всеми горскими раввинами в местах их пребывания и нашел только в г. Дербенте их главного раввина, который вместе со своим отцом отлично знают учение Талмуда, все законы и установления еврейской религии, знакомы с новой еврейской литературой и даже знают грамоту русскую. В других же местах раввины или знают еврейский закон весьма неудовлетворительно, или же почти ничего в нем не смыслят.

Вообще еврейское народонаселение в Прикаспийском крае и Терской области не обучается своей грамоте, и мне приходилось всякий раз слышать на мой вопрос: можете ли говорить по-древнееврейски? — один ответ: «Моя амхарец», что значит по-библейски: «Я простак, неграмотный». С трудом я мог объясняться по-древнееврейски и с их раввинами. Даже местной грамоте они не обучаются, хотя им и необходимо знать ее по торговым их делам. Во всех деревнях они платят мусульманскому мулле, а в городах какому-нибудь грамотному татарину, чтоб им писали письма и разные бумаги, за что каждый мулла получает от общества годовое жалованье или от каждого особую плату за письмо, за просьбу и т. п. примерно по 10 коп.

Об обучении своих детей грамоте они мало или и вовсе не заботятся. Преподавателями у них резники, которые вместе с тем занимают и раввинские должности. Когда они свободны от резки скота, тогда только занимаются обучением детей. Они обучают мальчиков читать и писать, а также и Библии с переводом на фарсидско-татский язык. Кто из хозяев желает отдать своего сына в учение, тот платит раввину два абазы в год, то есть 40 коп.; сверх того раввин получает от таких хозяев на праздники муку, соль, кур и другие съестные продукты; если же хозяин занимается торговлей, то приносит раввину в подарок две пары чулок или кусок ситцу на платье для его жены. Если кто из молодых людей стремится достигнуть раввинского звания, то отправляется в Дербент к тамошнему главному раввину и там обучается или же едет в Россию к русским евреям и у них изучает правила, установленные для звания резников. Больше этого им не нужно, ибо стремятся только быть хорошими резниками, так как ремесло это достаточно для обеспечения их жизни. Другие познания их не интересуют, и лишь только такой молодой горский еврей получил или успел получить свидетельство, что он может быть хорошим резником, как спешит уже он на свою родину.

По приезде его из России в деревню к своим односельчанам эти последние встречают его с радостью и почестя-

ми; каждый из деревни считает себя счастливым, если скажет ему ласковое слово; женщины желают, чтобы Бог осчастливил их такими же сыновьями, девушки рады иметь таких женихов. Его принимают везде с большим уважением, точно возвратился он к своим родным, окончив курс наук в каком-либо университете со степенью доктора, а в сущности, этот ученый горец, окончивши свое учение в каком-нибудь ешиботе или у одного из резников, ничего не знает, да и он не может ничего знать, потому что когда он приезжает к русским евреям, то он, во-первых, языка русских евреев не понимает: каким же образом он может успевать в учении своем, когда не понимает объяснений и толкований своего учителя? А когда, в несколько лет, начнет он немного понимать разговор евреев, то все-таки вполне не может понять толкования закона; стараться же образовать самого себя по-европейски он не находит нужным, потому что ему желательно выучиться только своему ремеслу и получить свидетельство. Таким образом, возвращается он на родину без всякого образования, без всяких успехов в науках и остается там таким же полудиким горцем, каким был прежде, хотя и играет роль ученого раввина, и все односельчане им весьма довольны.

В каждом еврейском обществе в горах, как я сказал, найдется несколько человек, которые могут объяснить по-древнееврейски, то есть сколько-нибудь могут читать и понимать Библию; но таких весьма мало. Например, в Дербенте, где находится до 200 домов евреев, найдется около 20 человек, знающих еврейскую грамоту; в Араге около 90 домов и не больше 8 человек грамотных; в Кубе около 100 домов, и только около 25 или 30 грамотных; в Грозном до 200 домов, а грамотных всего 5 или 6. Столько же найдется их в Хасавюрте, в Мюджи, а в остальных аулах могут только одни раввины, да разве 1 или 2 из мирян объяснить по-древнееврейски.

По приезде моем в какую-нибудь деревню я считал нужным посещать училища, чтобы видеть, где и как учат

детей. Меня обыкновенно вводили в сакли, которые большею частью помещаются возле синагог или в домах раввинов. Помещения для училищ оказывались обыкновенно тесными, грязными; учащихся насчитывалось примерно на 200 домов не более 15. Обучают таким образом: раввин сидит на земле или на ковре, а вокруг него — все мальчики; вместе со своим учителем они кивают головами, читая молитвы или Библию с татско-фарсидским переводом и с татарским напевом. Печатные еврейские азбучки у них редко бывают; большею же частью раввины рисуют на таблицах буквы алфавита, и дети учатся читать и писать с этих прописей. Они все пишут на колене по мусульманскому способу, к чему так привыкают, что им трудно и неудобно писать на столе. В Дербенте находится школа вроде раввинского училища; она помещается при синагоге в хорошей комнате — светлой, с окнами европейской формы и довольно чистой; те, которые кончают курс в этом заведении, получают свидетельство на звание раввина или резника от тамошнего главного раввина. Остальные же училища в Дербенте, а также училища в Грозном, Хасавюрте и в деревнях находятся в весьма жалком виде.

Разъезжая в горах по деревням с еврейским населением, везде я встречал евреев, праздно расхаживающих с трубками по аулу или сидящих возле лавок, мечтающих бог знает о чем или беседующих около своих домов. Большею же частью они собираются возле синагог или резниц и на площадках деревни, где просиживают долгое время, рассуждая между собой или же толкуя попусту.

Вообще они любят выслушивать всякого рода новости. Если кто-либо проезжает, еврей или мусульманин, через их деревню, они останавливают его, — и вдруг около него собирается толпа с расспросами о новостях из его аула или что он знает о других деревнях; любят они также рассказывать друг другу религиозные сказки и в этих рассказах проводят день до вечера. Я приведу здесь некоторые из их рассказов, которые они сообщали мне весьма охотно.

Рассказ 1-й

Предки наши, которые жили в деревне Кусары (ныне штаб-квартира, недалеко от Кубы), передали нам, что в 5496 году от Сотворения мира, когда Надир-шах разорил еврейскую деревню Колкоту (ныне развалины на берегу реки Кудиял-чай в двух верстах от г. Кубы), избил и взял в плен многих из тамошних евреев, — в то время раз утром, когда раби Реувин бен-Самуил кончил утреннюю молитву и сел со своими учениками на дворе синагоги читать по обыкновению своему определенную для каждого дня талмудическую диссертацию, прибыл предводитель войск Надир-шаха и проходил со своими войсками мимо синагоги. Увидев раввина с его учениками и много евреев из посторонних слушателей, предводитель вздумал прежде напасть на это сборище и убить их, а потом уже разорить деревню. Предводитель подошел со своими воинами к раввину, вынул свою саблю и занес ее на его голову; раввин, испугавшись, как держал в то время книгу в руках, так и поднял ее против сабли, чтобы защитить себя. Сабля не попала на его голову, а прямо на книгу, и книга была разрублена пополам. Предводитель, видя, что раввин остался неповрежденным, сказал ему: «Я вижу, что Бог ваш предохранил тебя от жестокости меча моего; за изучение Его святых законов будь ты спасен с твоим народом!» Потом он обратился к своим воинам и приказал им не трогать и не беспокоить никого из евреев. Попрощавшись с раввином, он со своим войском оставил деревню Кусары и, по милости Бога, Авраама, Исаака и Иакова, она была спасена тогда от нападения Надир-шаха.

Книгу эту показывал мне кубинский раввин Гершон. Действительно, она пополам искусно разрублена; сохраняется она у него как драгоценный талисман, предохранивший его предков от злых намерений врагов; она за-

ключает в себе: описание св. града Иерусалима, служение первосвященников в судные дни в храме Соломона и некоторые толкования каббалистические, печатана в Венеции в 1587 году.

Рассказ 2-й

В смутные времена Надир-шаха евреи много страдали от нападений различных войск и шаек разбойников, так что не проходило дня без приключения и несчастья; хлеб на полях и домашнее имущество были постоянно уничтожаемы, голод постепенно увеличивался, и евреи, не будучи уже в состоянии терпеть более жестокую участь свою, стали оставлять свои обиталища и расходиться по разным местам; некоторые поселились в г. Кубе, но большая часть евреев решила оставить навсегда этот край и предпринять путь в Багдад и Палестину. Они собрали оставшееся имущество свое, приготовили припасов на дорогу, забрали свои семейства и в надежде на Бога своих патриархов пустились в путь.

Раби Давид бен-Реувин был их наставником и путеводителем. Они странствовали с места на место, пока дошли до Каспийского моря; там они сели на корабль. Во время поездки по морю они потерпели большое кораблекрушение. Раби Давид бен-Реувин и все старики облеклись в талеты (то есть в покрывала, которыми все евреи покрываются во время молитвы в синагогах) и стали молиться Творцу земли и морей; женщины и дети в отчаянии рыдали с воплями и молились. Все это не помогло: корабль стал разбиваться и разрушаться. Наконец, в последние ужасные минуты Бог умилилсердился над ними и сотворил им чудо — они были спасены на одном острове, который представился им пред глазами при потоплении корабля.

Там, на острове, они жили пять дней; съестные их припасы погрузились в море, и они питались зеленью и овощами; через пять дней по благой воле Господа Бога про-

ходил мимо того острова другой корабль. Корабельщик был седой старик. Увидев остров и на нем много людей, он весьма удивился, потому что в жизнь свою, сколько раз он ни ездил по морю, никогда не видел никакого острова на этом месте; из любопытства приплыл он к тому острову и спросил евреев: «Кто вы и из какой страны?» Они отвечали ему: «Мы горские евреи; с нами случилось несчастье, но вместе с тем и чудо Божие: наш корабль утонул, а мы были спасены на этом острове». Шкипер им отвечал: «Если вы израильтяне, то предки ваши давно уже привыкли к божеским чудесам, и, как я вижу, сам Бог привел меня сюда окончательно спасти вас; я весьма рад быть посланником от Бога; переходите все ко мне на корабль — я вас доведу до материка». Они остановились возле берегов Ширвана, все высадились с корабля на берег, а оттуда опять странствовали, пока не дошли до старой Шемахи; отсюда они отправились к своим братьям в селение Мюджи. Только что вошли они в селение, как скончался их верный путеводитель, раби Давид бен-Реувин, изнемогший от изнурений дороги; он был погребен на старом еврейском кладбище в селении Курдовоне, местопребывании в древности евреев, пленников Салманасара, ассирийского царя. Пришельцы рассказали своим братьям свои приключения на море и на суше, и все прославили Бога Израиля.

Рассказ дербентских и кубинских евреев

По бакинско-кубинской почтовой дороге, недалеко от Девичинской почтовой станции, в горах находится деревня Кала-Чирах, в которой жили евреи еще задолго до прибытия сюда Надир-шаха. Когда Надир-шах стал нападать на эту страну и притеснять ее жителей, евреи особенно пострадали тогда от жестоких гонений; они принуждены были выселиться из Кала-Чираха в г. Кубу. Ханчала чирахский, видя, что евреи оставили свои жилища навсегда, велел собрать все надгробные камни, находившиеся на

еврейском кладбище, и выстроить из них ему дворец. Жители исполнили с радостью его приказание и выстроили ему из этих камней великолепный дворец. Когда хан со своим семейством и всем имуществом перебрался во дворец, то не прошло и нескольких недель, как заболела его жена и умерла, потом дети все заболели и померли, наконец, и сам хан жестоко заболел, сильно мучился и после необыкновенно тяжелой болезни скончался, так что из целого семейства хана не осталось ни одной живой души, даже все лошади на ханских конюшнях погибли. Сколько раз пробовали тамошние жители-мусульмане селиться во дворце, они тоже умирали. Дворец этот стоит пустой, никем не обитаемый и до сих пор. Мусульмане боятся по вечерам проходить мимо него. Евреи уверяют, что Бог наказал хана за взятие надгробных камней с еврейского кладбища на постройку дворца и что мертвецы за обиду, нанесенную им, передушили его с семейством, а также душили и других мусульман, которые поселились после в том дворце; даже и невинных лошадей они не пощадили.

ГЛАВА 3

Верования горских евреев в бессмертие души. Верование в переселение души после смерти в животных. Понятия об аде, верховном небесном суде и рае. Господствующие болезни и способы их лечения. Похоронные обряды. Женщины-плакальщицы. Горские еврейки

Верования в бессмертие души у горских евреев различные: некоторые веруют, что душа человека по оставлении ею мертвого тела не отлучается от могилы тела ее целый год, а по окончании года возвращается к тому месту на небе, откуда взята, и там в Царстве Небесном покоится вечно. Некоторые полагают, что скоро по выходе из тела она улетает на небо, некоторые же веруют, что она целый год находится на том самом месте, где вышла из тела, а потому горит у них постоянно лампа на том месте в честь души. Некоторые также веруют, что душа посещает каждый день могилу ее тела на кладбище; по этой причине в некоторых местах есть обычай, что ставят воду на кладбище для душ человеческих, чтобы все души в ней выкупались и очистились от нечистоты мертвых обиталищ, прежде чем они поднимутся в свои святые места на небесах.

Горские евреи веруют также в переселение человеческой души после выхода ее из тела в различных животных, чистых и нечистых. Она бывает в них иногда долго,

иногда короткое время и перемещается из одного животного в другое. По мнению горских евреев, душа известный срок страдает в теле животных. По окончании же срока она переходит в ад и там должна очиститься от нечистоты своей через огонь, а потом отправляется на покой в место, для нее назначенное.

Ад они представляют великим бесконечным чертогом, в котором находится множество отделений. В каждом отделении есть ангелы-истребители и черти, которые терзают грешников различными жестокими мучениями, как, например: бросают их в кипящие котлы, ставят на раскаленные сковороды, обмазывают их нефтью и зажигают, бьют жгучими железными прутьями, бросают в пропасти, кидают в воздухе с одного конца мира до другого. Ангелы же истребители исполняют в точности волю верховного небесного суда. В субботний день не производится никаких наказаний в аду — грешники отдыхают. В субботу же вечером уже повсеместно раздаются в аду вопли и жалобные крики.

Верховный небесный суд представляется большим чертогом, в котором горит бесчисленное множество свечей; раввины и великие люди Древнего мира, седые старики сидят в белых саванах вокруг длинных столов. Там висят большие весы, на которых взвешивают добрые и злые дела человека. Если грехи превышают добрые дела, то решается участь грешника по общему совету, именно какие наказания он должен принять на себя. Чертог наполнен постоянно мертвыми людьми, прибывающими туда из всех концов земного шара. Там дозволяется присутствовать их предкам и ближайшим родственникам, которые давно уже покоятся в раю; они имеют право вмешиваться на общем совете — просить за своих осужденных родственников; они также могут находить для них какие-нибудь оправдания в облегчение их жестокой участи. Плач, крики, вопли и рыдания слышны по всему чертогу; тут просит покойный отец о своем сыне, там мать о своем дитяти и т. д. Подобно тому, как за свои злые дела человек

получает наказание, так за добрые дела он удостоивается награды, то есть по очищении души от грехов впускается в рай.

Рай они представляют себе на самом высшем небе, где стоит трон Творца миров; пред ним бесчисленное множество ангелов и херувимов в великом благоговении расхваливают имя Иеговы Саваофа и стоят готовыми ежесекундно исполнять волю Его.

Все праведники и благочестивые люди, которые отличались своими добродетелями на земле, сидят и наслаждаются вечным невыразимым умственным наслаждением о Божьем величии. Каждая душа из мужского и женского пола имеет свое назначенное место. Праведники и добрые люди сидят в золотых и бриллиантовых креслах ближе к Господу Богу, другие же, которые по грехам своим того не заслуживают, — стоят поодаль: это для них непереносимый стыд перед прочими навсегда.

Теперь сообщу я несколько сведений о болезнях, господствующих в горском еврейском населении, о способах их пользования, а также об обрядах, сопровождающих у этих евреев смерть и погребение.

Болезни у них бывают различные, не во всех местностях одинаковые, но большей частью они болеют лихорадками и глазами, также золотухой и бугорчаткою, в особенности в Кумыкском округе, в деревнях Андреевой, Аксаевской и Костеке, по причине узких улиц, тесных жилищ и их нечистоты.

Если кто заболит, то они прибегают к своим бабьим средствам, а иногда призывают аульного знахаря, и редко-редко случается, чтоб они доверили больного окружному медику. Чаще призывают цирюльников, приезжающих из Персии. Эти последние имеют свои лекарства, приготовляемые из разных трав; для продажи их они нанимают лавку на базаре. Все медикаменты их заключаются в большом мешке и завязаны в грязных тряпках. Такие медики, по-видимому, нигде не учились, не имеют никакого понятия о медицине и только знают по практике разные

врачебные средства. К таким незнающим и полудиким азиатам горские евреи питают полное доверие; ученые же медики не имеют у них никакого авторитета: они презирают лекарства, прописываемые ими, полагая, что в эти лекарства они вмешивают свинину или другие тrefные вещи, то есть запрещенные по закону Моисея.

Во время болезни обязаны все односельчане навещать больного почти каждый день. Когда же больной умрет, тотчас же собирается целое общество в дом умершего. Раввин, его ученики и некоторые грамотные из поселян садятся около мертвеца. Мертвец лежит на полу, покрыт черным покрывалом и вокруг него горят свечи, — все читают псалмы Давида, а резник с учениками читают мишну в честь души, находящейся тогда в доме возле тела ее.

Усопший лежит на земле до тех пор, пока готовят для него одежду, называемую по-библейски тахрихим. Целое общество сидит возле дома умершего или во дворе его и шьет этот тахрихим; в то же время женщины-плакальщицы собираются во дворе, садятся группой в большой круг и оглашают воздух протяжным плачевным напевом. Одна из них стоит на коленях и расхваливает достоинства умершего; в это время она бьет себя кулаком в лицо, в голову и в обнаженные груди так сильно, что другие женщины, сидящие возле нее, удерживают руки с обеих сторон. Когда она кончает одну фразу, все женщины отвечают ей словами: хюйа-алла! хюйа-алла! о Боже! о Боже! — бьют себя между тем в голову и делают такие странные гримасы и движения, что страшно смотреть на них.

Все они сидят с растрепанными волосами, одеты в весьма старые оборванные платья, а некоторые покрыты белыми покрывалами. Когда стоящая в середине женщина кончает свою речь, то за ней из группы выходит по очереди другая и т. д. Чем более они при этом выразят свои чувства красноречивыми словами, тем больше заслуживают славу у других женщин. Оттого, икая, плакальщица в разгаре своего вдохновения совершенно теряет себя, забывает себя, глаза у нее, как и у других плакальщиц,

горят огнем и налиты кровью, свирепая дикость выражается на лице.

В то время подходят к ним некоторые мужчины, по два и по три человека, слушают их речи, кивают головами и рыдают как дети. Несколько минут они так участвуют в плаче женщин, потом удаляются, другие на место их подходят и т. д. Мужчины также бьют себя кулаками в грудь, в голову и лицо, когда участвуют в плаче с женщинами. Это продолжается до тех пор, пока готовится одежда тахрихим для умершего. Потом ставят палатку на поле и переносят труп в нее. На поле раскладывают огонь и на нем согревают воду для обмывания тела умершего. Потом одевают его в одежды из белого коленкора — сперва в рубашку, сшитую с башлыком, а рукава вместе с перчатками, так что лицо и голова закрываются башлыком, а пальцы рук — перчатками рукавов; потом в штаны с чулками, вместе сшитые, для закрывания ног. Далее заворачивают труп в талеф, то есть в покрывало, которым евреи покрывают себя в синагогах во время молитвы, и надевают на него белый саван; наконец, кладут труп на носилки, покрывают его или черным сукном, или красным персидским шелковым большим платком. Носилки бывают временные и постоянные. Временные делают из двух длинных толстых деревянных палок, переплетенных короткими ветвями дерева, наподобие лестницы, а постоянные делают столяром и укреплены железом, в виде решетчатого ящика, с ножками и ручками; таковые стоят постоянно в передних синагог. В тех местах, где в обычае временные носилки, евреи считают грехом иметь постоянные, ибо они живут с надеждою, что настанет день, в который прекратится смерть, и, во-вторых, они веруют, что если носилки стоят готовыми, а равно если могила вырыта без надобности, то непременно должен еще кто-нибудь умереть; поэтому скоро после похорон носилки разламывают и бросают в огонь.

Женщины провожают мертвого — с воплями и рыданиями, с ужасным криком и плачем, причем бьют и коло-

тят себя руками в голову, лицо и груди только со двора; потом они или возвращаются назад, в дом умершего, или расходятся по своим домам и начинают расхваливать тех женщин, которые отличились своими речами и движениями. Мужчины же отправляются с трупом на кладбище, порою останавливаясь на несколько минут, причем читают или одну главу из псалтыря Давида, или молитву за усопшего. Подходя к кладбищу, они останавливаются на некоторое время на поле и становятся в полукруг: раввины читают молитвы, а народ в это время бросает в воздух кусочки разломленной старой азиатской серебряной монеты, думая этим задобрить злых духов. По окончании этого обряда направляются к могиле. Могилы вырываются глубиной около 2,5 аршина и более; покойника кладут лицом вверх, покрывают в вышину одного аршина над ним досками, чтоб он мог свободно лежать, и доски засыпают землей. На могиле ставят надгробный камень с надписью; большей частью, кроме имени умершего, пишется следующая фраза из книги пророков: «И много из спящих в земле пробудятся и встанут к вечной жизни». Еще обозначают день, в который потребован (такой-то), сын (такого-то) в верховный небесный, суд, число, месяц и год по еврейскому летоисчислению от Сотворения мира. На некоторых памятниках описывают добродейства и достоинства покойника, например, то, что он делал добро всякому, помогал бедным, не обидел ближнего, был гостеприимен, не был горд и тому подобное.

Возвращаясь с могилы, срывают три раза траву, растущую на кладбище, и бросают ее через плечо, говоря: «Да прекратится смерть на веки веков, аминь!» Когда выходят с кладбища, все обмывают руки, становятся в большой круг, в середину которого входят сын или наследник покойника или же ближайшие родственники его, если сыновей нет; раввин читает молитву за покойника, а потом все утешают родного или родных его и оттуда отправляются в дом покойника. Там готовится обед или ужин (если поздно бывают похороны); раввины читают

там молитвы, мишну, Талмуд и книгу Иова в честь души покойника. Целый месяц, а иногда целый год горит лампа с маслом на том самом месте, где душа вышла из тела, по причине вышеописанной; целый месяц читают там молитвы по три раза в день и по целым дням до глубокой ночи женщины-плакальщицы просиживают там и плачут; другие женщины деревни и девушки приходят туда также ежедневно участвовать в общем рыдании. Обед и ужин обязаны кушать в том же доме, и сюда каждый хозяин приносит свои кушанья. Мужчины кушают отдельно, в комнате покойника, а женщины тоже отдельно; такие общие обеды и ужины продолжаются тоже целый месяц. По окончании же месяца наследник покойника или вдова приготовляет обед и ужин для целого селения; если они бедные, то общество помогает им в этом. Тогда опять раввины читают молитвы ради успокоения души покойника и скорого вхождения ее в рай.

Такие поминки возобновляют по окончании года в тот самый день, в который покойник умер; тогда делается еще раз всеобщий обед и ужин для целого общества. Траур по усопшему исполняют по установлению религии: разрывают верхний кусок платья под воротником, возле груди, и так ходят в разорванном платье целый год. В Кубе мне рассказывали евреи, но я сам не видел, что в течение первого года от смерти какого-нибудь молодого храброго человека женщины не раз берут его лошадь, надевают на нее сбрую, на коня садится верхом молодая женщина ростом с умершего, причем она одета в его костюм, с его пистолетами, кинжалом и шашкою. Все женщины и девушки собираются и окружают коня, начинают при этом плакать, кричать и рыдать, бьют себя в груди, зовут эту женщину его именем и оглашают воздух воплями. Этим они себе воображают, что покойник сам сидит верхом на коне и одет, как живой, пред ними. Представление такого рода доводит их до экстаза.

Вообще женщины горских евреев очень склонны к плачу и ищут случая для того, чтобы было о чем поплакать.

Так, когда я объезжал Прикаспийский край и Терскую область, я везде встречал женщин, оплакивающих покойников. Они говорят: «У нас такой адат. Когда мы выплачемся, то на сердце легче делается». Помню, например, что по приезде моем в селение Янгккен, лежащее недалеко от Маджалиса в Кайтаг-Табасаранском округе, я услышал издали пение женщин; с тамошним раввином я отправился по тому направлению, откуда оно слышалось, и спросил раввина, что это за пение? Он мне ответил, что это не пение, а плач женщин. И действительно, когда мы подошли ближе, то увидели, что почти все женщины деревни сидят в живописной группе и плачут с такой странной мелодией, что издали казалось, будто они пели; их глаза уже опухли от рыдания, и все они были избиты страшным образом. Я спросил их, давно ли умер тот, которого они оплакивают? Представьте мое удивление, когда я услышал, что уже 25 лет прошло после смерти оплакиваемого!

Кроме склонности к такому странному оплакиванию покойников, я заметил еще, что горские еврейки любят заводить между собой перебранки, доходящие до схваток. Во всех почти еврейских деревнях в горах пришлось мне видеть ссоры и драки между прекрасным полом. Мужчины в этом отношении гораздо скромнее. За какую-нибудь мелочь еврейки могут поссориться между собою, причем поднимают крик и шум. Смешно смотреть, как они бранятся, — одна против другой дергаются, машут руками на все стороны и кричат изо всех сил, проклиная одна другую. Подобные ссоры происходят и среди улиц, и на крышах саклей; с большим трудом мужчины разгоняют ссорящихся по домам. Но, упомянувши об этой слабой стороне горских евреек, я должен сказать, что они вообще добросердечны. Они душевно рады принять гостя, услужить и угодить ему. Они вообще весьма трудолюбивы — занимаются хозяйством, приготовлением пищи, присмотром за домашним скотом, рубкою дров, носят на себе в кувшинах воду — богатые и бедные, без различия; они также занимаются шитьем одежды для всех членов семейства, как

для женщин, так и для мужчин. В свободное от домашнего хозяйства время они ткут разноцветные шнурки для продажи, занимаются сушением табака и другими разными работами. Между ними попадаются искусные рукодельницы, которые вышивают кисеты для табака и денег бисером с разными украшениями, а также изготавливают различные принадлежности женских уборов. Кроме всего этого, женщины занимаются печением хлеба. Печки для хлеба устроены только у некоторых хозяек для всей деревни; этими печами пользуются и остальные хозяйки. Большой частью пекут они хлеб и только раз в неделю, под праздник, но иногда случается, что пекут и в другие дни недели, в особенности когда приезжает к ним гость. Печки эти устроены в особой комнате или же на дворе возле дома. Это большие ямы, сделанные в земле и обмазанные глиною и известью. Каждая хозяйка приносит туда хворост и одно-другое полено дров для топки, также приносит с собою готовое тесто, из которого делает чурочки, прилепливая их к внутренним стенам ямы, в каком положении они и выпекаются. Возле таких печей собирается много женщин, и каждая ожидает своей очереди, а между тем, в ожидании ее, рассказывают сказки, новости и разные сплетни, болтают без умолку, хохочут, шепчутся, поверяя иногда друг дружке любовные свои интрижки.

Между молодыми женщинами встречаются франтихи, которые красят себе волосы и брови. Встречал я и таких, которые разрисовывают себе лицо возле глаз и на щеках; они рисуют красками разные фигуры вроде маленьких шариков и кривых линий черного, красного и каштанового цвета, и в таком виде они весьма похожи на дикарок. Заднюю косу они постоянно носят в длинном шелковом мешке, похожем на рукав. Этот рукав на голове, под покрывальным платком, висит сзади плеча, как хвост.

ГЛАВА 4

Свадьба у горских евреев. Одежды и наряды, мужские и женские. Обряды при рождении детей мужского пола. О древних именах мужского и женского пола. Богослужение и молитвенные дома

Горские евреи совершают брачные союзы большей частью между своими родственниками, реже со своими единомерцами из других аулов. Девушка двенадцати лет и далее уже выдается замуж. Помолвка совершается у них с младенчества. Иногда два друга или родственника, когда у одного родился сын, а у другого дочь, заключают между собой нечто вроде брачного условия в том, что дети их уже считаются засватанными. В тот день они пируют. Когда дети вырастают, то из дома невесты или сама невеста посылает каждую субботу жениху подарок, а жених, в свою очередь, посылает подарок невесте, также каждую субботу. Подарки состоят из различных фруктов и субботних кушаний. Невеста должна непременно попробовать кушанья, приготовляемые в доме жениха, а жених должен попробовать кушанья, приготовляемые в доме невесты. Сверх этих подарков жених посылает невесте часто и другие подарки, как, например, что-нибудь из предметов одежды и разные золотые и серебряные украшения. Невеста же вышивает жениху кисеты для табака, арахчины, то есть ермолки, отделанные в азиатском вкусе, с галуна-

ми, бисером и мишурными украшениями. Кто приносит невестин подарок жениху, тому дает жених подарок за труды. Жених завязывает монету в платок, в котором был невестин подарок, и отправляет это секретно к невесте.

Жених называется арас (халдейское слово, означает «засватанный»); невеста называется аруса (тоже слово халдейское, означает «засватанная»). В течение времени от обручения до свадьбы, которое продолжается несколько лет, невеста, лишь только увидит своего жениха или кого-нибудь из его родственников, должна сейчас же присесть на землю, закрыть лицо свое платком, а жених, увидевши невесту или ее родных, от стыда стесняется даже говорить.

В течение сказанного времени, когда случается посторонняя свадьба, на которую жених и его невеста оба приглашены, то жених делает там для своей невесты шабаш. Шабаш делается таким образом: жених дает несколько монет распорядителям танцами; эти распорядители берут сперва одну монету и объявляют громким голосом следующее: «Арас, филонкез, бир монат шабаш айлади», то есть жених такой-то дал одну монету для танца и кружения. Все молодые люди отвечают затем громко: «Гой шабаш! гой шабаш!» (Вот и танец! вот и танец!), то есть скоро и потанцуем. Потом опять распорядитель танцами кричит: «Вот еще монета в честь приглашенных гостей», — и молодежь опять отвечает: «Гой шабаш! гой шабаш!» Потом распорядители танцами еще раз говорят: «Вот еще монета в честь музыкантов (зурначей)», — а молодежь опять отвечает: «Гой шабаш!» гой шабаш!» После этого распорядители говорят опять: «Еще монета в честь всего общества», — а молодежь отвечает громко: «Гой шабаш! гой шабаш!» Тогда зурначи начинают громко играть с аккомпанементом барабанов, невеста танцует, а распорядители танцами и молодые люди прыгают кругом невесты.

За месяц до бракосочетания приходит отец жениха с двумя свидетелями в дом невесты отдать отцу ее определенную выкупную сумму денег, которую согласился же-

них выплатить за невесту. Отец невесты делает на эту сумму своей дочери одежды и наряды; если же он хочет, то берет эту сумму себе и требует у жениха, чтобы он выплатил ему еще столько, сколько издержано на воспитание невесты с младенчества ее до свадьбы; иногда же, сверх суммы жениха, он сам еще прибавляет какую-либо сумму в приданое своей дочери, — все зависит от доброй воли отца невесты. В старину был у них адат, что жених должен был дать отцу невесты перед свадьбой 1 корову, 12 руб (18 пудов) пшеницы, 2 рубы (3 пуда) сарачинского пшена, 20 кур, 3 аршина шелковой материи и 1 белую простыню; в настоящее время он дает только 10 кур, 1 рубу (полтора пуда) сарачинского пшена, 3 аршина шелковой материи и 1 белую простыню.

Брачное условие, или свадебный контракт, заключает раввин в присутствии родителей жениха и невесты и при свидетелях. В условии говорится, что муж должен кормить и одевать жену, жить честно и хорошо с нею, в случае же развода, когда того захочет муж, он обязан выплатить ей сумму, по обычаю (если он женился на девушке, то следует ей 35 рублей серебром, если же женится на разведенной, то 15 рублей, кроме того, разведенной остается та одежда, которую жених ей сделал до брака); если же причиной развода будет жена, то она должна возвратить мужу всю одежду, справленную ей на свадьбу, и родители ее должны выплатить ему все расходы, издержанные им на свадьбу. Все европейские евреи, по обычаю и установлению Европы, имеют только по одной жене; но по закону Моисея не запрещается многоженство, а потому горские евреи, по закону и обычаю своих предков, а также по примеру тех мусульманских племен, между которыми они живут, имеют и более чем по одной жене, но не более трех.

За неделю до свадьбы жених приготовляет кушанье для раздачи тем лицам, которые находятся в трауре по своим родным, умершим в том году; это делается в тех видах, чтобы они дали ему позволение сделать свадьбу в

их траурное время, ибо без такого позволения нет обычая играть свадьбу.

В начале недели перед свадьбой невеста требует к себе двух девушек из своих подруг: они должны прислуживать ей, помогать шить ее свадебные одежды и находиться при ней до бракосочетания ее: они получают наименование согдуши, то есть прислужницы. В субботу вечером эти две согдуши отправляются ко всем девушкам по деревне звать их к невесте, причем они говорят: девушка такая-то (имя ее и имя ее отца), приходите спать к невесте (имя ее и имя отца ее): вас просят. Девушки, собравшиеся к невесте, должны оставаться у нее до выхода ее замуж. Обыкновенно совершают брак в среду вечером, и очень редко в четверг и пятницу. От воскресенья до среды все девушки сидят у невесты по целым дням; там они кушают, поют и танцуют. В течение этих трех дней каждое утро и вечер невеста с девушками выходит на крышу своей сакли, и там они поют татарские песни. Когда кончают петь на сакле, невеста отправляется с визитами к тем родственникам своим, которых она приглашает на свадьбу. Она расхаживает в сопровождении девиц по улицам деревни с пением, игрою на барабанах и с танцами и заходит по домам приглашаемых; там принимают ее весьма хорошо. После угощения приглашаемые дают невесте подарки, и она со своими девицами, как прежде, с музыкой, танцами и пением возвращается к себе домой. Так проводит время невеста в течение последних трех дней до свадьбы.

Теперь посмотрим, что делается у жениха. В течение этой же самой недели к жениху собираются женщины из его семьи шить и готовить ему одежды к свадьбе, за что он их угощает и дарит им разные подарки, как, например, шелковые рубашки и платки. В четверг вечером к жениху приходят два шафера, называемые бирорами (если же один из этих бироров есть брат жениха, то он называется думором). Эти два думора или бирора должны неотлучно находиться при женихе до субботы. В пятницу готовят кушанья для гостей, и вечером после мо-

литвы отправляются оба шафера к жителям деревни приглашать их к жениху и говорят там молодым парням, еще холостым, когда такие находятся в каком-либо доме: «Кто еще не был венчан, да будет у него венчанье такое же, — к жениху пожалуйста!» За это приглашение там их хорошо угощают. Приглашенные собираются в доме жениха и пируют до глубокой ночи. В субботу, после утренней молитвы, шафера приглашают всех домохозяев еще раз к жениху на угощение. В старину был обычай, что в субботу утром приходили к жениху только одни старики, но теперь приходят все мужчины без исключения; там они веселятся до полудня. В полдень мужчины уходят, а вместо них являются женщины; они поют и танцуют там до вечера.

В воскресенье отправляются молодые люди в лес набирать дрова для топки и приготовления свадебных надобностей. Когда привозят эти дрова на своих ишаках, то жених привязывает платок каждому ишаку на голову — подарок хозяина ишака за труды.

В понедельник вечером все молодые люди, которые привезли дрова, собираются к жениху, и там они гуляют целый вечер. Еще за день до этого приходят музыканты (зурначи и барабанщики); женщины и девушки встречают их на улице с радостью, каждая женщина выносит им навстречу посуду с чуреками, держа ее на голове. Когда музыканты входят во двор жениха, все девушки начинают петь и плясать, а старухи бьют в ладоши под оглушительные звуки зурначей и барабанщиков. Так гуляют в доме жениха до среды.

Во вторник готовится в доме невесты обед, состоящий из плова и кур, взятых у жениха, для всех жителей деревни; в числе их находятся отец и братья жениха, но сам жених там не бывает. По окончании обеда, который продолжается до вечера, все отправляются к жениху; там забирают все одежды, наряды и подарки, которые жених приготовил своей невесте, и относят их к невесте с особым церемониалом, который совершается

таким образом: каждый мужчина берет из дома жениха факел, чтобы освещать улицы, а женщины берут большой круглый медный поднос, на который кладут две чашки (около двух гарнцев) сарачинского пшена и двух кур, на них же кладут все подарки жениха для невесты; этот поднос поднимает одна женщина и ставит его на свою голову, держащие факелы идут впереди, а за ними следует эта женщина с подносом; за ней другие женщины несут на головах своих подносы с чуреками, затем идут зурначи и барабанщики и играют; за музыкантами следует остальной народ с факелами, крича «Ура!». Старики и старухи танцуют, а девушки поют всю дорогу до прибытия к дому невесты. Оттуда выходят им навстречу, принимают от них факелы и ставят их во дворе; музыканты играют, все танцуют, а молодые люди в честь невесты стреляют из своих ружей и кричат «Ура!».

Из тех двух кил пшена и двух кур, которые жених послал невесте, готовится закуска для согдушей и девушек, находящихся неотлучно при невесте. В тот самый вечер эти девушки целую ночь поют и увеселяют невесту и говорят ей: «Йа шевла михмун дадай, йа дукла русмун дадай», то есть только этот вечер ты гостя у матери твоей, еще последнее веретенце осталось тебе выпрясть для матери твоей, потому что завтра среда, — она после свадьбы оставит дом родных и перейдет в дом мужа. Невеста в тот вечер одевается во все лучшие наряды свои, а сверху закрывается шелковым платком; девушки поют и танцуют у ней до полуночи. В этот вечер также в обычае выкрашивать невесту и ее подруг, то есть их руки и пальцы, красной краской.

В среду утром отправляются шафера и музыканты ко всем хозяевам за получением от них подарков, таких как табак, вино, платки и т. п. Потом они приходят к молодым женщинам, которые в тот год вышли замуж, и берут их в дом жениха (потому что со дня их свадьбы до этих пор они еще не выходили из дома, ибо почти полгода после свадьбы они стыдятся выходить на улицу). Когда эти мо-

лодицы приходят в дом жениха, в то время две женщины из того дома дают мимическое представление. Одна из них одета как мужчина, вооружена с ног до головы и держит палку в руке; лицо ее покрыто платком, а на голове папаха; другая одета как обыкновенная татарка: они обе танцуют, прыгают и целуются. Тут музыка начинает играть, и народ окружает их. Женщина, которая одета по-мужски, разгоняет его палкою своею, но в это время кто-нибудь из народа похищает другую женщину, ее любовницу, и потом прячут ее где-нибудь; одетая по-мужски ищет ее и, не находя, начинает сильно плакать, бьет себя в голову и в грудь и падает на землю в обморок. В то время является любовница и, увидевши ее лежащую в обмороке, подходит к ней, рассматривает ее осторожно, дышит ли она, плачет, рыдает, бьет себя кулаками в грудь, голову, как бы оплакивая своего любовника или мужа. Скоро мертвый поднимается с земли, — она радуется, обнимает его и целует; потом обе начинают своими палками разгонять и бить народ, отчего поднимается страшный и дикий смех; все хохочут, бьют в ладоши и кричат «Ура!».

В тот день (среду) жених и невеста постятся, то есть они ничего не едят и не пьют целый день. В то время, когда жених бреет свою голову, молодые люди выезжают на своих лошадях, разгуливают по деревне и джигитуют. Когда жених окончит бритье головы, ему подают лошадь; он садится на нее и вскачь пускается к своим товарищам, и, когда он подъезжает к ним, они все встречают его с большим радушием, крича ему: «Ой атлан, атлан гиов, Темир-хан атлан гиов!», то есть «Ты, жених, едешь на коне своем, как Темир-хан ездил во время своего царствования!». Когда жених проезжает мимо домов деревни, то все женщины выбегают из своих саклей и бросают муку на его плечи. Потом жених пускается вскачь вперед, вся молодежь за ним вслед, прямо на берег реки, — там жених купается, а молодые люди надевают на него венчальные одежды, кладут ему на лоб немного перегоревшего пепла в знак траура по Иерусалиму и поют все вместе плачев-

ным тоном 137-й псалом Давида «На реках Вавилонских мы сидели и плакали, вспоминая Сион» и пр.

В то самое время невеста должна также выкупаться или в реке, или в сделанной нарочно для такой цели у евреев купальни, называемой миква (древнееврейское слово и означает: собрание воды в одном месте). Когда жених оденется, молодые люди закусывают тем, что они с собой привезли; но жених не участвует в этой закуске по причине поста, как я выше сказал. Когда они все готовы возвратиться, жених говорит им: «Кто желает из вас поскакать и прилететь поскорее к невесте, известить ее, что я уже совсем готов?» Два или три из них пускаются как стрелы, и кто скорее успеет прискакать к невесте и передать это известие, тот получает от нее шелковый платок; этот платок привязывают к шее коня, а на лбу его разбивают яйцо, чтобы коню не повредил дурной глаз. Вторым и третьим, прискакавшие после, получают по одной курице и по кувшинчику вина. Когда жених сам въезжает в селение со своими проводниками, то все жители деревни выходят к нему навстречу с вином и шашлыками, угощают ими его проводников и пьют за здоровье жениха, целуя его в голову, а остальное раздают бедным семействам. Тут женщины из фамилии жениха подходят к нему, неся на головах своих подносы, на которых лежат чуреки, а в чуреки вставлены восковые, тоненькие свечи, некоторые же держат еще свечи в руках. Между этими женщинами стоит енга, то есть сестра жениха или одна из ближайших его родственниц; ее обязанность стоять возле жениха со свечкою в руке и петь до вечера: «Ой атлан, атлан гиов, Темир-хан атлан гиов!» Все женщины танцуют в присутствии жениха. Тогда раввин со своими учениками подходит к нему и поет следующую песню (перевод с древнееврейского стихотворения):

Израильтяне, пойте в честь жениха песню, жених радуется своею невестою, невеста радуется своим женихом. Аллилуя! Аллилуя! (Строфа повторяется после каждого стиха.)

Жених сияет, как утренняя звезда, и невеста прекрасна, как царица, — да будут они оба сиять утром и вечером постоянно в израильском народе.

Божеское благорасположение да будет к нам во время жениха и невесты, — да будет радость и веселье в израильском народе.

Избавитель от всех бед да прибудет во время жениха и невесты, совершит подвиги, как Ионафан, и доживем мы до пира Левиафана в храме Иерусалимском (по верованию простого народа из евреев, во время пришествия Мессии Бог сделает большой пир для праведников; на этом пиру будет большое блюдо из кита, называемое евреями Левиафаном. Простой народ полагает, что Левиафан занимает своей величиною весь океан и что его мяса достаточно будет для всех праведников мира).

Жених и невеста как звезды блестят, — да будут благословенны они Богом Израиля!

Жених в кругу своем как царь, — беседа его усладительна. И невеста его, как Сара, дорогая мать израильского народа.

Дела его добры и справедливы, да спасет его Бог от всех бед! И невеста его, как Ревекка, да заслужит славу в израильском народе.

Да проживет жених долго, и невеста да будет благословенна до тех пор, пока вспомнит Царь Небесный о бедном рассеянном израильском народе.

Жених очень милостив, душа его весьма добра, и невеста его как Лия, да оставит по себе имя в израильском народе.

Да будет он счастлив, ибо его грехи сегодня Богом прощены и невеста его да будет, как Рахиль, жена Иакова,

ГОРСКИЕ ЕВРЕИ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

отца и патриарха израильского народа (по верованию евреев, в день бракосочетания под балдахином прощаются Богом жениху все грехи, какие он сделал с 13-го года до свадьбы, ибо за грехи от рождения до 13-го года ответственность несут родители).

Да снабдит его Господь всем добром и да отмстит его врагам, а невеста его да будет как Иохевед, мать Моисея, пророка и законодателя израильского народа.

Жених венчан, как царь, и одет в лепоту, — да будет он сиять, как звезда, в израильском народе.

Во время его да распространится учение, как светлые лучи солнца, и невеста его да будет как Дебора, верная правительница израильского народа.

Невесту он выбрал благочестивую: она хороша, как Милна, мать Бефуила.

Жених сияет, как луна, — да будет он жить сто лет, и его невеста да будет как Анна, мать пророка Самуила.

Помоги нам, Боже, что мы во время жениха увидели возобновление нашего храма на святой горе Мории, и невеста его да будет как Авигаил, мать пророка Даниила.

Жених наш весел, Бог простил ему грехи, и невеста как Эсфирь, дочь Авгаила, спасшего израильский народ.

Помогите петь в честь жениха и невесты, кои оба чисты от грехов, сияют и блестят в израильском народе.

Пой и ты, жених, вместе со своею невестой; радость ваша теперь велика; обрадуйте также и увеселите израильский народ.

Жених высок, как кедр ливанский; да поможет ему Бог Всемиловитый с нами вместе повеселиться в храме Иерусалимском.

Повеселите все нашего жениха и его невесту — да процветут они, как розы и цветы душистые, и да доживем все увидеть святой град Иерусалим — местопребывание некогда Иеговы, Бога израильского народа.

Благослови их, Боже, с высоты Твоей, и да будут дети их и внуки людьми благочестивыми, добрыми, честными и богобоязливыми в среде израильского народа!

Раввин кончает эту песню и провожает, со своими учениками, жениха домой; там пред женихом танцуют старики и старухи, — этот обычай у них весьма древний. В то время раввин, отец жениха, его остальные сыновья, старшина с депутатами от общества — все отправляются к невесте, проверять по счету весь гардероб ее, вещи, посуду, постель, а также деньги и вообще все приданое ее.

Когда окончат оценку и проверку (эта оценка необходима для внесения ее в условие на случай развода), все они возвращаются к жениху и ведут его с собой к тем лицам, которые носят траур в том году по умершим своим родственникам. Жених должен еще раз просить у них извинения и разрешения на свадьбу. Дело понятное — его хорошо и ласково принимают, дарят ему еще подарки, и он, целуя руки у хозяев, уходит со своими провожатыми домой, откуда ведут его уже в дом невесты. Там для него готово особое место; возле него садится вся молодежь и почетные старики.

В то время входит мать невесты. По обычаю, она должна подойти к жениху, держа в руках новую папаху, серебряный пояс и красный шелковый платок. Жених тотчас встает с места, сложив руки накрест на груди, наклоняет голову и стоит пред нею, как подчиненный, целует руки ее и хочет упасть на колени, но она не допускает его до

этого. Она надевает папаху на его голову, опоясывает его серебряным поясом и навешивает на пояс красный шелковый платок, целует его в голову и затем танцует с ним немного... В эту минуту молодежь кричит: «Гой шабаш!» Гой шабаш!» Мать невесты уходит, а старики и старухи из фамилии невесты начинают танцевать пред женихом, по обряду своих предков; после танца они целуют его в голову и дарят ему подарки. В то время невеста сидит в особой комнате, окруженная своими согдушами и девицами, которые поют различные песни, бьют в ладоши и в барабаны. Между тем на дворе готов уже балдахин, который составлен из четырех длинных палок, накрытых большим шелковым платком; молодые люди держат эти палки, а другие окружают балдахин, держа в руках зажженные нефтяные факелы; женщины же держат в руках восковые свечи.

Под этот балдахин подводят жениха; отец его с раввином заходят также к жениху под балдахин, и все ожидают невесту. Тогда брат невесты отправляется и зовет ее к венчанию, а согдуши берут и ведут ее к балдахину. Так бывает в таком случае, когда венчание происходит на дворе невесты. Когда же венчание бывает на дворе синагоги, то в таком случае невеста должна ехать туда верхом, на хорошем коне, брат же ее должен вести этого коня; согдуши ее должны провожать ее также верхом на лошадях и держать зажженные свечи в руках. Когда невеста подойдет под балдахин в сопровождении своих согдушей, тогда отец и братья ее также подходят под балдахин. Раввин исполняет все обряды венчания точно так же, как и у европейских евреев, то есть по религиозным установлениям талмудистов; разница только в том, что у европейских евреев невеста обходит кругом жениха семь раз, а у горских евреев такого обычая не существует.

Когда раввин прочтет все молитвы и брачные условия, тогда вся публика кричит громким голосом: ура! Согдуши выводят невесту из-под балдахина, брат ее подсаживает ее на коня, и в это время все молодые люди начинают

стрелять, один за другим, в честь новобрачных. Сестра невесты, называемая енгой, должна ехать также верхом на другом коне позади невесты и держать свечу в руке. Если же у невесты сестры нет, то должна другая девушка из ближайших ее родственниц исполнять обязанности енги. Брат ведет коня, на котором сидит невеста, и все девушки провожают ее пешком до самого дома жениха. Когда невеста отправляется, жених еще остается под балдахин, и раввин с учениками поют тогда следующую песню (перевод с древнееврейского):

Адам в наряде обвенчался с Евою — он знаменит между мужами, она знаменита между женами.

Ной в наряде обвенчался с Наамою.

Авраам в наряде обвенчался с Сарою.

Исаак в наряде обвенчался с Ревеккою.

Иаков в наряде обвенчался с Лиею и Рахилью.

Иосиф в наряде обвенчался с Оснатою.

Моисей в наряде обвенчался с Цеперою.

Аарон в наряде обвенчался с Элисевою.

Давид в наряде царском обвенчался с Батшевою.

Соломон в наряде царском обвенчался с Наамою.

Жених (имя его и имя его отца в наряде обвенчался с невестою (имя ее и имя ее отца) — он знаменит между мужами и она знаменита между женами.

По окончании этой песни раввин с учениками провожают жениха домой. По дороге новобрачной в дом мужа все женщины выбегают из домов своих и бросают на нее сарачинское пшено в пожелание ей плодородия, то есть чтобы она родила много детей. Таким же образом встречают ее и все женщины, находящиеся в доме новобрачного, осыпая ее сарачинским пшеном. При входе в дом она должна перешагнуть через кусок железа, положенный при самых дверях, — это делается в залог ее здоровья и счастья. Тут же подносят ей два стакана, один с медом, а другой с маслом; невеста кладет свою правую руку в мас-

ло, а левую в мед и должна помазать немного надверный косяк обеими руками — это делается в знак благополучной и роскошной жизни.

При входе в дом брат невесты, который вел коня ее, делает в честь ее шабаш, то есть он танцует лезгинку с нею, а молодые люди стреляют и кричат: ура! Прислуга подносит народу вино, и все пьют за здоровье невесты. Невесту отводят в особую комнату; возле нее должна сидеть енга с двумя согдушами. Из каждого дома приносят на свадьбу по 3 чурека, с яйцами и мясом; возле дверей стоит человек, который все принимает это от приносящих.

Вечером собираются жители на свадьбу; жених садится, и возле него расстилают большой шелковый платок, на который кладутся подарки, деньги или различные серебряные и золотые вещи от лиц, подходящих к жениху с поздравлением; возле платка стоит человек, который провозглашает, кто именно и сколько дает, причем говорит: «Гой шабаш! такой-то сегодня принес в честь сына, дочери или брата пять рублей». В это время подходит мать жениха, с его родственниками; она держит тарелку, на которой лежат три чурека, окрашенные разными красками; в каждый из этих чуреков вставлено по три тоненьких восковых зажженных свечи, а возле свечей лежат три яйца и три яблока; в яблоки воткнуты монеты. Мать подает это сыну, а глашатай объявляет, сколько денег дает мать и сколько родственники. Такие же подарки собираются и невестою от женщин.

Когда все подарки соберутся, жених принимает их по счету, при свидетелях, и потом все садятся ужинать. После ужина кому угодно, тот уходит домой, а остальные мужчины и женщины танцуют лезгинку при звуках зурны и барабана, до самого рассвета. Когда наступает полночь, согдуши и енга выходят из комнаты невесты, а шафера вводят к ней жениха. По окончании брачного акта жених немедленно выходит оттуда, и в ту же минуту входят туда опять согдуши с енгою; молодой муж отправляется в особую комнату, и в это время шафера его стреляют из своих

ружей, чем дают знать, что дело окончено благополучно. Молодая жена его не слезает с постели 7 дней; енга с со-гдушами прислуживают ей в течение этого времени; каждый день приходят к молодой жене все ее подруги — веселить и утешать ее. В субботу и в следующую среду после семи дней свадьбы собираются к молодому мужу все молодые люди, а к новобрачной — все девушки и пи-руют у них — поют и танцуют в последний раз: молодой чете дается с этого дня свобода и право заниматься своими делами.

Горские евреи, мужчины и женщины, одеваются в те же костюмы, какие носят племена, между которыми они живут. Лучшие наряды женщин постоянно заперты в сундуках, и они ходят одетыми весьма просто и бедно, другие даже в лохмотьях; но в редких случаях, как, например, на свадьбы и в годовые праздники, они наряжаются довольно щеголевато. Мне пришлось видеть обряды, какие бывают у них при рождении детей. В селении Мамраш, в Кюринском округе хозяйка, у которой я стоял на квартире, родила сына. Рожала она лежа на земле, в особой комнате; постелью ей служила солома. Когда дали знать хозяину, что жена его родила, он пришел, и первым делом его было зажечь свечи и прибить к стенам бумажки, на которых написаны имена различных ангелов, предохраняющих новорожденного от злых духов и недобрых приключений; посторонним был запрещен вход к родильнице.

Через несколько дней стали посещать ее деревенские женщины. На 8-й день от рождения дитя было обрезано по установлению закона Моисея. Резник, занимающий должность раввина, сделал эту операцию весьма искусно, да и вообще горцы мастера заживлять раны, в особенности же евреи: они имеют такой порошок, который насыпают на рану, и она очень скоро заживает.

Церемониал обрезания бывает или в синагоге, или в доме родильницы. В укреплении Грозном я присутствовал

также при обрезании. Церемониал был на дворе родильницы и в самое холодное время декабря месяца 1868 года; общество собралось там на дворе, и, несмотря на большой мороз, резник, тамошний раввин, совершил операцию весьма хорошо. После обрезания устроили длинные столы на дворе, на столах поставили кувшины с вином и водкою, вареных и жареных кур и гусей, которых они, без помощи ножей и вилок, разрывали пальцами на куски и ели без хлеба, стоя коленями в снегу.

Есть у них еще обычай, что если родильница сильно страдает при родах, то берут на кладбище землю от могилы кого-либо, умершего в течение 40 дней до времени ее родов, кладут эту землю в стакан с водою и дают родильнице выпить эту воду, с верою, что это будет полезно для родов и плодородия вообще; если же такое средство не помогает, то выкапывают из глубины той же самой могилы еще раз землю, кладут ее, так же как и прежде, в воду и дают ее выпить. Все это делается без позволения раввина, ибо раввины строго запрещают такой способ лечения.

Они дают своим детям имена самая древнееврейские, которые теперь не в употреблении у европейских евреев. Это доказывает, что они должны быть потомки тех евреев, которые взяты были в плен Салманасаром ассирийским, еще во времена первого существования храма Иерусалимского, ибо употребляемые у них имена, мужские и женские, употреблялись еще во время странствования евреев в Аравийской пустыне и во время судей и царей израильских.

Привожу здесь некоторые из таких имен, для примера. Имена мужские: Мамре, Гамлиил, Аминодав, Нахшов, Эльдод и др., принадлежащие ко времени странствования евреев в пустыне; Элькона, Осниил, Уфтах и Монеах, принадлежащие ко времени судей; Авнер, Беноиогу, Иоав, Цефаня и много других, принадлежащих ко времени Израильского царства, при первом храме.

Женские имена: Авигаил, Авишаг, Оснат, Билга, Махдас, Серах, Пенина, Керенгапух, Шунамит, Иоэль, Иеми-

ма, Иска и пр., не существующие вовсе теперь у европейских евреев.

Молитвы у горских евреев те же самые, как у европейских евреев-талмудистов, большею частью по ритусу знаменитого раввина Х.И. Азулои. Молитвы они совершают: утреннюю, когда солнце восходит, и вечерние — при заходе солнца и при явлении звезд на небе...

Синагоги у горских евреев устроены везде по одному плану, в татарском вкусе, и все похожи на мусульманские мечети. Женщины не посещают синагог, а во время молитвы некоторые приходят и становятся под окошками синагоги, до окончания богослужения. Большею частью читает только раввин; все же остальные стоят или сидят молча и слушают моления раввина. Раввин, во время молитвы, стоит лицом к западу, против храма Соломонова в Иерусалиме.

Горские евреи занимаются преимущественно торговлей. Но многие из них выделывают также сафьян, занимаются мареноводством, разведением фруктовых и виноградных садов, для которых потребное количество земли арендуют у землевладельцев на разных условиях или приобретают покупкою, занимаются еще виноделием и разведением простого сорта табака. Жизненные припасы они приобретают у туземцев или у русских на деньги или выменивают на мелкие товары.

Василий Немирович-Данченко

ВОИНСТВУЮЩИЙ ИЗРАИЛЬ

Неделя у дагестанских евреев

1880



Василий Иванович Немирович-Данченко (1844–1936) — русский писатель, путешественник и журналист, старший брат известного театрального деятеля Владимира Ивановича Немировича-Данченко.

С конца 1860-х годов начал печатать в «Отечественных записках», «Вестнике Европы» и других изданиях художественно-этнографические очерки, выходившие позднее отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы»). Отличался творческой плодovitостью. Автор большого количества очерков и описаний многочисленных путешествий — «Страна холода», «По Германии и Голландии», «Очерки Испании», «Земля Марии Пречистой», «Кама и Урал» и многие другие. За весь период творческой деятельности Василия Немировича-Данченко было опубликовано более 60 томов его произведений, а его кавказские очерки были отмечены даже графом Львом Толстым.

ОТ АВТОРА

Неделя под южным солнцем, неделя постоянно сменяющихся, ярких впечатлений среди чудных горных пейзажей, нигде и никогда не повторяющихся.

В этой рамке — клочок семитского племени, давным-давно заброшенный в кавказскую глушь, в среду чуждых ему и даже враждебных народов. Уголок завесы приподнят над борьбою, продолжавшеюся тысячелетия. Видишь, как эти обломки воинствующего Израиля крепи и вырастали в смелых и сильных людей на земле, облитой кровью, на скалах, уходящих в поднебесье.

Тут же рядом — драма изгнания... Обманутые мусульмане горцы, возвращающиеся из негостеприимной Турции домой, чтобы умереть среди безлюдных и молчаливых развалин родного аула, если уже нельзя жить в этих полуразрушенных саклях, где теперь только горные орлы вьют свои гнезда.

Отчего наши евреи выродились, отчего русский Израиль развратился? Разве менее кровавая борьба досталась на долю его собратий, заброшенных в горы Дагестана, разве не столь же томительно было их прошлое, разве они не страдали, не плавали такими же горючими слезами?.. Древний еврей тут весь перед вами.

Я не хочу ни ненавидеть, ни защищать. Я говорю только о том, что видел, и затем ставлю вопросительный знак.

ГЛАВА 1

Ночь в горах. Трагический злодей Магомед-оглы

Пахнет с утра жасминами. Кажется, дышишь не воздухом, а ароматом горных цветов. Глаз устает следить за извивами ущелий, за гребнями гор, за их вершинами, то выступающими серебрёнными куполами на яркой синеве чистого неба, то пропадающими вдаль, чтобы минуту спустя опять замечаются едва различаемыми контурами.

Грохот ручьев справа и слева... Ручьи впереди, ручьи позади... Точно попал в заколдованное царство текучей воды. Поневоле забудешь и неудобный ночлег в горах, и недавнюю усталость, и неудачи на охоте за каменными баранами-турами.

Или во мне совершенно нет инстинктов охотника, или я просто еще не усвоил всей прелести этой беспощадной травли — не знаю. Только как в Лапландии мне жаль было бить диких оленей, так и здесь рука не подымалась целить в эти красивые силуэты гордых животных, словно наслаждающихся с высоты своих неприступных скал громадной панорамой долин и ущелий, раскидывающихся под ними вниз.

Говорят, что тур по ветру не подпустит к себе никакого охотника, говорят, что, застигнутый врасплох, он «голову вниз бросается в пропасть и, ударившись лбом о камень, становится на ноги», — не знаю. Охотники — лгу-

ны по принципу, натуралисты имеют слабость верить им, ну и Господь с ними... Ведь рассказывал же мне мой милейший спутник, Аду-Ника-Магомед-оглы, что жил у них в ауле некто Ходжал-Махи, умевший привораживать туров. От одного взгляда этого дагестанского нимврода каменные бараны делались неподвижными и подставляли грудь под пулю его ружья. Да и ружье у него было тоже заколдованное. Оно само поворачивалось дулом в ту сторону, где находился тур. Ходжал-Махи только и делал, что спускал курок.

— Ну а теперь у вас таких охотников нет?

— Нет... как русские пришли, ни одного не осталось. Перевелись все. Теперь только Юнус-оглы и ходит на туры из нашего аула. Остальным и дела нет... Молодежь — та тоже портиться начинает... Недалеко время, когда горные орлы домашними курами станут, а мужи вместо женщин детей рожать начнут. А все урус!

И Магомед печально покачал головою.

— Прежде, — горячо заговорил он, — у нас судился народ по адату или шариату. Теперь русские своих судов понаделали... Тут недавно какое дело было. Мальчик Курбан-оглы застал мать свою в поле с Сулейманом, соседом ихним. Разумеется, не добрым делом занимались они. Ну а мальчик хорошей крови был, не стерпел бесчестия и убил Сулеймана кинжалом. Что бы ты думал, вместо того чтобы оправдать его, как было бы у нас прежде, русский суд запер его в тюрьму!

— А сколько лет убийце?

— Тринадцатый только. Совсем напрасно пострадал, бедный.

— Неужели же прежде у вас так бы и оставили это дело?

— Зачем так! Тоже совесть была! Родные Сулеймана стали бы мстить. Правильное дело было бы — кровь за кровь; молодежь смелость и удалство показать бы могла... А теперь? Прежде народ честь знал, за обиду кинжалом расправлялся. Мужи были, а теперь бабами стали. Чуть что — к начальству бегут. Какого еще позора ждатель?

У нас здесь есть один такой, жену свою поймал в кунацкой с гостем. Что бы ты думал? — с ужасом обратился ко мне Магомед. — Убил он их? Нет. Жене развод дал и на обольстителя ее, собачий сын, пошел жаловаться в суд. Просто им жить не стоит нынче... Кто говорит, все мы в молодости на эти дела ходили. Кровь играет, поневоле к соседу залезет жену воровать. А только мы знали, что голову свою за это несем, знали, что если оплошаем, так и совсем домой не вернемся!

А ночь действительно выпала на нашу долю плохая.

Черною пастью лежала еще ввечеру перед нами пещера. Мы забрались туда часа на два, пока не взойдет луна. В потемках нечего было и думать пускаться на удачу. На первом же повороте тропинки и мы, и лошади свернули бы себе головы. Кое-как в глубине грота удалось развести костер. У входа темнела холодная мгла. Злобно шипя, колыхалось пламя, с тихим свистом пробегало оно вверх по ветвям сухого орешника, и когда между ними попадался корень, узловатый и толстый — снопы золотых искр падали на черные плиты. Вверху то клубился дым, то багровый отблеск играл на сталактитах.

Костер погас скоро, только, тускло отгорая, еще шипели смолистые сучья. Около пещеры фыркали лошади.

— Теперь пора! Поедем!

Мы встали и вышли.

Высоко горели звезды в ночных небесах, разливая серебряный свет. Из мрака выступали утесы; вон один прямо перед нами, точно матово-белая глыба. Внизу, объятая туманом, долина как пропасть легла. Только какой-то огонек на самом дне ее то вспыхнет, то замрет...

— Костер тоже, — пояснил Магомед. — Тоже луны ждут.

Вон бьется и плещет горное озеро, дробится в огнистые искры. Точно призраки, из расщелин ползет, растет и клубится мглистая тьма.

И вдруг... Точно багровым заревом разом облило застывшую в голубом блеске окрестность. Месяц показался

за Шайтан-горою. Далеко впереди зазмеились извивы тропинки, массы гор определились. Где прежде был однообразный фон, теперь легли оттенки ущелий и выступов. За пропастью налево, на склоне горы, засверкало несколько огоньков. Это горный аул, еще незаснувший... Лунный блеск красным заревом лег на его плоских кровлях, обдал багровым отсветом круглую, суживающуюся кверху башню минарета. Новый поворот дороги — и опять перед нами пустынная местность.

И мы тронулись вперед... В убогих ущельях нас охватывала со всех сторон влажная тьма, теплым и несколько душным воздухом обдавало на скалистых гребнях. Приходилось лепиться почти по отвесным скалам, ползти вдоль пропасти, так что кони сплошь наседали на левые ноги, чуть дотрагиваясь до обрывистого края тропинки правыми.

Словно черные пятна на серых утесах выделялись гроты. Некоторые из них искусственные. Одни высечены троглодитами в незапамятную старь, другие — в позднейшие времена жителями окрестных аулов, спасавшимися сюда от набегов осетин валаджарских. Какую эффектную картину должны были представлять эти отвесные стены, когда временное население их пещер раскладывало по ночам огни, когда на высоте воздушной сверкали эти щели, как пламенные жерла, среди окружающего мрака и безмолвия, над обезлюдевшими аулами мирных долин. А на вершинах гор одни за другими вспыхивали зловещие костры, разнося далеко, за десятки верст, смутный слух об опасностях осетинского набега.

Встал и зашел месяц. Побледнели яркие звезды. Вершины заалели под зарею... А мы все еще были на конях.

Все доступное оку сверкало под заревыми лучами. На изломах утесов, в серебряном дожде небольших водопадов, в водах спокойного горного озера блистали эти лучи. Огнистая вершина Халта-горы казалась алтарем, а вокруг, как цари этого пустынного мира, сияли под зарею своими горящими венцами утесы и скалы в бесконечную

даль уходившего нагорья. Огневными морями раскинулись на нем ледники. А серые туманы под блеском весеннего дня еще клубились в глубоких долинах. Сквозь их разорванный покров кое-где зеленели сады. В одном месте над тучей, точно бирюзовая, голубела верхушка минарета, словно она плавала в волнах этой медленно зыблющейся мглы.

Прелестно начался этот веселый день, приветствуя нас, одиноких странников, запахом жасминов и веселым говором в алмазную пыль пробившихся ручьев.

Тут-то мой кунак и благодетель Магомед пожаловался на растление современных нравов в Дагестане.

— Все-таки прежде хуже жилось, — рискнул заметить я.

— Почему хуже? — Магомед даже приостановился.

— Убийств было много.

— Может быть, ты и хороший человек, да урус. У вас у всех руки сильные, да души воробьиные. Разве подобает мужу крови бояться? Разве не весело, когда кругом звенят шашки и порохом пахнет? Эх, было время! Для храбрых людей не нужно было и повода, чтобы поработать кинжалом. Вот тут недалеко случай был: из-за плети триста человек зарезано.

— Это же как? — невольно удивился я.

— Э, а так, что прежде люди были, а не бабы. Сосед у соседа плеть взял, да забыл воротить ее. Хозяин обругал его, он схватился за кинжал. А в это время народ из мечети шел. Весь аул на две партии разделился. Одни пристали к хозяину плети, другие к его соседу, и пошла «веселая игра». Триста мертвых ввечеру и подобрали... Было время!..

Я невольно приостановил лошадь, чтобы на случай быть подалее от этого любителя «веселой игры»...

Магомед был человек совершенно искренний. Старик, некогда непримиримый враг русских, один из самых неукротимых узденей Хаджи-Мурата, а теперь старшина своего аула, он вырос при такой обстановке, где кровь не

считалась ни во что, а жизнь человеческая ценилась дешевле цыпленка. Представьте себе худое и длинное лицо, с длинным, клювообразным носом. Седые космы усов и бороды совершенно скрывают рот, из-под далеко выдавшихся щетинистых бровей неотступно смотрят на вас грозные очи недавнего мюрида, сотни раз встречавшие смерть и наверное не опускавшиеся перед нею. Лоб и щеки в морщинах, и каждая врезана глубоко, точно острием кинжала. Сухая грудь, сухие, узловатые руки. На коне сидит — точно прирос к нему. Как будто в противоречие самому себе, тот же мюрид Магомед, повествующий о прелестях «веселой игры» и предпочитающий запах пороха и крови благоуханию жасминов, — страстный любитель котят. Даже смешно было видеть эту сумрачную, грозную фигуру, этого «трагического злодея», по-детски забавляющегося с котятами, которых он себе укладывал и за пазуху, и на шею. Того же Магомеда, несмотря на все его величие, ничуть не боялась аульная детвора. Все это голое, толстобрюхое, но неизменно выбритое потомство при каждой встрече с Магомедом непременно потребует от него сказки или лаблабов — местного лакомства. И трагический злодей возится с ними, как с котятами! Судите после того о человеке. Тот же Магомед, ради моего, например, спокойствия готов был сложить голову и искренно обиделся, когда я ему предложил вознаграждение. А кто я ему, спрашивается?

Магомед отличался мягкосердечием и в других случаях. Так, например, если по дороге ползет какой-нибудь жук, трагический злодей непременно объедет его, чтобы не раздавить копытами лошади. Если где-нибудь в проулочке аула воеет паршивая, голодная собачонка, Магомед ее подымет, принесет домой и накормит. Тот же трагический злодей Магомед славится своею игрою на чунгуре (род балалайки со стальными струнами), на котором играют посредством гибкой корочки черешневого дерева. Магомед сочинял сантиментальные песенки и зачастую плакал под звуки своей чунгуры.

А еще про того же сердобольного Магомеда рассказывают, например, такой случай. Давно как-то случилось ему быть на одной сходке вне его аула. Несколько человек позволили себе подсмеяться над ним и между прочим намекнули на то, что жену его Айшу-Мамаат-Кизы видели как-то с его двоюродным братом в том же положении, в каком исторический рогаговец Менелай застал прекрасную Елену с Парисом. Магомед затаил злобу. Он на сходке никому не ответил ни слова, но, выехав из аула, притаился за первую попавшуюся по дороге скалоу. Ждать пришлось ему недолго. Одного за другим он убил неосторожных шутников, вернувшись домой, зарезал Айшу и в ту же ночь покончил со своим легкомысленным кузенком. Десять лет после того он скитался по Вайтагу, взбирался и в елисуйское султанство, — скитался больше по обычаю, чем избегая мести родственников своих жертв. Наконец, во время замирения ему удалось покончить с «канны» и вернуться домой. Тем не менее понятно, что жизнь его висит на волоске. Старые обиды не забыты, и, хотя Магомед прочитал убитым молитву «фатиха» и уплатил их близким деньги, ему все-таки добром не кончить! Магомед был «тоувадакивти», то есть принял присягу не пить опьяняющих напитков.

Вот еще случай для характеристики Магомеда — трагического злодея.

К нему, как к аульному старшине, приехал «нукер» от окружного начальника для взыскания штрафных денег. Собрали наскоро всех властей, другого старшину Юсупа, аульного «крикуна» (глашатая) Мухаммеда. Явился и аульной писарь — тоже горец. При этом, как и следует властям, заспорили, откуда начинать, с южного или северного конца аула. Старики Магомед и Юсуп спорили исто-во, важно. Со стороны можно было подумать, что дело идет о судьбах целого населения, о чьей-нибудь жизни; наконец писарь решил перебраться горцев, подлежавших штрафу, с середины.

По узенькому переулочку, змеившемуся вокруг беспорядочно разбросанных саклей, сборщики поднялись к не-

большой площадке, на которой, у самой мечети с круглым, суживающимся кверху минаретом, стояла жалкая, убогая сакля первого должника Курбан-оглы.

Самого его не было. Вышла жена его, голодная, истощенная женщина.

— С твоего мужа следует три рубля.

Та только широко раскрыла глаза:

— Спаси вас Аллах!.. Да у моего Курбан-оглы и денег таких никогда не было!.. За что?.. Что он сделал?

Мотивы своих решений окружные начальники не объясняют и оправданий никаких не принимают вовсе.

— Женщина, не говори лишнего!

— Да сжальтесь же над нами бедными, посмотрите, как мы живем.

Жили действительно ужасно. Сакля вся состояла из мазанного глиной плетневого короба. В одном отделении его стоял вол и корова, в другом жил несчастный Курбан-оглы. На его жене были лохмотья. Голый ребенок, какой-то жалкий, напуганный, словно дикий зверек выглядывал из-за дверей и поминутно прятался в душную тьму своего жилья.

— Что тут время терять! — вступился нукер. — Гоните корову. Коли через три дня не внесет штраф, продадим в городе.

Несчастливая даже не протестовала. Она только опустила руки, как-то разом поникла и помертвела вся, точно все внутри у нее осело, упало. Пока голодную коровенку выгоняли из хлева, слезы медленно струились по этому закастневшему лицу. Только когда корову выгнали, она разом рванулась к ней, схватила ее за шею и точно повисла на ней.

— Убить вы нас хотите? Что вон те малютки есть будут, они ведь только и живут молоком. Больше у нас ничего нет... Маце, Ахмед!

Из сакли робко показался мальчуган, за ним едва переступала на маленьких ножонках крошечная девочка.

— У нас корову отнять хотите... — рыдала мать. — Заодно и их схороните, все равно с голоду умрут.

Магомед по привычке, совершенно бессознательно, достал из кармана лаблабы и протянул горсть мальчику. А на лице сохранялось все то же начальственное выражение и сумрачные очи так же грозно смотрели из-под седых, нависших бровей.

— Вола можно взять! — заикнулся нукер.

— Вол не ее. Вол братнин! — заметил аульный крикун.

— Нехорошо! — вдруг вырвалось у Магомеда.

Все в изумлении оглянулись на него.

— Нехорошо! В самом деле умрут... Ишь какие маленькие.

И жилистая рука легла на голову крохотной девочки. Та даже присела от этой ласки.

— Нам рассуждать нельзя, — объяснял нукер, — мы посланы... велено...

— Что такое говорите вы там! — разгорячился Магомед. — Кто вас послал? Грабить хотите вы, что ли? У бедных детей кормилицу отнимаете. Что, они виноваты в том, что отец их Юсупу дерзость сказал? Виновата она, что ли?

И Магомед подхватил девочку, поднес ее к самому носу ни в чем не повинного и до сих пор молчавшего аульного крикуна-парня необычайно глупого вида. Букашка в сильных руках Магомеда раскричалась.

— Что же, ты за нее заплатишь, что ли? — насмешливо спросил нукер.

— И заплачу. Гони корову назад.

— Плати, если богат!

Но роли благодетельного провидения Магомед не мог выдержать до конца. Точно желая ослабить впечатление, он разорался на бедную женщину. Та, впрочем, обрадовалась и стала перед ним, опусти голову, но уже с просветлевшим лицом.

— Чего ты тут! — кричал Магомед. — Что ты за хозяйка... Дети голые... Не бьет тебя муж, верно! Ишь ты, тоже плакать умеет. Приведи детей вечером — платье им дам да хлеба велю своей Заза отсыпать вам!

И он опять заорал и затопал ногами.

ВОИНСТВУЮЩИЙ ИЗРАИЛЬ

Оказалось, что трагический злодей является постоянно плательщиком за свой обедневший аул. Все ему должны. Недостача хлеба, другая какая необходимость — сейчас к Магомеду, и он, сохраняя тоже суровое выражение лица, поможет в действительной нужде. Да не так поможет, как помогает, например, наш деревенский мироед, заставляя должника работать на себя, идти к себе в кабалу. Нет, Магомед именно давал так, чтобы правая рука не знала, что делает левая.

Вот вам и трагический злодей Магомед-оглы!

ГЛАВА 2

Кай-Булагская щель. Фея духана. Баба-яга — костяная нога

Горный пейзаж как-то разом померк. Стало все сумрачно, даже, пожалуй, грозно. Представьте себе гору, которая треснула пополам. Щель, со стороны незаметная, блестит как острие ножа, когда тропинка поворачивает прямо к ней. Это даже не коридор, а просто трещина.

— Неужели дорога туда идет?

— Кай-Булагская щель называется. Сказывают давно тому назад, когда еще по всему Дагестану и уруса не бывало, когда наши жили как горные орлы, на всей своей вольной воле, один богатырь проезжал здесь. Десять дней и десять ночей на коне оставался, устал страшно, а тут вдруг крутая гора перед ним.

Ему-то ничего, коня ему жаль стало. Вынул он шашку и рубанул; с тех пор и явилась щель эта. Теперь таких богатырей нет.

По мере приближения к трещине слышался грохот воды, точно сворачивавшей с места громадные скалы.

— Что там, поток?

— Хорошо, что дождя нет, а то не проехать бы.

— Почему?

— А по всей щели, точно облако, вспененная вода бежит. Вниз с откосов ручьи стекают, ну и вздуется, шалит.

Раз тут целый джамаат наш сбросило, ни один жив не вышел. На середине горы дождь их захватил, ну до выхода они и не успели добраться. Тела ужасно избило водой о скалы. Трудно узнать их было. Сюда вот, в эту долину, снесло. С тех пор так и называем мы ее «мертвой».

Прямо у входа в щель был духан. Плоская кровля его далеко выдавалась вперед, образуя открытую галерею. По столбикам, поддерживавшим выступ крыши, ползли вверх виноградные лозы, переплетаясь в тысячи причудливых арабесок. Сквозь эту зеленую сеть ничего не было видно, зато когда, сойдя с лошадей, мы вошли туда, каким чудным уголком показался нам этот жалкий дагестанский кабак! Сквозь виноградные сети солнце играло на стенах дома изумрудным блеском.

На полу, везде, куда ни уходил взгляд, колыхались и вздрагивали тени от этой поэтической арабески. Солнечные блики ложились и на наши лица, и на темный ковер, и на длинные цилиндрические подушки. Даже на бурдюках играло оно зеленоватым блеском. Не хотелось сдвинуться с места, — так хорошо и приятно казалось здесь. Тем более что вокруг духана ложилась сумрачная окрестность бесплодных гор и каменных скал.

— Чей это духан? Должно быть, какой-нибудь армянин выселился сюда из Темирхан-Шуры или Кизляра?

— Еврей держит... Горский еврей... Бениогу называется...

Я сейчас же вспомнил целый ряд интересных этнографических данных, приведенных тифлисским ученым Иудой Черным об этой оригинальной отрасли семитского племени, заброшенной на Кавказ еще во время первого существования храма Иерусалимского. Полагают, что это потомки евреев, высланных сюда Салманасаром. Названный мною путешественник находил между ними имена, употреблявшиеся Израилем еще во время странствования в Аравийской пустыне, при судиях и царях, и не существующие уже у других евреев. Таковы, например, мужские: Мамра, Гамлиил, Аминодав, Нахшон, Эльдот — и женские: Авигаил, Тунамит, Иемима, Иоэл, Авишаги т. д.

Вообще, только в последнее время кавказские исследователи пришли к убеждению, что главный хребет, Карталия и Кахетия некогда, еще ранее Салманасара, были обитаемы каким-то семитским племенем, не оставившим по себе никаких памятников. В обычаях кавказских горцев до сих пор хранятся следы этих аборигенов. Следуя свидетельству Пфафа, по коренному осетинскому нраву брат еще недавно был обязан жениться на вдове умершего брата. Кроме законной жены, достаточные осетины держали наложниц, дети от которых назывались «кавдасардами», оттого что они рождались в яслях, — все это учреждения чисто семитские.

Наружность, жесты, говор осетин напоминают евреев, обряды погребения и жертвоприношений во многом сходились с древнееврейскими. У коренных осетин, по тому же указанию г. Пфафа, сын, как и у семитов, остается всю жизнь при отце и беспрекословно подчиняется как ему, так и всем старшим в роде. У осетин встречаются еврейские имена местностей. Что семиты были аборигенами Кавказа и поселились здесь ранее XV века до Р. Х., доказывается тем, что племена горцев, смешавшиеся с ними и усвоившие себе их обычаи, вовсе не знают закона Моисеева. Против теории заселения древнего Кавказа евреями приводят обыкновенно неимение в существующих ныне языках местных племен еврейских слов. По кому неизвестно, что семиты, поселяясь в данной стране, тотчас же почти утрачивают свой народный язык, почему и «лингвистика к этнографии семитов трудно приложима». Ведь по исследованию того же Иуды Черного оказывается, что позднейшие, переселившиеся уже при Салманасаре сюда евреи утратили совершенно свой отечественный язык.

Еще во времена пребывания св. Нины в городе Урбине, в Карталинии, она беседовала с местными евреями на их древнем языке. Точно так же она говорила и с мцхетскими семитами. Но во время персидского владычества в Закавказье здешние евреи усвоили себе древнеперсидский

говор, называемый ими фарситским татским. В смешанном жаргоне горских евреев так мало древних отечественных слов, что, например, в отрывке, приводимом Иудой Черным, на шестнадцать строк их оказывается только два. Евреи, несмотря на последующее мусульманское владычество на Кавказе, остались и до сих пор верны древнеперсидскому языку, хотя во всем остальном, разумеется кроме религии, они совершенно отатарились. Даже самое имя хозяина духана, куда мы пристали, — Бениогу, дышало чем-то патриархальным, семито-арабским, и вовсе не напоминало нынешних Ицек и Срулей, так же как кавказские горные евреи вовсе не напоминают своих цивилизованных собратий в Европе, являясь племенем в высшей степени привлекательным...

Мы привольно расположились на тахте. Магомед без церемонии собрал несколько ковров, уложил их один на другой и пригласил меня улечься поудобнее. Сам он отправился поить лошадей. Солнце сквозь виноградные сети светило так ярко, откуда-то наносило такой нежный аромат незнакомых мне цветов, у самого уха так задорно и громко щебетали птицы, что я было стал забывать и оригинальное племя, среди которого находился, и исторические изыскания архивариусов науки. Благодатный весенний сон на воздухе уже смывал веки, здоровое спокойствие, полное лени и неги, охватывало меня всего, как вдруг я приподнялся от восторга и изумления.

Из дверей сакли вышла девушка, которую, право, можно было принять за фею. Будь здесь Гейне, попадись ему на глаза это очаровательное видение — мы имели бы прелестную горную легенду. Мне самому стало совестно, что я разинул рот перед красивой дикаркой. Представьте узкий овал лица, тонкого и изящного. Крупные черные глаза миндалинами смотрят на вас как-то робко и покорно. Это взгляд восточной женщины. Черные брови словно чуть-чуть наведены кисточкой — так правилен их изгиб; изящный носик с тонкими розовыми ноздрями, слегка раздувающимися даже и от обыкновенного дыхания, и

маленький рот; несколько припухшие ярко-алые губки, верхняя чуть-чуть вздернута, не безобразно, а ровно настолько, чтобы показать мелкий жемчуг зубов. А волосы хоть и скрывал уродливый шелковый мешок позади, но пряди их выбивались над небольшим лбом и назойливыми, мелкими локонами обрамляли тонкие розовые, сквозившие уши. Распустите по матовой, страстной смуглине этого лица капли две-три крови, настолько, чтобы слегка окрасить лишь щеки, проведите по готовому очерку его также едва заметные голубые линии жилок — и вы поймете, как поражен я был в первую минуту.

Желтая шелковая рубаха с широкими рукавами, перехваченная в поясе, позволяла рассмотреть покатые плечи и талию стрекозы, разом почти переходившую в широкие, роскошные линии сильно развитых бедер. Узенькая, красивая кисть руки была так идеально хороша, что становилось поневоле досадно при виде голубых бородавок цвета выцветшей персидской бирюзы, которые, как перстни, сидели на длинных пальцах еврейки...

Она заговорила что-то гортанным, приятным голосом. Я, разумеется, покачал головою. Насмешливая улыбка на одно мгновение скользнула по ее лицу и пропала... И снова робко и покорно смотрят эти выразительные глаза.

Увы! Встреченная нами фея Кай-Булагского ущелья была первой и последней красавицей среди еврейского населения Дагестана. Может быть, другие мне не попадались, но по долгу добросовестного туриста я должен поведать, что все остальные дамы воинствующего Израиля были очень непривлекательны. Между ними, сверх того, попадаются настоящие, татуированные дикарки. И без того грубые лица еще разрисованы разными фигурами, линиями, кругами, треугольниками. Всего отвратительнее, когда эти знаки наведены ярко-красною краской — точно кровью расписаны. Мне привелось даже встретить старуху, не отказавшую себе в удовольствии провести по лицу несколько черных черточек, придававших ей, по ее разумению, особенное благородство и изящество. Щеголихи с

крашеными бровями и волосами очень нередки. В последнее время, по персидскому обычаю, местные дамы в некоторых аулах наводят багровые колера на старательно отрощенные ногти — точно концы пальцев в крови вымочены. Все эти легкомысленные Евы в будни одеты очень скверно; не говоря о бедных, и богатые щеголяют лохмотьями... Сверх того, они весьма грязны. Англичанин, измерявший степень цивилизации количеством потребляемого данною странюю мыла, пришел бы в ужас от горских евреев.

— Махлас, Махлас! — послышалось изнутри сакли.

Красавица опять заговорила что-то на своем гортанном языке, обращаясь к дверям, и прошла мимо меня, потупив глаза. Потом оказалось, что Махлас было ее имя. Выкрикивала его очень безобразная старушонка с слезившимися глазами, вся сморщенная, точно всю ее выжимали и свертывали, как свертывают и выжимают только что вымытое белье. Старуха что-то очень долго говорила мне на том же непонятном языке, я сочувственно кивал ей головою, ничего не понимая. По тому, что она взмахивала рукою на двор и произносила имя Бениогу, я догадался, что хозяина дома нет... Наконец выкрикивания старухи мне надоели, тем более что с каждым словом она подходила все ближе и ближе, обдавая меня обильным запахом чеснока. Надо было положить предел ее красноречию, и я вдруг с апломбом разразился столь же продолжительною речью на русском языке. Вежливость за вежливость. Старуха столь же внимательно выслушала меня до конца и не менее сочувственно покачивала головою.

— Шашлык?.. Гох шашлык? — задал я ей вопрос в заключение моей речи.

Она быстро забормотала что-то и опять стала выкрикивать:

— Махлас, Махлас!

Фея показалась, но с выражением большого неудовольствия. Я все-таки понял, что дело идет о заказанном мною шашлыке, и было успокоился, как вдруг старуха налетела

на девушку и давай орать ей прямо в лицо. Та тоже не осталась в долгу. Брань посыпалась обоюдная. И та и другая отчаянно размахивали руками, то налетая, то расходясь. Замечательно, что, бранясь, они почему-то выгибались телом во все стороны. Гвалт был страшный. Наконец старуха схватилась за мешок, в который была упрятана коса красавицы, и, вопя, как зарезанная, кинулась из сакли, увлекая за собой не менее крикливую фею. Через минуту девушка вошла вся разгоревшаяся, мечта молниями точно округлившись глаз и не умолкая ни на одну минуту.

Я решил не обращать внимания на ее крики и вынул записную книжку, чтобы внести туда несколько заметок.

Только я взял карандаш в руки, девушка разом смолкла и с выражением крайнего любопытства уставилась на меня. Я стал писать — подошла, наклонилась. Верно, и этого ей мало показалось, просунула голову между моей головой и книжкой. Положение было не из завидных. Розовое сквозное ухо дразнило меня, а тут еще от головы пахнет какими-то цветами, раздражающе пахнет. Стал я ей показывать рисунки — уселась рядом, глаза так и разгораются. Бинобль увидела — показывает на него; дал я ей — возилась, возилась, чуть не заплакала, допытываясь, чему он служит. Я ей показал — захлопала в ладоши и захохотала. Потом пенсне с носу стащила, себе надела, да видно, глаза заболели, как-то особенно уморительно заморгала и кинула прочь....

— Урус якши! — повторяла она, бесцеремонно роясь в моей дорожной сумке. Добралась до какой-то фотографической карточки... вдруг отбросила ее прочь, точно та обожгла ей пальцы. На лице страх, и такой искренний, что я засмеялся опять. Обиженно заболтала что-то по-своему, но рыться все-таки не прекратила.

Будь это в другом месте и при других условиях, я, право бы, заподозрил ее в желании сыграть со мною сценку из старой библейской комедии жены Пентефрия и Иосифа целомудренного. Щека ее так соблазнительно при-

близилась к моим губам, глаза так задорно заглядывали в мои! Мне нужно было все самообладание, чтобы остаться спокойным и равнодушным. А тут еще чуть не на колени села ко мне, и красивая нога из-под шальвар видна.

Что это — наивность или «цивилизация»? Скорей первое, потому уж очень оно непринужденно и безыскусственно делалось. Ребенок сказывался в этом.

Потом действительно оказалось, что Махлас было только двенадцать лет. Как тут не стать в тупик, глядя на вполне развившийся стан и задорные алые губы! Двенадцать лет! Но у нее был уже свой жених и со дня на день ожидалась свадьба. Помолвлена она двух лет от рождения и с тех пор, по местному еврейскому обычаю, каждую субботу посылала своему жениху фрукты или лакомство. Жених ее отдаривал тем же. Несколько раз в год Махлас дарила ему арагчин — изящно расшитые золотом и блестками ермолки, за что тот посылал ей серебряные серьги или такие же пуговицы к бешмету, канаусу на платье и т. д. Все отношения их между собою только этим и ограничивались.

Яруса (невеста), встретив жениха или его родных, должна сейчас же присесть на корточки и закрыть лицо платком, а за неимением его — широким рукавом рубахи. Арас (жених) должен разыграть ту же комедию и, увидев невесту, застыдиться.

— Знаешь ли ты своего жениха? — спрашивал я потом Махлас через Магомед-оглы.

— А зачем мне его знать? Я не хочу «быть маслом в воде». Зачем знать своего араса, когда другие невесты тоже не знают своих? У нас обычай такой.

— Да как же вы жить-то будете?

— У него двести баранов есть! Каждый день плов ест, суп с курдючным салом. Жирный такой суп. Каждый праздник зурначи (музыкант на дудке) будет, дамрука (барабанщика) позовет... Танцуй хоть всю ночь... Хинкал у него и в будни бывает!

— Что это за хинкал?

— Вай... Вкусная вещь! Лучше сахару! Вай-вай, неужели ты не знаешь хинкал! У вас разве не умеют делать его? Да, впрочем, что же вы, русские, понимаете, если хинкалу не едите... Вай-вай, какие вы бедные... Куда же вам, впрочем, и кушать такие вещи!

И она с искренним сожалением качала головою, глядя меня по лицу, точно утешая в великом несчастье незнакомства с хинкалом.

В тот же день я узнал, что хинкал для смертельно голодного человека действительно недурное блюдо. Это род хлебки. В мясном бульоне варят четырехугольные клецки вместе с уксусом и чесноком. Истинные кулинары прибавляют курдючное сало, но это уже роскошь. Другие довольствуются взваром из чеснока и мяса.

— А ты кутум¹ любишь? — так же наивно обратилась она ко мне.

— А что?

— Вай-вай, вкусная вещь. Что лучше кутума? — И она задумалась. — Нет, шелковый бешмет с серебряными пуговками лучше! — совершенно неожиданно заключил свои признания этот двенадцатилетний ребенок-невеста.

Как я досадовал на свое неумение рисовать! Девочка сама просилась в картину. Каждое движение так грациозно и изящно, — тем более грациозно, что об этом не старались. Ленивые, чисто кошачьи потягивания, приемы, если можно так выразиться, округленные, и вдруг — целым каскадом сыплется детский хохот и из недавней полной неги женщины разом делается попрыгунья-стрекоза, не знающая удержу своим шалостям.

¹ К у т у м — копченая, густо просоленная рыба.

ГЛАВА 3

Еврей-охотник, еврей-абрек. Битва с леопардом

— Бениогу!

И Магомед приветливо поднялся навстречу пришедшему. Махлас точно чем-то смело. За секунду была здесь, и вдруг ее не стало. Будто провалилась, только в воздухе еще пахло цветами, украшавшими ее голову, и последние отзвучия серебристого смеха полуробенка-полуженщины дрожали в ушах.

Я поднялся в свою очередь и, признаюсь, был удивлен типом вошедшего хозяина духана.

Несомненно — еврей, но какие благородные черты, какое выражение силы и мужества в лице, какие спокойные, полные сознания собственного достоинства движения! Если хотите, он даже был красив, несмотря на крупные черты и седые волосы, — красив именно юношеской красотой. Ни одной морщины на лице, ни малейшей слабости во всем. Держится прямо, глаза сверкают весело, задорно...

Разумеется, особенному впечатлению содействовал и костюм Бениогу. Ловко сшитая черкеска из верблюжьего сукна плотно охватывала его стройную фигуру. Большой кинжал в сафьяновых ножнах у пояса, без малейших серебряных блях и украшений. За спиной — винтовка. На голове — папаха. Длинный шелк козлиной шерсти от нее двумя прядями обрамлял лицо.

Он с достоинством поклонился мне и, проговорив что-то, подал руку.

— Благословляет твой приход в его дом, — пояснил Магомед-оглы. — Призывает милость Аллаха на твою голову! Будь здесь хозяином... Шалом алейхем! Да исполнятся желания твоей души.

Это в духане-то! Представляю себе, как бы отдал все в мое распоряжение хозяин еврейской корчмы где-нибудь на проселках Могилевской губернии...

— Тебя без меня принять не умели, — продолжал Бениогу. — Старуха моя из ума выжила, а Махлас молода еще. Прости их за невежество! Барух габо!

И Бениогу, несмотря на усталость, взял сам все мои вещи и отнес их в саклю. Оттуда же он вытащил несколько еще более мягких подушек и пушистый кубанский ковер.

— Так тебе лучше отдыхать будет. Не нужно ли обмыть ноги?

Я было не понял, в чем дело. Оказалось очень просто. По словам Магомеда-оглы, Бениогу принял меня за ученого-хахама, которые пользуются здесь громадным уважением, доводящим до изумления, тем более что масса горских евреев совершенно безграмотна. Потом уже из указаний Иуды Черного я узнал, что церемониал приема хахама на Кавказе, в еврейских аулах, очень сложен. Израиль воинствующий чрезвычайно гостеприимен, и гостеприимен без корыстного расчета. Впоследствии случилось, что хозяева искренно обижались, когда я сам предлагал в пешкеш деньги за ночлег в их сакле. Но когда случайно заберется сюда хахам, то самые богатые хозяева аула и раввин спорят о чести принять его у себя. Хахама вводят в саклю под руки, и, пока для его отдыха готовят лучший и удобнейший угол, хозяин, а в других местах и хозяйка обмывают ему ноги. Вслед затем в саклю собираются старшие и почетнейшие люди аула. Каждый подает гостю руки, приветствуя его по-библейски:

— Шалом алейхем, или барух габо.

Гость так же церемонно отвечает:

— Алейхем шалом.

Беседа идет очень живо. Заставить гостя молчать — верх неприличия. Посетители сменяются поминутно, и, пока хозяин подает угощение, остальные болтают как сойки, выспрашивая у приезжего новости и, в свою очередь, рассказывая ему всю подноготную аульных дел. По свидетельству Иуды Черного, этим не ограничивается приветливость хозяев и аула. Если гость беден и нуждается в помощи, общество помогает ему денежным пособием, наделяет его съестными припасами и несколько человек неизменно провожают его до следующей деревни.

Не успели мы устроиться поудобнее, как в дверях показались двое юношей, поразительно похожих на Махлас. Только лица серьезнее, сдержаннее приемы и в глазах какое-то печальное выражение, повсеместно свойственное семитам. Это скорее, впрочем, сосредоточенность, чем печаль. Юноши более похожи на арабов, чем на наших выродившихся евреев.

Они остались у порога, пока их не позвали.

Бениогу был на охоте с детьми. В одном из самых сырых логов Кай-Булагской щели они застрелили джейрана и выследили леопарда. Хищник, редкий здесь, только ушел от них в тущобы окрестного чернолесья, где за чащею преследование его становилось невозможным. Джейрана охотники привезли с собою, и я долго любовался на красивые формы изящного животного, без дыхания лежащего на плотно убитой земле веранды.

— Трудно встретить джейрана внизу, еще труднее убить его! — заметил Магомед.

— Это уже четвертый в эту весну. — И Бениогу толкнул ногою джейрана.

— Опять показались, значит?

— Да. Из Аварии их совсем выгнали.

— Кабанов не встречали?

— Много тут, в сырых местах. Да нам не с руки бить их. Русские дорого платят...

Бениогу слегка поморщился, но, взглянув на меня, сдержался, и лицо разом стало бесстрастным.

Из гостеприимства горский еврей вынесет все. Между русскими «ташкентцами»-чиновниками случались и такие, что возили с собою ветчину и колбасы, ели их на посуде хозяев и жарили в их печках. Евреи терпели и ни словом не протестовали против этого посягательства на их религиозную совесть. Молчание их вызывалось не раболепством. Городской еврей, разумеется, будет принижаться, но еврей горский сумел бы отстоять свое достоинство. Горский еврей молчал, чтобы «не оскорбить гостя», и решался терпеть из-за этого поношение. Восхвалявшие наше русское гостеприимство допустят ли возможность такого же отношения, например, нашего старообрядца к гостю, который наполнит мерзостным куревом всю горницу? Едва ли!

— Откуда леопард забрался сюда?

— Из Кабарды, верно.

— А разве там их много?

— Немного, но встречаются.

Леопарды водятся по северному и южному склону Кавказских гор; они наносят большой вред местным хозяевам, забираясь в их конюшни и хлева, похищая овец и коз. Они до того обыкновенны здесь, что в местечке Чилмас, верстах в четырех от реки Улу-Кама, в Карачае, убили раз леопарда просто палкой. Вот что рассказывает об этом местный уроженец:

«У входа в глубокое и узкое ущелье жил карачаевец Исмаил-Бегеюл-Улу. Сакля его, по здешнему обычаю, построена была из цельных брусьев, составляющих сруб, выведенный под земляную крышу. Карачаевцы — скотоводы, поэтому конюшни их, находясь под одной кровлей с саклей, отделены от жилой горницы только стеной, в которой прорублена дверь. В конюшне у Исмаил-Бегеюл-Улу, сверх того, было двое ворот, одни выходили на р. Улу-Бам, другие находились в заднем конце. Вокруг шла каменная стена, образывавшая дворик, также с воротами. В саклях двери запираются деревянным клином,

вставляемым изнутри в дверной порог, для ворот же употребляется не клин, а деревянный засов, для которого по обеим сторонам двери стоят столбы. Между столбами и стеною и ходит засов, делаемый из крепкого и гибкого дерева.

Как-то ночью, когда в сакле уже спали, жене Исмаила послышался крик козленка. Она встревожилась и разбудила мужа:

— Вставай скорее! В конюшне зверь ходит.

— Спи! Шайтан тебя задави! Какой еще зверь пройдет сюда?

Крик повторился, и Исмаил поневоле встал. Но опять все смолкло. Хозяин, обругавшись, улегся.

— Конюшня точно крепость, а ты тревожишься попусту!

Жена его тем не менее вышла. Более ста штук коз лежало подле задних ворот конюшни. Засов же оказался задвинутым не вполне, а только наполовину. Ворота показались ей подавшимися внутрь.

Луна светила ярко. Серебряный блеск ее сквозь окно точно курился над массою стада и белыми стенами сакли.

Женщина подошла ближе к воротам и только тогда увидела пеструю лапу, которая, высунувшись из-под порога, держала козленка. Толкнув ворота снаружи, хозяйка прижала лапу, но она тотчас же с силою была выдернута вон. Отворив ворота, жена Исмаила увидела, что какой-то пестрый зверь идет прочь.

Воротясь обратно, она почти не задвинула засова.

— Тебе, должно быть, привиделось! — заключил Исмаил, когда она рассказала ему обо всем. — Леопарды сюда еще не заходили.

Через два часа в конюшне опять раздался крик. На этот раз встревожился и Исмаил. Взяв винтовку, он вошел в конюшню, сопровождаемый женою, у которой в руках был пучок горящих лучин.

На этот раз все козы сбились в кучу к передним воротам и, дрожа, посматривали на задний конец конюшни.

Исмаил заметил там пестрое тело зверя, лежавшего над полузадавленным козленком. Свет от лучины, блеснув в глаза леопарду, заставил его бросить добычу и отойти к стене. По ней он стал цепляться, ища выхода. Только что Исмаил приложился, чтобы выстрелить, леопард бросился ему прямо на грудь. Завязалась безмолвная борьба: ни человек, ни зверь не уступали. Винтовка нечаянно выстрелила на воздух. У горца другого оружия не оставалось. Ему наконец с большими усилиями удалось сбросить с себя зверя, готового опять на него кинуться. Не зная, что делать, Исмаил направил дуло на хищника, который захватил его пастью. Горец несколько раз ткнул изо всей силы в горло, и зверь стал заметно смирнее, выпустив совершенно винтовку. Маневр этот повторялся еще. Исмаил поднесет винтовку к леопарду, тот схватит дуло в рот, горец и давай заталкивать его в горло. Наконец леопард стал ловить зубами не конец ружья, а старался поймать его сбоку.

— Жаль ружья, совсем испортит! — сообразил Исмаил и, бросив его, отыскал в углу сакли деревянные вилы, которые от первых двух-трех ударов разлетелись в куски. — Принеси дубину скорей! — крикнул он жене, безмолвно смотревшей на эту сцену.

Та притащила первую попавшуюся валку, но и она сломалась также. Наконец Исмаил увидел положенный поперек конюшни дрюк, которым и начал колотить леопарда. Скоро зверь был убит, а наутро сняли с него шкуру, которую потом показывали по всему Карачаю. Как оказалось, леопард, вторично подойдя в воротам и стараясь вытащить из-под них козленка, все сильнее нажимал их, вследствие чего засов выгибался, а между двумя половинами ворот образовалось пространство, в которое леопарду удалось понемногу протиснуться в конюшню. Тотчас после этого засов своею упругостью заставил ворота захлопнуться, так что зверь очутился в западне».

«Шкура этого леопарда, — говорит г. Петрусевич, — прекрасного, светло-желтого цвета с черными кольцеоб-

разными пятнами. От головы до конца хвоста он длиной в три аршина с четвертью; на кончике же хвоста роговой нарост, отличающий леопарда от других особей из рода кошек».

— Всегда ли так безопасна встреча с леопардом? — спросил я у Бениогу.

Тот только покачал головою.

— Леопард — страшный зверь, — пояснил Магомед. — Редко удастся выйти целым, если встретишься с ним. Это самый сильный из всех горных шайтанов.

— Охотятся здесь за ним?

— Бениогу охотился. А другие нет. Опасно. Случится, что и выстрелить можно, а все-таки обойдешь его мимо. Не вяжись с шайтаном, голова на плечах целей будет...

— А Бениогу случалось уложить хоть одного?

— Бывалое дело. Раз ему только зверь руку помял да плечо исцарапал. Он у нас великий охотник, бесстрашный человек.

Если это и исключение, то все-таки замечательное. Еврей — великий охотник, еврей — бесстрашный человек!

Бениогу оказался тоже непримиримым врагом и кавказских медведей, которых он бьет здесь десятками.

Во все последующее время мне уже не удавалось встречать таких закоренелых Нимвродов между горскими евреями, но, по словам лиц, близко знакомых с делом, Бениогу — не единственное исключение.

Наш хозяин и не одним этим был славен в окрестном населении. Давно уже тому назад отец его убил какого-то табасаранца, задумавшего похитить его дочь, красавицу, судя по ее брату. Вор был пойман с поличным, когда он перекидывал через седло связанную девушку. Долго не думая, Уфтах (отец Бениогу) убил обидчика на месте. Собрался джамаат, и Уфтах был объявлен «канны». Спасаясь от кровомщения, еврей ушел в другой округ, где и сделался абреком.

Изолированное положение абрека, человека вне покровительства законов, ежеминутно преследуемого и по-

этому преследующего, в свою очередь, создавало удивительные типы. Прежде его тип рисовали следующим образом: абрек как будто объявлял весь мир на военном положении. Для него уже не существовало уз дружбы или родства. Он не щадил никого и сам ни от кого не ждал пощады. Как шакал он всю свою жизнь прятался по засадам, выглядывая оттуда жертву, чтобы самому не стать добычей других. Обладая безумным мужеством, он быстро дичал и часто становился ужасом на громадных пространствах. Были абреки, десятки лет заставлявшие трепетать окрестное население. Казалось, что в них замирали все человеческие чувства. Он убивал ради наслаждения убивать. Для него не было женщины — и он поэтому не щадил женщин. На ребенка он смотрел как на будущего врага. Изгнанный своею родиной, он нигде не находил ее.

Один из путешественников по Аравии описывает встречу в степи с бедуином, над которым тяготело изгнание и кровомщение, но тот бедуин был бы агнцем в сравнении с дагестанским абреком. На лице абрека не видали улыбки. Холодный блеск глаз, блеск хорошо отточенной стали, выражение спокойного равнодушия к чужому и своему страданию, изможденные черты и вечная жажда крови, прорывавшаяся в те минуты, когда под влиянием какого-нибудь волнения это напускное бесстрашие сбегало прочь, открывая постороннему тайники глубоко оскорбленной и до конца измучившейся души. Нужно было пережить целые годы отчуждения, по месяцам не слышать человеческого голоса, предполагать везде убийц, чтобы дойти до такого холодного зверства. Во время войны с русскими абреки обращались и против нас, и против своих. Для них были единственными союзниками такие же изгнанники, как и они. Человек, над которым не висит меч, человек, знающий, что его жизни не грозит ничего, на совести не лежит никакого черного пятна, — был врагом абрека. Абрек был волком между людьми и человеком среди волков! Абрек и умирал убивая...

И в то же время, несмотря на установившийся тип абрека, какие великодушные порывы, какие чистые побуждения прорывались в этой ожесточенной природе! Тот же Уфтах, убивавший, чтобы не быть убитым, помогал каждому, кто, в правом деле, обращался к содействию его сильной руки. Он воровал сам девушек для молодых людей, которым отцы отказывали или которые не могли внести калыма. Он мстил за несправедливость, подставляя свою голову под нож или под пулю. Он раз, безоружный, приехал в аул к отцу убитого им человека и потребовал гостеприимства в его сакле. Зачем? Чтобы помочь старику, о нищете которого дошли до него слухи. Абрек чувствовал себя виновным в беспомощности его и, рискуя жизнью, отдал тому все, что имел сам. Нынешний тип абрека видоизменился. О нем мы скажем впоследствии.

Бениогу был сыном абрека, абрека-еврея. Понятно, что впечатления детства создали и в нем то же мужество, ту же горделивую смелость. Он бы не задумался сцепиться грудь с грудью с обидчиком, не отступил бы перед чужою угрозой. В нем жили такие порывы страсти, такая жажда сильных ощущений, какие были бы по плечу разве средневековому рыцарю.

Откуда-то сильно пахло гиацинтами. За саклей звонко распевала Махлас, перекликаясь с братьями. Обед, к которому была изжарена часть джейрана, приправляемый хорошим вином, пришел к концу.

— Что ж, пора? — обратился ко мне Магомед-оглы.

— Куда торопиться? Разве тебе здесь нехорошо?

Старик прищурился на солнце, сверкавшее сквозь виноградные сети. Зевнул.

— Вечером можем выехать.

— Тогда придется заночевать в пустом ауле.

— В каком это?

— Да тут по дороге. Все, кто жил в нем, выселились в Турцию.

— Переночуем и там.

Серая ящерица быстро пробежала по земляному полу галерейки, оставляя за собою извилистый след и как-то широко расставляя лапки. Еще быстрее мелькнуло мимо красивое лицо Махлас, обдав меня на бегу целым водопадом огневых взглядов. Вон ее голос замирает уже где-то далеко-далеко. Точно какие-то музыкальные ноты относит ветер в сторону. А солнце еще ярче пронизывает колеблющуюся стену виноградных лоз, еще изумрудную...

Сильнее пахнет жасминами и гиацинтами. Чувствуешь, как кровь приливает в вискам от этого одуряющего запаха.

— Куда ты едешь теперь? — обратилась ко мне Махлас.

— Далеко!

— В большие аулы? А там, должно быть, весело, в больших аулах. Сказывают, дома там до неба, а башни так выше неба.

— А тебе тоже хотелось бы туда?

— Еще бы. Здесь скучно. Братья все уезжают. Одна старуха тетка, да и та больше ругается да дерется.

— Вот замуж пойдешь, тогда попроси мужа в Тифлис тебя свезти.

— А что такое Тифлис?

— Большой аул.

— Оттуда к нам шелковые платья возят? И кольца оттуда? Вот хорошо, должно быть, там. Только в больших аулах, говорят, и большие начальники есть. Впрочем, бояться нечего. У меня муж будет богатый. Двести баранов у него.

Вскоре жара спала. Я простился с гостеприимными хозяевами и пустился в путь. Махлас долго провожала меня глазами.

— Как здешние евреи ладят с русскими? — спросил я Магомеда.

— Они горцев больше держатся. Русские хуже их. Русские деньги больше их любят. Русские «расхаживают теперь на нашей голове».

— Да разве вам при русских хуже, чем прежде, что вы проклинаете нас?

— Как тебе сказать? Прежде, положим, и не так безопасно было. Ни шамхалы таковские, ни уцмии хайтагские, ни ханы кази-кумухские не обращались с нами так. Но те были орлы между орлами. Хоть и захлебывали, да все же свои! А теперь вот солдат правит у нас всем. В курятник сесть коршуна ведь не загонишь, хоть там и проса вдоволь! Опять же Аллах знает, что у вас на уме. Слыханное ли это дело, чтоб победители так обращались с покоренными? Вы нас не грабите, не уводите детей и жен наших в плен, значит еще что-нибудь более страшное задумали. Значит, тут есть хитрость какая-то. Не дураки же мы, чтобы не понять этого. В ауле всякий мальчишка знает, что русские задумали какое-то дурное дело и хотят усыпить нас теперь, чтобы врасплах застать! Теперь в одном ауле хлеба не хватило — русские хлеба дали. Разве враги так делают спроста? Прежде аул рассеялся бы по всему Дагестану подаяния собирать, а тут на местах остались. Нет, нас этим не обманешь. Вы вон и сихру¹ знаете. Вы, как древние пираваны², чудеса колдовством делаете. Неужели же такие величайшие грешники на добро способны? Мы, разумеется, будем жить мирно, пока вы своего хвоста не покажете. Оставьте нам оружие и не берите нас только в солдаты.

— А если и вас станут в войска записывать?

— Все уйдем в Турцию. Мы любим свои аулы. На несколько дней уедешь — и то тоска берет, но если на нас шинель наденут, мы уйдем от вас.

Это я знал и без Магомед-оглы. Еще Гаджи-Мурад-Амиров в 1873 году рассказывал, что только одни слухи о запрещении носить оружие и о рекрутском наборе заставляют горцев массами переселяться в Турцию, несмотря на их редкую привязанность к родине. «В их глазах перед солдатской службой самый ад — ничто, хотя мухамеданское пекло похуже дантовского».

¹ С и х р а — наука, дающая средства все узнать и все делать.

² Фараоны.

Вот как, например, плакался один переселявшийся в Турцию:

— Меня не ждут там богатство и радость, но если бы и ждали, то и тогда я не был бы счастлив. Да и можно ли быть счастливым, когда человек покинул родной аул, своих соотечественников, друзей и родных; когда не имеешь возможности посещать могилы своих отцов в пятницы и в день великого Байрама и сидеть в кумае на досуге!

И, зная, что их встретит там нищета, они все-таки уходят сотнями и тысячами.

ГЛАВА 4

Оставленный аул

На окрестные горы ложатся синие тени вечера. По местному еврейскому обычаю, Бениогу отправил двух своих сыновей сопровождать нас до ночлега. Молодежь весело перекликается, забавляясь эхом, болтает с важным и серьезным Магомедом-оглы и на скаку стреляет в ласточек, закружившихся в воздухе.

Мы едва пробираемся по дну Кай-Булагской щели. Направо и налево, то стесняя нас, так что мы проезжаем гуськом, то расширяясь, высятся почти отвесные стены. Зелень треплется на них редкими пятнами, горбины и плоскости камня изорваны черными трещинами, где гнездятся ящерицы и до сумерек неподвижно держатся серые совы. Внизу, по самому дну щели, едва-едва сочится вода, с камня на камень, с уступа на уступ, чистая, холодная.

— Где же это грохот воды слышится? — заинтересовался я.

— А другой большой рукав есть. Он вон в ту косую щель ушел, там и бурлит, ворочая камни.

В одном месте нам пришлось проехать сквозь небольшой каскад. Щель тут сужалась, так что издали казалось невозможным пробраться в это игольное ушко. Мы направились туда гуськом. Там, в этой скважине, сверху вниз обильным дождем сыпался ручей студеной воды.

Нас обдало с ног до головы, потому что свернуть было некуда.

— Как не отведут ручья куда-нибудь в сторону? — заметил я.

— Христиане не позволяют. Захотели мы раз очистить дорогу, столько шума вышло!

— Это отчего?

— Да, говорят, святая Нина нарочно ручей тот пустила. Креститься не хотели здешние евреи, ну так она и сделала чудо — кто ни проедет, всех этою водою окрестит. Хочешь не хочешь, а брызнет. Поневоле! Прежде евреи этой дорогой вовсе не ездили. Горами шли.

— Это неправда! — вставил Магомед-оглы. — Дело иначе было. Окрестный народ давно-давно креститься думал. Только реки не было такой, чтобы в нее погрузиться могли. Ну, святая Нина и велела этому ручью выйти. Кто хотел крещение принять, проезжал Кай-Булагскою щелью. Святой ручей называется.

Христианские предания живут еще в этой давно омульманившейся стране. Развалины христианских храмов встречаются повсеместно, и окрестное население относится к ним с суеверным страхом. Шамиль хотел было через своих мулл уничтожить эти развалины, но ни проповеди, ни приказания имама не могли побудить народ разбросать уже нестройные глыбы тесаного камня, разбить следы алтарей и истребить кресты, оставшиеся на стенах. Народ боялся мщениа Мириам — и верил, что, разорив остатки храмов, он озлобит горных духов, живущих в этих красивых руинах. Как бы ни была плоха погода, иди хоть проливной дождь, мусульманин не станет искать защиты под кровлями и сводами этих церквей. Мне не удалось видеть самому их, но рассказы окрестных жителей рисуют необычайно дикие картины горных трущоб, где таятся развалины. В них только и находит убежище смелый разбойник, которому гораздо страшнее погоня нукеров, чем обители горного духа. Туда же забираются молодые пары, играющие свадьбы «уводом».

Евреи относятся к этим храмам с меньшим страхом, но все же трогать их не решаются. Вообще кавказский горный еврей не питает вражды к христианству. Невежественные раввины его, поддерживая только обрядности Моисеева закона, чужды фанатизма и исключительности остального Израиля. Кроме христианских храмов, особенно уважаются древние священные рощи. В их заповедную глушь проникают с религиозным благоговением. Тут царит вечное молчание, и громкий голос человека не осмеливается резко нарушать этого спокойного сна вековых великанов, переживавших целые племена, давно исчезнувшие с лица Кавказа перед нашествием более сильных и мужественных дружин. В тени этих великанов некогда воздвигались капища неведомым богам, потом древние семиты домоисеевой эпохи совершали здесь свои таинственные служения. Наконец, тут же царил культ Молоха до тех пор, пока эти священные рощи не огласились гимнами христианских проповедников, смененных, в свою очередь, проповедниками и вождями ислама. Так же молчаливы, как тогда, так и теперь, заповедные дубровы, и такой же покой царит под их сводами. Солнце редко проникает в сырые чащи, где только шорох дикого зверя да робкое пение мелкой лесной пташки оживляют безмолвные могилы павших религий и исчезнувших народов.

Часто на дне Кай-Булугской щели лежали громадные скалы, сорвавшиеся сверху. Объезжать их было трудно и не безопасно. В одном месте недавно оборвавшийся утес стеной перегородил дорогу. Пришлось спешиться с лошадями, взять их под уздцы и с трудом, медленно переправить их на другую сторону, рискуя на каждой пядени камня, и особенно при спусках, сломать ногу коню или себе шею. А там опять новый сюрприз. По ветру нас обдало невыразимым смрадом. Магомед-оглы и тот закрыл нос. Мне трудно было дышать, но пришлось пересилить отвращение. В одной из теснин оказался разлагающийся труп лошади. Целая стая воронья разом поднялась, точно вспыхнула,

когда мы подъехали к этому неожиданному препятствию. Сверху доносились к нам пронзительные крики потревоженных хищников, в боковой теснине выл голодный шакал, а впереди уже сгущались серые клубы ночной мглы.

— Пожалуй, и ночь скоро?

— Да. Ущелью конец недалеко.

— Значит, еще засветло доберемся.

Мгла становилась все гуще и гуще, редая на более широких площадках.

Евреи запели унылую песню, странно гармонизировавшую с пустынной и мрачной обстановкой ущелья. Точно в хор этому меланхолическому рокоту воды по дну теснины раздавался шелест ветра, лениво пробиравшегося сквозь кай-булагские дефилеи к счастливой и только что оставленной нами долине.

Мои спутники — дети Бениогу — были из числа «образованных евреев».

Здесь, где масса Израиля невежественна до крайности, умение читать уже считалось образованием. По словам Иуды Черного, в древности среди кавказских евреев было много ученых. Даже талмудские толкователи Нахум Гамабай, то есть мидийский, жил в старой Шемахе в Ширване, и Симон Шафро, то есть ученый, писатель, родился в Дербенте. В то время народ находился на гораздо высшей степени умственного развития. Иуде Черному только в Дербенте попался раввин, знающий древнееврейский язык, остальные раввины не имели о нем и понятия.

— Умеете ли вы говорить по-древнееврейски?

— Моя амлярец (я неграмотный), — отвечали ему всюду.

Большинство евреев не знают и местной грамоты, почему они зависят от мусульманских мулл, которые пишут им письма и разные бумаги. За это муллы получают от общества годовое жалованье. Вообще ни евреи к мусульманам, ни мусульмане к евреям не чувствуют здесь никакой вражды. Они отлично уживаются друг с другом, причем татарин с гораздо большим пренебрежением относится к

христианину, чем к еврею. Солидарность, существующая между муллами и евреями, доказывает, что здесь неизвестно кагальное устройство, подтачивающее народное благосостояние западного края к выгоде тамошнего Израиля.

Евреи на Кавказе, и именно горские, — то, чем они должны были бы быть везде: не обособленная, в исключительное положение поставленная община, а полноправные, сливающиеся с общею массою населения люди, полезные труженики и производители. У нас еврей-земледелец нечто вроде сиамских близнецов, двухголового соловья и других чудес. Там евреи занимаются мареноводством, возделывают фруктовые и виноградные сады, для чего не довольствуются собственными землями, но, расширяя свое хозяйство, арендуют участки у окрестных владельцев. Они же разводят низкие сорта табака, выделывают превосходное оружие, а в последнее время в широких размерах занялись овцеводством. Если хотите, и наши евреи занимаются тем же, но через рабочих крестьян. Черный труд им не по душе.

Кавказский еврей везде работает сам, и с заступом, и с мотыгой, и с киркой. Поэтому они и на вид смотрят молодцами и красавцами, и окрестное мусульманство к ним относится с полным уважением, и в грязи страстей не гниют, и ростовщичеством и гешефтом не занимаются ввиду более производительного и честного труда. Не ясно ли, как глупо упрекать Израиль, что высасывание жизненных соков из окрестной среды в крови у него, что еврей — ростовщик и плут по природе? Таким он является только там, где целые века его терзали отчуждением, давили презрением, сплачивая в нем искусственно страшную силу племенного эгоизма и прививая к нему катальные добродетели. Там, где евреи жили в иных условиях, как, например, на Кавказе, они являются и честными, и полезными людьми. Весь народ дурным не может быть, а только дурные люди могут кидать тень на массы.

Еврейские училища здесь помещаются в саклях вблизи синагог. Несмотря на незначительное число учащихся (по 15 на 200 домов), сакли и тесны, и грязны. «Раввин сидит

на земле и на ковре, а вокруг все мальчики. Вместе со своим учителем они кивают головой, читая молитвы или Библию. Печатные еврейские азбуки у них редко бывают, большею частью раввины рисуют на таблицах буквы, алфавиты, и дети учатся читать и писать с этих прописей. Все они пишут на колене, по мусульманскому способу, к чему так привыкают, что на столе им работать и трудно, и неудобно. Самое большое училище находится в Дербенте; оно и чисто и просторно. Оканчивающие здесь курс получают свидетельство на звание раввина или резника. Остальные же школы в Грозном, Хасавюрте, Темирхан-Шуре и деревнях в весьма жалком виде».

Кай-Булакская щель как разом началась, так же разом и кончилась узким выходом в нагорную долину. Мы оставили внизу густые туманы и по узкой тропинке поднялись на ближайшую вершину. Ясный месяц уже стоял над плоскогорьем, серебрившимся вдаль; серебрилась и мгла внизу, серебрились и скалы под его ласковыми лучами. Только глубокие долины казались черными падами там, где туман не заполнил их совсем.

— Хороший аул был!

— Что, где? — опомнился я.

— Куда едем... Большой аул был... Теперь пустеет.

— Неужели никого не осталось?

— Ну! Кому и быть? Целым джамаатом поднялись люди и пошли. Большая часть саклей разрушена теперь, другие сожжены.

— Кто ж их жег, горцы?

— Горцы? — И Магомед-оглы с негодованием оглянулся на меня. — Разве мы станем жечь колыбели наших детей и могилы своих отцов? Под этими кровлями росли мы сами, кто ж решится уничтожить их? Пусть ветер да дождь уничтожают, пусть их время рушит. Старость для всякого есть, как для человека, так и для сакли! Нет... во время войны сожжено... Много аулов сожжено было... Аулы уничтожены, разрушены, сожжены... А те, кто жил в них, давно на чужбине, и ни следа от них, точно их и не было.

Только десятая часть выселившихся в Турцию горцев осталась в живых. Все остальное погибло рассеянное, изголодавшееся. Ни в чьих преданиях, ни в чьей песне не останется памяти об исчезнувшем народе, и скоро, проходя мимо его могил, мимо этих безмолвных и безлюдных аулов, никто не будет знать, какая жизнь кипела на этих обрывах, под этими плоскими кровлями, какие сердца бились там и каких суровых драм были молчаливыми свидетелями эти раскидистые дубы и каштаны. А между тем легендой без слов, духом легенды веют эти каменные вершины, так красиво вырезавшиеся на лунном свете, эти темные и серые ущелья, эти заповедные леса. И только когда из массы дикой поросли вдруг вырвется неожиданно благоухающий розовый куст и аромат белых лилий встретит вас в чаще боярышника и плюща, — вы поймете, что здесь когда-то жило целое племя, сильное и мужественное, — племя, разом исчезнувшее с лица земли, как исчезает дым, рассеиваемый ветром, как исчезает тень от тучки, пробежавшей по небу, как исчезает зыбь на морском просторе. И тихо колышутся эти чудные цветы, и едва-едва шелестит их листва, точно робко жалуется она вам на эту стихийную смерть, смерть целого народа.

Тропинка круто свернула направо, теперь нам пришлось ехать в тени. Лунный свет ярко бил на обрывистый спуск с горы, вырывая его из мрака. В одном месте он делался отвесным. Громадные массы камня, точно сложенного здесь циклопической стеною, падали вниз вертикально, серебрясь и выступая на свет каждую своей выпуклиной, каждым углом и изломом. Отвесная стена скоро переходила в выпуклую, она уже висела над долиною. Страшно было смотреть на эту горбину, думалось, вот-вот и она рухнет вниз всею своею грузною, тяжелою массой. И вдруг я приостановил коня и с чувством, близким к восторгу, уставился на эту твердыню.

Прямо на ней, на этой горбине, висевшей над долиною, точно гнезда ласточек висели сакли. Кто и как их прилепил сюда? Голова кружилась еще внизу, что же должно

быть там, на этом словно вздрагивающем карнизе? Прямо с отвеса горы выступала плоская кровля и упиралась в такой же выступ пола. Кровля поддерживалась деревянными столбами, пол был утвержден на балясинах, укрепленных вкось в расщелины скалы. Это была только галерея, веранда, балкон. И таких балконов были сотни, прямо из горы, прямо на отвесе. Самое жилье или выдолблено в скале, в отвесе, или вровень со стеною отвеса возведено над карнизом. Ласточкины гнезда под кровлей колокольни, гнезда, свитые на стенах развалин, жилье каких-то воздушных существ, птиц, что ли, — короче, что хотите, только не аул, не село, не обитель человека. Что-то волшебное, призрачное, одуряющее, что-то похожее на сон, далекое от действительности. А этот лунный блеск, выхватывающий ласточкины гнезда из мрака, этот лунный свет, который точно курится на их плоских кровлях, свет, обращающий деревянные жерди в серебряные колонны, разделившийся камень — в матовые глыбы, свет, на котором только черными трещинами или зевами кажутся входы в сакли и окна их... А еще выше, над этим воздушным аулом, над этими гнездами, унижавшими выдавшийся карниз, величаво дремлют голубоватые вершины гор, подернутых серебряною пылью, крутые, безлюдные, скалистые. Едва-едва ложатся на них тени от впадин и склонов, но этот общий колорит без оттенков, однообразный, рисующий только их профили, делает их еще величавее, еще грандиознее.

Смотришь — и тянет туда, и манит, и в то же время кружится голова и замирает сердце. И чудно-очаровательным кажется царство этой лазурно-серебряной ночи. И жаль дернуть уздечку, жаль ступить вперед на шаг, жаль потерять из глаз этот поэтический сон! Ведь знаешь, что с новым поворотом такой же величаво-прекрасный пейзаж развернется перед тобою, но больно расстаться с этим, к которому привязалось сердце, как будет больно расстаться с тем, который встретит меня на повороте.

— Что это? Какой аул?

— Там ночевать будем.

— Значит, это-то и есть безлюдный, оставленный поселок?

Магомед-оглы кивнул головой.

Идти туда, в эту могилу исчезнувшего народа? Да, это достойный памятник ему, грандиозный мавзолей эти гордые, траурные вершины!

И ведь нигде ни звука: точно притаилась ночь и ждет чего-то. Точно вся замершая от восторга, любитесь окрестность на яркий месяц, а месяц, весь исходя лучами, любитесь на нее. И смотрят они в глаза друг другу, и нет предела их красоте, нет конца их поэтическому счастью.

Прошел час — мы все ехали, прошел другой — тоже! А аул все там же лепится в стороне. Как-то мы доберемся до него, как? Ничего теперь ясно не помню. Точно сон виденья — позабыл его.

Представляется только мне, как мы зигзагами подымались вверх по горе, то направо, то налево. Точно в тумане видится впереди фигура Магомед-оглы, то сливающаяся с контурами окрестных скал, то вся выступающая на лунный свет, сгорбленная на малорослой горской лошаденке, стук копыт которой дробится в ушах, один нарушая мертвое безмолвие пустыни, окружавшей нас. Евреи давно отстали и вернулись домой; в горах я был один, — один с моим молчаливым спутником, плотно завернувшимся в бурку. Мне тоже не хотелось говорить, зато думалось и грезилось много.

Помню только, что по сторонам зияли бездны; там курился белый пар. Какое-то озеро блеснуло и опять снова покрылось тьмою, новые клубы мглы захоронили его. Черт знает, что за скалы вставали перед нами, точно сторожевые великаны, преграждавшие путь к сокровищам или заколдованным долинам.

Подымались, подымались, и когда я опомнился, когда я огляделся — оказалось, что аул, ласточкины гнезда, дразнившие воображение там снизу, оказались далеко под моими ногами, далеко так, что их и разобрать было труд-

но; только напрягая зрение, я различал плоские четырехугольники кровель, блиставшие точно серебряные дощечки. Мы, следовательно, зигзагами поднялись выше аула, выше тех свал, на которых лепятся его воздушные сакли. Нужно было спуститься вниз осторожно, медленно, соразмеряя каждый шаг лошади.

Крутизна была необычайная. Конь почти сползал на передних ногах, вытянутых и упиравшихся на всякую неровность по дороге. Он поминутно храпел и помахивал головою, точно предупреждая меня об опасности. А действительно, промахнись тут только — и костей не собрать!.. Даже страшно было долго смотреть вниз. Тут начинались откосы, о которых говорил я, и пропасть, точно пасть какого-то чудовищного, сказочного зверя, зияла под нами, беспощадная, поджидающая, притаившаяся, оскалившая свои зубы-утесы, словно челюсть, расположенная по ее окраинам. Теперь приходят сравнения в голову, а тогда не до того было. Просто замерло все и упало внутри. Даже Магомед-оглы, на что уже человек привычный, а и тот уткнулся в свою бурку и ни слова!.. Значит, и ему жутко стало, и ему, старому горному волку, не по себе.

Наконец мы поехали вдоль карниза.

Встревожили горного орла, мирно отдохавшего в выбоине старого утеса. Поднял недоуменно голову старый хищник и, подпустив нас шагов на пять, медленно расправил крылья и грузно поднялся на ближайшую скалу, откуда долго еще провожал нас его недовольный клекот.

В одном месте тропинка разрывалась. По карнизу прошла трещина поперек его. Вот тут в тумане или когда туча на утес уляжется, спокойная и непроглядная, — беда! Трещина шириною аршина полтора, внизу — пропасть. Конь подобрался и как-то боком перешел ее. Я даже и не смотрел вниз — голова могла закружиться. Карниз, как оказывается, висел над бездной, выдвигаясь сплошным большей частью плитняком. Точно мы в магометанский рай пробирались по узкому, как острие сабли, мосту. Наконец прямо перед нами блеснули мазанки и сакли оставленно-

го аула, точно кладбище, безмолвные и печальные. Ни собаки, ни человека. Только в камнях шуршит змея да сброшенные копытами наших лошадей камни пересчитывают всю неровность откоса, дробясь на тысячу сухих, словно шелкающих звуков.

— Смотри не попади с лошадьё куда-нибудь в саклю. Ненадежные сакли-то. Кое-где устои расшатались. Пожалуй, еще рухнешь вниз вместе с саклей!

Мы добрались до сравнительно широкой площадки. Посредине была куча камней и мусора. Из нее приподымалась только половина разрушенной башни.

— Мечеть была, — сухо проговорил Магомед-оглы. — Ваши взорвали. Вон что осталось, — махнул он рукою на щебень и камни, сумрачно отвертываясь от меня в сторону. Ведь во мне все-таки являлся перед ним один из исконных врагов его народа, один из тех счастливых победителей, что разрушили его мечети, истребили и сожгли его аулы, а братьев его изгнали на далекую, неприветливую чужбину. Этого ж горское гостеприимство выдержать не могло. Понятно, что и Магомед-оглы, под влиянием разом нахлынувших впечатлений, не хотел говорить со мною.

Внизу и рядом лепились ласточкины гнезда-сакли... Вверху возносились в недостижимую высь гордые вершины. А мы, точно мухи, цеплялись по этим откосам.

Наконец место для лошадей найдено, хоть им до утра придется довольствоваться только тем сеном, которое было с нами.

Их нельзя было стреножить и пустить — оборвались бы в пропасть. Мы сами чувствовали себя не совсем бодро. Хоть гора эта и карнизы ее держатся целые века, но, сообразив, как они висят над бездонным провалом, я невольно задумался: «А что, как сорвемся и с этими ласточкиными гнездами, и с этим ненадежным пьедесталом аула?»

Мы действительно были уже в оставленном ауле.

ГЛАВА 5

Изгнанник

— Богатый аул был, большой! Должно быть, Аллах прогневался, что предал его в руки неверных.

— Да разве можно жить на таких кручах?

— Орел может, а курице, разумеется, нельзя. Зачем вы выгоняли нас отсюда? Ведь занять эти аулы вам и думать нечего, работать на тех горах, где работали мы, вы еще долго не будете, да и не умеете. Неужели из одной злобы? Разве можно лишать человека отцовской могилы и колыбели его ребенка?

Меня поставило в тупик расположение аула.

За той площадкой, где мы оставили лошадей, не было доступа в сакли, примыкавшие задними своими стенами прямо к горной породе. Сакли лепились по отвесу, — понятно, что переход из одной в другую был невозможен. Сверх того были сакли, построенные на других. Кровля нижней сакли служит полом для верхней, а эта, в свою очередь, подпирает третью. В одном месте было пять ярусов таких саклей. Были и не отдельные, а четырех- и трехэтажные сакли, принадлежавшие одному хозяйству.

— Как же тут проходили?

— А по кровлям.

В кровлях оказались большие отверстия, сквозь которые проникали внутрь сакли. В двухярусных саклях сна-

чала нужно было попасть в верхнюю, а оттуда уже сквозь дыру в полу ее в нижнюю часть. Переходы становились еще более сложными там, где приходилось опускаться в пятую саклю, перейдя все четыре верхние. Понятно, что только пешеходы могли попадать сюда. Это, впрочем, оказалось только предместьем аула. Большая часть его разбросана вниз.

Отсюда можно было рассмотреть только силуэты двух круглых башен и какие-то груды стен.

— Отчего же туда мы не пробрались?

— Негде.

— Во всяком случае, там удобнее.

— Молчи, ради Аллаха! Там все выжжено, истреблено, уничтожено.

Действительно, на другой день мы проезжали мимо этих развалин, которые уже захватывает обильная поросль в свои удушающие объятия. Сквозь груды щебня пробивается боярышник, дикие лозы взбегают вверх по башенкам саклей и опускают внутрь, сквозь их пробитые кровли, свои цепкие змеистые ветви. Кизил, лавровишня и барбарисы подступают все ближе и ближе из окрестных лесов, словно враждебная армия, желающая захватить в свое сплоченное кольцо жалкую и разоренную дружину противника — оставленные сады, где еще толпятся, сбившись в кучу, хурма, инжир, черешня, айва и персики. Виноградные плантации одичали кругом и заполонены сорными травами. На небольших площадках, отвоеванных у гор, хлебные посевы прежнего аула заглохли, и только остатки ирригационных работ еще попадают порою, свидетельствуя, что здесь далеко не дикари жили, а трудилось и измышляло свободное племя, застигнутое нами в период его средних веков. На восточном берегу Черного моря, уадыге, цивилизация стояла на гораздо низшей степени развития, но и там, например, обработка земли ни сколько не уступала нашей отечественной.

Вот что, например, говорит путешественник: черкесы — мастера обращаться с своими полями. Обработан-

ные ими места мудрено обрабатывать кому-либо другому. Они лепятся большею частью на возвышенных скалах, на которых, казалось бы, и самая обработка невозможна. Конечно, обработка здесь только ручная, но и она была так тщательна, что черкесы не знали неурожаев. Орудия самая своеобразные, но они отличались прочностью и были хорошо направлены. Черкесы — мастера делать цилпы (местные топоры). Пшеница убирается женщинами посредством серпа, но он так мал, что похож скорее на детскую игрушку. Все полевые произведения черкесы перерабатывали у себя дома: водяных и ветряных мельниц они не знали, а размол производили на ручных жерновах 8 вершков в диаметре. Замечательно хорошо они выделявали крупу из гоми. Зато в Дагестане мельницы превосходные, хотя и несколько своеобразного устройства.

В Дагестане обработка земли была еще затруднительнее. Воспользовавшись карнизами гор или нарочно изрыв их террасами, горцы свозили туда из долин плодородную землю на ослух. Сколько раз нужно было повторять эту экскурсию, чтобы образовать узкие полоски земли под посев! Потом сверху, пользуясь каким-нибудь ручьем, проводилась вода по всем террасам, так что ни одна пядень земли не оставалась неорошенной. Затем уже сеялся хлеб, сверху вниз. Так же сверху вниз производилась и уборка жатвы. Такие обработанные террасы и теперь часто встречаются там, где горцы остались на своих местах; остальные представляют мерзость запустения, от которой делается тяжело на душе...

Ведь, в самом деле, всякое оставленное поле, всякое заброшенное хозяйство вовсе не доказывает поступательного движения прогресса! А таких полей и хозяйств здесь тысячи! Есть места, где несколько лет назад приходилось по 3000 человек на 1 квадратную милю, а теперь и по 30 не начтешь.

- Куда же мы денемся на ночь?
- А вот сейчас выберем место. Погоди.

И Магомед-оглы пошел куда-то по кровлям ближайших саклей.

Я стоял один на карнизе — и странное дело, как будто и некстати, передо мною разом возникла картина из далекого-далекого прошлого.

Громадная зала, вся заставленная большими черными столами. Лампы низко висят над ними, озаряя головы, наклоненные над книгами. В углах и у потолка сгущается мрак. Черная ночь смотрит в окна. Мы все, мальчуганы, сидим на табуретах, боясь шевельнуться, чтобы не попасть в угол.

— Посторонними занятиями не развлекаться! У кого на столе будет не учебник — карцер! — свирепствует воспитатель, маршируя посередине залы, ровно и медленно, от стены к стене, как маятник тут же висящих часов. То он выступит на свет, блеснет широкою лысиной, то снова спрячется в сумрак. Худощавая фигурка его напрасно хочет быть величавой, тоненькие ножки старательно отбивают темп: раз-два, раз-два.

Передо мной добросовестно развернут учебник Марго, но зато в немного выдвинутом ящике — один из томиков кругосветного путешествия Дюмон-Дюрвиля. Рядом однозвучно-назойливо кто-то долбит: «Россияне отличались исстари великодушием и гостеприимством, россияне отличались исстари великодушием и гостеприимством, россияне...»

С другой стороны слышится такая же долбня: квадрат гипотенузы равняется сумме квадратов...

Но мне ничего не слышно... Столько же мне мешают они, сколько муха, что жужжит около, сколько монотонные шаги дежурного офицера. Передо мной разворачиваются чудные тропические картины, вечнозеленые пальмы смотрятся в тихие воды бирюзовых озер. Воздух полон аромата. В чаще лиан притаился тигр и зорко выглядывает оттуда, не покажется ли около стройный силуэт ветвистой серны. Вверху звенят невидимые хоры птичьих голосов. Ярко сверкая на солнце, ползет громадная змея.

И, словно змеи, крадутся к одинокому европейскому путешественнику нагие дикари, готовя свои отравленные стрелы.

И где эти казенные белые стены, где эти черные столы, где эти долбящие уроки товарищи!.. Дыхание захватывает, жарко делается, глаза горят, ощущение чего-то щекощущего пробегает по всему организму. Я сам там, с этим европейцем-путешественником, сам стою с ружьем и жду встречи. И хорошо на душе, и поэтические сны роятся в голове, и мысль далеко-далеко бродит, за тридевять земель, в тридесятом царстве.

В таком тридесятом царстве я был теперь, и так же жарко разливалась кровь по жилам, так же порывисто дышалось... Совершенно те же ощущения, тот же неопределенный поэтический восторг, только грезы становились действительностью, сны виделись наяву.

— Нашел одну саклю! — прервал мои мечты Магомед-оглы.

Я последовал за ним, с кровли на кровлю. Как все это ветхо! На одной крыше нога моя провалилась вниз, едва удержался на другой. В промежутках между саклями чернели вниз бездонные ямы. Прежде здесь были переброшены мостки, теперь все это лежало далеко внизу, разрушенное, упавшее. Через эти интервалы приходилось перепрыгивать.

Наконец Магомед-оглы, шедший впереди, провалился сквозь землю. Был — и нет его.

— Магомед! — крикнул я.

— Йо! — послышалось, точно из погреба, снизу.

Пощупал ногой — отверстие вниз. Лесенка в нем.

Ход в саклю через кровлю. Осторожно спустился туда. Тьма — хоть глаз выколи. Добрался до пола. Что-то зашуршало мимо, хлопнулось об стену, ударилось в другую. Какие-то теплые, точно шероховатую пленкой обтянутые крылья скользнули по лицу, скользнули вниз вдоль груди. Опять два-три разлета — и летучая мышь шарахнулась в дыру кровли. Противное ощущение! На лице точно зуд. Даже холодный пот выступал на лбу.

Щелканье огнива о кремень и брызги золотых искр в черной, густой тьме. Искры сыплются обильно. Запахло трутом, натертым порохом. Вон огонек рдеет там. Все ярче и ярче. Видно, Магомед возится за ним.

— Да ведь у меня спички есть! — догадался я.

Зажгли тонкую восковую свечку, бывшую со мной.

Голые стены. Куча сора на полу. Что-то возится там, только слышен шорох. Шорох и вдоль стен, в которых пустуют темными впадинами ниши. Склеп, могила, только не жильё человека.

— Где же тут спать?

Ни слова в ответ. Магомед возится в углу.

— Да чего ты ищешь там в углу, Магомед?

— Постой!

Что-то заскрипело, точно ржавые петли...

Кунак мой отыскал люк.

— Это еще что за подземелье?

— Сюда пойдём.

И Магомед вторично провалился сквозь землю...

Я, разумеется, последовал за ним. В полу был вход во вторую саклю. Когда я, в свою очередь, провалился в нее, свежий воздух пахнул мне прямо в лицо... Стена оказалась пробитой не окнами, а какими-то круглыми дырами. Оттуда светил сюда яркий месяц и ночная прохлада струилась вместе с ароматом цветенья, курившимся в долинах... Тут и на полу было чище, да и затхлость могильная не стесняла дыхания.

— Богатый хозяин был, хороший человек... Кунак мой. Теперь умирает в Турции, должно быть...

И Магомед-оглы, насупившись, сел в угол пустой сакли.

Те же ниши в стенах... Днем тут, должно быть, филины да совы гнездятся... Ишь сколько перьев разбросано повсюду... Нежный пух мелких пташек — верно, охотничья добыча ночного хищника... Свет луны был так ярок, что мы затушили свечу. Какая-то черная тень мелькнула в окне и исчезла... Верно, большая птица пролетела мимо... И опять тишина невозмутимая.

Я подошел к бойницам... Эка ширь озаренная! Точно серебрястый пар заполонил весь этот простор... А все-таки жутко было при мысли, что вся эта скала может разом рухнуть вниз вместе с своим ненадежным пьедесталом — карнизом из обветрившегося гранита.

Тут ведь должна быть дверь... Верно, и балкон есть... В одном месте действительно что-то сквозило точно лезвие. Оказался выход. Я осторожно приотворил его... Месяц ярко блеснул в глаза, и точно занавес приподнялся над всею этой окрестностью.

Признаюсь, впрочем, в своей трусости. На балкон ступить я не решился: может быть, подпорки сгнили, долго ли рухнуть! Все равно, и отсюда видны и разливы реки внизу, и белые стены аула, тоже оставленного горцами, и черные силуэты гор, оставшихся в тени, за светом. Какая это чудная пустыня, какое поэтическое убежище... Право, вполне становится понятно, что фиваидские отшельники не особенно должны были страдать в своем добровольном заточении, гнездясь на вершинах скал среди пустыни.

Магомед-оглы упорно молчал.

Я завернулся в пальто и решился заснуть, не обращая внимания на ящериц, если бы им вздумалось скользнуть около...

Долго ли продолжалось мое забытье, не знаю. Помню, что несколько раз открывал глаза, встречая все ту же яркую лунную ночь, и опять все мешалось передо мною... Будь тут сноп камыша — спать было бы удобно... Но этот жесткий пол давал-таки себя чувствовать, особенно после целого дня, за исключением двух-трех часов, проведенных в седле. Наконец удалось заснуть.

— Кунак! Кунак!

Я открыл глаза.

Надо мной наклонился Магомед-оглы. Месяц бил прямо в лицо ему, и такое на нем было странное выражение, что я разом приподнялся. Старик весь бледный, в глазах не страх, а что-то растерянное, недоуменное...

— Чего тебе?

— Уйдем отсюда, пожалуйста, уйдем.

Голос какой-то нервный стал...

— Это зачем еще?

— Шайтан здесь... Внизу шайтан есть.

Видимо, старается тише говорить, чтобы его никто не слышал. Едва уловишь звуки слов.

— Верно, сова крикнула...

— Говорю тебе, что шайтан... Слышишь?

И он взял меня за плечо. Чувствую, как вздрагивает его рука.

— Ничего нет.

— Постой.

Тишина полная, ни звука... Даже звон в ушах подымается, как всегда, когда кругом царит ненарушимое безмолвие, — тот звон, что похож на отдаленное пение стрекоз в жаркий летний день под солнцем среди застывшего в безветрии зеленого луга... Но вот... Что это... Действительно...

Я сам замер... Страх ли Магомеда так заразительно подействовал на меня или действительно холодно стало, только меня проняла дрожь...

И опять ничего, опять безмолвие... полное, гробовое...

— Слышал?

Точно ветерок дунул в ухо, так тих был голос моего товарища.

Я только кивнул головой... Показалось, думаю. И опять... опять дрожь проняла.

Это не стон, не крик, а точно отголосок стога, отражение его... Шорох ящерицы по залитому лунным светом пространству пола слышен, но тот тайный, легкий звук как-то прямо проходит к сердцу, проникает... Как он ни слаб, но, казалось, если бы мы даже кричали, шумели, ухо все-таки уловило бы его... Точно вздыхал кто-то внутри горы, и вздох страдальческий, больной проходил сквозь камни невидимыми скважинами и трещинами в оставленную саклю.

— Шайтан...

— Что за пустяки! — опомнился я. — Так, что-нибудь.

Но тут мою руку схватила его рука, холодная, влажная. Чувствую, как пальцы его впиваются в мою ладонь, и я вполне понимаю его страх.

Стон слышится громче, и на этот раз уже не отголосок, а точно кто-то жалуется внизу... Так дети всхлипывают во сне...

Ведь и не веришь в чертовщину, а волосы зашевелились на голове... На нервы действовало.

— Что-то есть. Голос слышен именно снизу... Ведь не сбоку, не сверху, а снизу... Это человек.

— Какой человек будет там плакаться? Шайтан, говорю тебе.

— Магомед-оглы, есть внизу что-нибудь? Погреб, яма, пещера, что ли?

— Нет, такая же сакля.

— И в нее входят из нашей сакли?

— Вон оттуда.

Магомед тревожно указал в угол.

— Так же, как мы вошли сюда из верхней?

— Да.

— Там кто-нибудь есть... Это или женщина, или ребенок.

Магомед стал еще бледнее и судорожно ухватился за меня.

— Ребенок... да... ребенок плачет... Бежать надо, слышишь? Скорей бежать... Он часто оборачивается ребенком и плачет, а как сойдешь к нему, зубами за горло схватит, прокусит и кровь выпьет... Да, это его плач, действительно, что дитя всхлипывает...

— Магомед, твоя жена, должно быть, похрабрей тебя. Ты бы уж заодно бабьи шальвары надел! Вспомни, сколько тебе лет. Пристойно ли старику, видевшему не раз смерть лицом к лицу, бояться призрака? Может быть, там мучится кто-нибудь, нуждающийся в нашей помощи, такой же путник, как и мы.

Старик несколько оправился, но я видел, что на него надежда плоха. Даже равнодушие его, с каким он принял

название бабы, доказывало, что он сильно растерян. В другой раз это не сошло бы мне даром.

— Где вход туда?

Он указал на угол, оставшийся во тьме.

Пришлось зажечь свечу. Пламя светило тускло. С таким же скрипом приподнялась доска люка.

Каюсь, я не решался войти туда. Точно устыдившись своего страха, Магомед-оглы приблизился и наклонился над отверстием входа.

Это уж не стон... нет. Это слова слышны. Точно кто-то мечется в недуге и силится говорить громче, когда мочи нет и когда каждое слово его только вырывается из груди. Слушая этот ропот, так и представляешь себе, как должна судорожно подыматься и опускаться грудь, как вытягивается и выгибается шея несчастного прежде, чем он выдавит из нее хриплый звук.

Магомед уже совсем оправился. Он зорко смотрел вниз и точно припоминал что-то, бормоча про себя.

— Саид-ага! — крикнул он вниз и прислушался.

Стоны прекратились.

— Саид-ага!

Внизу кто-то заговорил, но так тихо... Этого, впрочем, довольно было Магомеду, и быстрее, чем я думал, он опустился вниз. Я постоял-постоял и решился туда же отправиться, «провалиться».

Провалился и — остолбенел.

Куча соломы, должно быть, принесена недавно. Лунный свет сквозь дыру в стене так и бьет туда, выхватывая из мрака лицо трупа — трупа неподвижного, синего, но с яркими, живыми, воспаленными глазами... Черные круги легли вокруг них, оттого они словно глядят из рамок, сосредоточивая свою силу. Горбатый нос как-то заострился и посинел у ноздрей. Губы, землистые, сморщенные, едва видны из-под свалывшейся космами седой бороды. Голый череп, угловатый, неровный, так и светится. В первую минуту только череп да глаза и были различены мною.

Какая костлявая грудь! Лунный блеск скрадывал впадины между ребрами. Выделялись одни кости, точно скелет лежал перед нами. Глаз даже обманывался. Словно кости грудной клетки подымались и опускались судорожно. Видно, что старику трудно дышать было... Что-то хрипело у него внутри. А это разве не рука скелета? Ведь ни мускулов, ни жил не заметно. Ноги уходят в темный угол.

— Саид-ага!

Он повернулся, и на минуту взгляд его остановился на Магомед-оглы. Ни искры сознания. Видно, что не узнает его вовсе.

— Кто это? — спрашиваю.

Спутник мой молчит, пристально разглядывая лежащего.

Поперек полосы лунного света, точно трепетавшей на полу, черная линия посоха и сума... А там далее, в тени, еще два глаза... Еще силуэт... Неподвижно, опасно выглядывает чье-то лицо.

Я взял за руку Магомеда и кивнул туда.

— Айша!

И он подошел к женщине. На минуту лицо ее выдвинулось на свет, точно она хотела показаться Магомеду, и опять спряталось. Но совершенно достаточно было и этого, чтобы рассмотреть другой труп, другие заостреннейшие черты... Только они как-то дико выделяются из-за седых прядей волос. Лохмотья едва закрывают тело...

Как хрипло говорит она... Магомед кажется сильно взволнованным. Неужели слезы, у него, у «того старого дагестанского волка»?

— Умирать вернулись сюда! — прерывисто сообщает он мне. — Умирать пришли из Турции... На отцовские могилы... Саид-ага большой человек был... Пять аулов у него под рукой считалось... А это Айша — жена.

И он опять расспрашивал женщину.

— Тайно шли... по ночам. Боялись, что не пустят в старый аул. А им только и всего — умереть на родной земле. Старик неделю уж болен. Жена ему помогает.

— Отчего же они не зашли сначала в аул к вам? Могли бы отдохнуть там.

— Вай-вай! Твоя голова да будет здорова. Что это говоришь ты? Возьми свои мысли в руки. Да их бы там сейчас русское начальство остановило, и вместо того, чтобы умереть здесь, они умерли бы в тюрьме...

Саид-ага, не желая покориться русским, выселился отсюда, со всем аулом, в Турцию. Здесь он был богатым человеком. У него ходили по лугам табуны коней, стада баранов паслись в окрестностях. Вокруг сакли его, внизу там, на целую версту раскидывались фруктовые сады. Виноградники сходили к самой реке, переливаясь с полями пшеницы и посевами кукурузы... Он бросил все. Продавать землю, дом, имущество было некому и некогда; ему не верилось, что оставшихся заставят перейти на другие места и построиться в казацких станицах. Саид-ага собрал, что было, что можно взвалить на лошадей и ослов, и с несколькими вьюками отправился в Турцию, уводя за собою дочерей и сына...

Прошло восемь лет, и он возвратился назад, оставив дочерей в гареме какого-то паши, а сына, зарезанного курдами, в придорожном рву негостеприимной чужбины. Старика тянуло назад. Там, среди малоазийских равнин, ему грезилась постоянно родина, ее снеговые горы, ее благоуханные долины. Только бы взглянуть на все это еще раз — и умереть, умереть у себя, лечь там, где легли целая поколения его некогда славного и могучего рода... И вот он, словно затравленный волк, прокрался сквозь кордонную линию, через ахалцыхский уезд, вступил в Закавказье, прошел Гурию, Карталинию, сумел проскользнуть незамеченным через Тифлис, и все-таки пешком, едва ступая своими старческими ногами, добрался до Дагестана. Воображаю, как шли сюда эти путники, муж и жена, старцы, опираясь о свои посохи, сгорбясь, шаг за шагом. Сколько месяцев должно было пройти прежде, чем они увидели эти скалы, эти полувоздушные карнизы, эти ласточкины гнезда, прежде, чем он остановился здесь на вы-

соте, с печальным восторгом оглядывая окрестности, где некогда он был властелином и куда теперь возвращается бесправным нищим, хоронясь от света Божьего, от взгляда людского!

Не так ли загнанный, раненый зверь забирается подалее в свое логовище, чтобы молча, без стога, умереть на покое, не видя за собою погони, не слыша злобного лая остервенелой своры и безумного гиканья забрызганного кровью хозяина.

Говорил один Магомед. Больной только хрипел; жена его молчала, опустив голову, точно она потеряла язык. Видно, что слов не было передать всю тоску, всю муку своего сердца... Видно, что заостенела она от этой боли... Плакала бы, да слез нет... Высохли давно, и внутри все жжет.

Стал ей Магомед про своих рассказывать, про родных, знакомых — и головы не подняла. Видно, все в ней замерло.

— Ах вы бедные, бедные... Мой аул недалеко... Нужно перенести к себе... Саид-аге не долго жить! А какой уздень был! Как мы с ним ваших били! В пяти набегах вместе участвовали. С Шамилем на Тифлис выходили... Да, было время! Точно солнцем в голову ударит, как вспомнишь прежнее... Точно заслепит тебя... Велик Бог, и Магомед пророк его. Они знают, для чего испытывают свой народ!

Глаза мои несколько привыкли к темноте, и я различал, почти всю, женщину, сидевшую в углу: голова ее как-то ушла в плечи, приподнятые вверх, руки сжаты были между коленями. Как должны были изголодаться они!..

Магомед-оглы дал ей было мяса. Она только посмотрела на него и опять поникла...

— Абреком был, всегда у Саида прятался... Могучий человек! Рабов у него были сотни... Три жены в гареме сидело... Сам Шамиль (да успокоит Аллах святую душу его в раю!) уважал Саида... А теперь вон... Солома... Точно шакалы его оборвали кругом... Ай, Саид, Саид! Зачем мы еще живем, зачем Азраил не возьмет нас отсюда? Лучше бы нас в бою убили, чем так кончать!

Я понял, что мое присутствие, как бывшего врага, не совсем удобно и неприятно действующим лицам последнего акта этой потрясающей драмы изгнания и смерти... Поднялся наверх, только до самого утра не мог заснуть. Передо мною возникал образ этого умирающего старика, жизнь, полная поразительных контрастов. Приволье горского узденя, богатство, бесшабашная жизнь смелого воина газавата — и потом нищенство в малоазийских деревушках, страдальческое паломничество на родину и безмолвная смерть в оставленном ауле, некогда кипевшем жизнью и силой, а теперь молчаливом, разрушающемся... Умрут здесь старики, умрут в саклях, где они выросли, где шумели их дети, где умерли их отцы...

Такой же бродяга-турист, как я, случайно, через несколько лет, забредет сюда и на сгнившей трухе соломы найдет чьи-то разбросанные кости... И никто ему не расскажет о величавой эпопее страданий, совершившихся здесь, в этих голых, разваливающихся стенах ласточкина гнезда... И сколько таких костей разбросано по Дагестану, в оставленных аулах земли Адыге на восточном берегу Черного моря... Роется в них голодный шакал... выклевывает мертвые очи хищный ворон и, словно торжествуя, каркает с высоты на весь простор этой грандиозной долины...

И только старик чугурчи, перебирая свою двухструнную балалайку, вспомнит, что был когда-то великий уздень Саид-ага, и передаст о нем вольнолюбивой молодежи...

Магомед только утром вышел из подвала. Он даже не взглянул на меня...

Спустя полчаса мы спускались вниз. Над нами висел карниз оставленного аула. В солнечном блеске орлиными гнездами чернели сакли... Вон там, сквозь эту черную продушину окна, смотрит теперь умирающий... Голубое небо светит ему... Ветерок заносит ароматы горных цветов в его келью... И, в агонии, он станет вызывать свои дружины, что давно лежат в горных могилах, воинственный крик

газавата в последний раз надорвет его грудь, и, улыбаясь ангелу смерти, замрет старив, воображая, что кругом звенят шашки и льется кровь, что он бешено мчится впереди своих узденей, развевая по ветру священное знамя пророка!..

Молчаливо, покорно, без видений и грез сойдет за ним в могилу Айша... Разве примерещатся ей ласковые голоса детей, рассеянных на чужбине... Пахнет благоуханием тех роз, которые давным-давно насадила она в своем садике... Так тускнеет последний луч заката, так медленно замирает далекая песня!

— Аллах этого не забудет! Неужели не исполнилась мера гнева его! — в глухом, безвыходном отчаянии шептал про себя Магомед-оглы, взбираясь на крутой гребень скалистой горы...

А яркое небо безоблачно; весело шумит поток, сбегая в долину, еще веселее свищет птичка в тутовом дереве. И опять пахнет жасминами...

ГЛАВА 6

Еврейский аул

Дальше грохот ручьев справа и слева. Медленно подвигаемся мы по дну ущелья, следуя за капризными извилинами какой-то речки. По ней в эту пору вполне безопасно прошла бы курица, но шумит она так, что я порою вижу только, как мой Магомед рот открывает, а слов его не слышу вовсе. Попадает в русло камень, обломок какой-нибудь скалы — речка пыжится неимоверно, взмывает вся, перебрасывается через него гремучими струями и, обожав препятствие, долго еще злится и ворчит, вымещая свою досаду на мелких кремнях, на золотистом песке, наконец, на нас, неповинных путешественниках. В самом деле, это уже становится невыносимо. То и дело обдает мелкою водяною пылью или хлещет в лицо крупными брызгами. Не знаешь, куда деваться. Попробовал я было взобраться на откос, но конь мой оттуда торжественно сполз вместе с осыпавшимися глыбами земли, и вслед за ними и я, и он очутились в самом русле. Тут и растительность была чахлая; только в трещинах камня зеленели какие-то кусты с ярко-красными цветами, от запаха которых кружилась голова, да точно голубая эмаль по золоту, на ярко освещенных солнцем плешках желтого камня ласково улыбались вам знакомые северные незабудки.

— Что ж, скоро? — спрашиваю я у Магомеда.

— Аул? А если я тебе скажу, разве ближе будет? — философствует сумрачный горец.

— Должно быть, ты и сам не знаешь?

— Пять поворотов, а там долина. Из долины дорога, вверх пойдет. Вверху и чул.

— Чул? Что это такое?

— Деревни свои так называют евреи.

— Отчего же здесь так пустынно? Ни одного аула нет. Хмуро оглянуся Магомед.

— Не тебе спрашивать! И тут был аул, — взмахнул он на вершину довольно пологой горы, по откосам которой были разбросаны великолепные купы орешников и ясеней, — и там аул стоял, — показал он головой на темное ущелье вправо, сплошь заросшее одичавшею чащею черешен и яблонь. — Назади три пустых аула оставили. Спроси у горного ветра, где их жители. По чужбине в одиночку блуждают, точно так же, как чекалки¹ бродят в их оставленных жилищах. Вон этому шайтану привольнее и лучше, чем такому джигиту, как Саид-ага...

— Какому шайтану?

— Не видишь?

Прямо над нами словно повисла какая-то большая птица, широко разбросив крылья, серебрившиеся на солнце. Большие, круглые, золотые глаза смотрели на нас и, верно, ничего не видели. Встревожил ли его кто из сырого и теплого убежища в нише серой скалы, или сам он поднялся в ущелье в неуточное время? Магомед нехотя вытащил ружье, до сих пор мирно болтавшееся за спиною. Небрежно, словно не глядя нацел его — и тотчас же загремели вокруг пробужденные нами окрестности. Направо и налево, впереди и позади — точно сотни выстрелов. Гулко перехватывает. Каждая скала, каждая гора отразила их; в каждую пещеру, следуя по ее извилинам и постоянно повторяясь, ворвался этот грохот. А на песке

¹ Чекалки — шакалы.

вздрагивал громадный филин-пугач, переводя маховыми крыльями и поминутно раскрывая клюв, точно ему дышать было нечем. Еще более недоуменно-пристально смотрели на нас его налитые золотом глаза. Даже и веки не смежались.

— Зачем ты это?

— Его жалеть нельзя. Ты знаешь ли, кто он?

— Птица.

— Какая! Тут прежде, давно это было, злое племя по горам сидело. С шайтаном дружилось, всякого, кто попал к нему, живого в огне жарили и пожирали. Сакли это племя не знало вовсе. Что звери, голые по лесам шлялись, а вниз, в долины, сходить не смели, потому что наши муллы заклиали его.

— Было у него оружие? — заинтересовался я горною легендой.

— Нет. Дубьем дралось, камнями. Что наши мальчишки — из пращи. Стало нам тесно, внизу места не хватило, муллы велели в горы идти. Пошли, только каждый кусок земли нам с бою доставался.

— Да ведь как же они дрались, не камнями же остановить вас могли?

— Силы непомерной были. А главное — шайтан помог им. Сегодня выстроимся, а ночью он, поганый, завалит аул камнями. Навезем снизу земли для садов — червей пошлет или всю ее песком занесет. Наконец стали мечеть строить. Что за день сделаем, ночью все рухнет! Самые умные муллы думали, ничего придумать не могли, пока не пришел один ходжи, побывавший в Мекке. Ну, тот все сразу понял. Велел найти такого ребенка, за которым грехов нету, да чтобы он единственный был у матери, да чтобы его отец святой жизнью был известен, да чтобы на груди у ребенка луна, в виде родимого пятна, означалась. Десять лет искали — не нашли. Наконец услышали от проезжего еврея одного, что есть такая семья и ребенок такой, далеко-далеко, в Кабарде самой. Что было делать? Сказали ходжи. «Непременно добудьте его», — посовето-

вал. Пошли наши набегом. Много крови пролилось, сколько тысяч человек убили. Один Аллах да Магомет, пророк его, сосчитать разве могут. Разорили сто аулов, а мальчика живьем добыли. Привезли к ходжи. «Ну, теперь, — говорит, — начинайте строить мечеть, только внизу яму выройте». Вырыли. «Посадите туда мальчика, черного петуха и белую кошку». Посадили. «Заложите их камнями сверху». Жалко было, да что ж делать — заложили. «Теперь, — говорит, — выводите стены, прочно будет». И верно! Пропла ночь — все цело, слышно только было, как шайтан по горам да по ущельям до утра плакал, что власти у него нет, что царство его отошло.

— Ну а ребенок что же?

— Ребенку что! Его душа — прямо в рай. Люди видели, как через три дня из этих самых камней, которыми яма была заложена, вылетела зеленая птичка и прямо в небо взвилась. Откуда ни возьмись, кинулся за ней черный коршун — это шайтан был, — только с неба его громом ударило, так и не удалось ему зеленую птичку добыть. Ну вот как достроили мечеть и аулы начали в горах ставить, шайтан уже ничего не мог нам делать. Только дикое племя этого самого святого ходжу поймало, сжарило и съело. Жирный был! Тут и случилось чудо великое. Все, кто ел его или был при том, разом в филинов обратились, и положено им плакать каждую ночь, так чтобы все правоверные слышали, как они казнятся. Всей остальной твари повелено самим Аллахом ненавидеть и убивать их; оттого днем они ничего не видят. Выйди ночью в сад — не заснешь, как начнет плакать этот шайтан над тобою. До утра проплачет, проклятый. Вот здесь какое чудо было и вот отчего в горах такая скверная слепая птица завелась! Нет Бога, кроме Бога, а Магомет — пророк его!

Сообщив мне горную легенду, Магомед точно сам испугался, что говорил так много. Брови нависли еще ниже, лицо стало еще сумрачнее, и точно закаменел человек: ни слова. Наконец Магомед мало-помалу вышел из своего оцепенения.

— Ты меня прости! — извинялся он. — Много уже тут накопилось, — показал он на сердце. — Сюда подошло! — И он провел пальцем поперек горла. — А всего обиднее, что и между нашими отступники показались. Под урусом, видишь, жить спокойнее. Точно орел горный курицей стал! Такие люди появились между нами, что за барана могилу матери своей продадут и в бороду мертвого отца плюнут. Вот какие люди! Видно, на них по ошибке мать надела папаху, а не платок. Недаром у нас поют про них: «У кого шашлык есть, у того вы работники; у кого есть буза, у того вы гости; у кого есть девушки, у того вы просители. Не дадут их — только плакать станете. Ой вы, собачьи рты, саранча голодная! Папаха ваша — тряпка мельничная, ружья на плечах — стебли кукурузные! Когда другие воевать идут, вы за жирным пловом сидите, дочери блудниц!» Какие люди нынче стали, срам сказать! — жаловался Магомед. — За последнее время только один племянник мой, Джафар, настоящим человеком оказался.

Я заинтересовался, что, по понятиям Магомеда, соединяется с представлением о настоящем человеке. Оказалось, дело очень оригинальное. Джафар никогда и ничего не просит. Если что нужно, отправится тайком в чужой аул и сам добудет оттуда. Ночью ли, с оружием в руках, хитростью, только никак не с согласия хозяина. Пить бузы Джафар может сколько угодно и пьян не будет, потому что настоящий человек всегда должен быть трезвым, хоть бы он целый бурдюк русской водки выпил. Враги всегда завидуют его дыму, он храбрый молодец, и никто до сих пор не решался вызвать его на доказательства такой храбрости, потому что помнят, как он один на один горного медведя взял. Посватался он за одну девушку, да родные спесивы были. «Нам, — говорят, — не надо бедняка. Пусть сначала пять коров купит». Да и девушка, говорят, другого любила. Баба подлая тот, кто обращает внимание на это...

— Вот тебе и на! — не удержался я.

— А по-твоему как: другого любит, так и уступить? Так может сделать только тот, на которого еще недавно шальвары надели!

Джафар, оказывается, поступил как раз по рецепту трагического злодея Магомеда-оглы. Он подобрал трех сорванцов и среди белого дня, не выходя из аула, схватил несчастную девушку на улице. Пока сбежались на крик ее соседи и родные, он с нею бросился в ближайшую саклю. Хозяин ее, по горному обычаю, хотя бы и не сочувствовал такому поступку, не смеет отказать «храброму молодцу» в приюте и защите, если не хочет прослыть «собачьим ртом» и «трусливой чекалкой». Двери заперли. Родные девушки и знакомые стреляли в саклю, старались выломать двери, орала во все горло, мать царапала себе лицо, рыдала, но «храбрый молодец» в это время насиловал спокойно свою жертву, предварительно связанную его друзьями, так что потом она поневоле должна была сделаться его женою. Воображаю положение родных, слышавших отчаянные вопли девушки... Ночью друзья «храброго молодца» Джафара сумели его с девушкой припрятать. Через несколько дней на аульной площади зарезали нескольких быков, доставленных Магомедом, угостили весь джамаат, а спустя две недели отпраздновали свадьбу Джафара... И просто, и скоро!

— А если бы девушка и после этого не вышла за него?

— Не может этого быть! — решительно оборвал Магомед.

— Как не может?

— Очень ясно... Ты как курица, что ночью во сне таракана видела, а проснувшись, не понимает, куда он девался! Кто женится на обесчещенной девушке? Кто решится? Джафар бы над ним всю жизнь смеялся. «Я-де полакомился медом, а ты ешь воск».

Таков идеал «настоящего человека» Джафара.

— В прежнее время он бы мюридом стал, у самого бы Шамиля был! А теперь так, даром пропадает малый!.. Никакого ему дела по душе нет. Не все же чужих коней

угонять. Настоящей «веселой игры» нет нынче, вот в чем беда; не по обычаю живем. «В свой род чужого хозяина пустили», ну и должны терпеть, что он за собой и корову свою привел туда! Да! Очень вы обидели нас, очень! И зачем мы вам? Воевали бы, как прежде; что же это за война, что же это за удалая потеха, когда вы у нас колыбели наши и могилы отцов, землю горскую забираете?

Миновали мы и пять поворотов и, наверх взобравшись, на хорошо протоптанную тропинку попали. Какая-то скрипучая арба медленно ползла впереди с духтар-эмбер-гухчеги, еврейской красавицей, старательно закрытой со всех сторон коврами, полагаю, что не от чужого взгляда, а скорее от солнца, потому что, когда мы поравнялись с этим Ноевым ковчегом, поставленным на колеса, еврейская красавица выглянула оттуда, поразив нас каким-то клювообразным носом, сросшимися бровями и черными глазами, весьма не выразительными, в виде двух коронок, вкрапленных в белое тесто. Разумеется, виски около глаз черной щеголихи были разрисованы шариками и черточками... Удовлетворив свое любопытство, она исполнила горный обычай, опустив на лицо платок.

— Это вторая жена знакомого еврея здешнего, — объяснил Магомед, считавший неприличным кланяться женщине.

— Как вторая? Да разве у евреев по нескольку жен?

— Что же ты удивился? По три есть.

Я, разумеется, не поверил, зная, что многоженства у европейских евреев не допускается, но потом сам убедился, что горные кавказские евреи (закон Моисеев не запрещает этого) имеют зачастую по три и по две жены, в чем, несомненно, сказалось влияние племен, среди которых врезались еврейские аулы.

— Одно у них дурно, — соображал Магомед. — Наши жены мирно живут между собою, а у горских евреев постоянные ссоры. Потому мужья и стараются по разным аулам расселить баб и всю жизнь проводят, переез-

жая из одного аула в другой. Несколькими хозяйствами живут.

Мы настигали мелкорослых ишаков с вязанками дров и хвороста; гнал их черномазый оборванец, громадная папаха которого несомненно была больше его самого. Тем не менее у пояса болтался кинжал, а громкий голос мальчугана раздавался так самоуверенно и смело, что даже Магомед сочувственно улыбнулся, если можно счесть улыбкою какое-то вздрагивание седых усов.

— Настоящий муж будет. И между нашими таких мало.

— А это кто же?

— Еврей.

— С чего он такой громадный кинжал надел?

— Это сын одного кунака моего, Мамре... Ты не смотри, что он малый... Этим самым кинжалом он раз от волка отбил. И на дерево лезть не захотел, потому что у него орлиная душа. Стыдно бежать тому, у кого на голове не платок, а папаха, если у него в руке есть кинжал... Вырастет — большой хабрец будет.

Еврейчик почтительно приостановился, выждал Магомеда-оглы и тихо приветствовал его словами: барух габо (да будет благополучен ваш приезд). Несмотря на самоуверенность и мужество мальчика, в глазах его просвечивалось грустное выражение, общее всему племени семитов, — что-то серьезное, не допускающее громкой шутки и слишком бесцеремонной веселости. На одном из осликов болталось ружье, вскинутае туда пастухом. Ослы ступали мерно, плотно вбивая копытца в твердую землю и звонко позвякивая колокольцами. Ишаки эти были очень жирны, так и лоснились. Видимо, у хорошего хозяина в руках. Дойдя до самой верхушки гребня и увидав внизу аул, они, точно предварительно спелись, словно по камертону, разом заорали на весь простор. Оглушили даже, так что Магомед сплюнул в сторону. Один из этих певцов был украшен лентами, кусочками алого и желтого сукна и множеством бубенчиков. Он шел впереди, служа для остальных, так сказать, путеводителем. Зачастую,

выйдя из леса, пастух пускает таким образом стадо, и оно само, следуя за вожаком, добирается до дому.

Добрались и мы наконец до вершины холма.

— Что это? — невольно воскликнул я, приостанавливая лошадь.

Весь противоположный склон был загроможден саклями. Между ними — ни площадей, ни клочка сада. Одни узкие переулки сплетаются, разбегаются и пропадают в кучах беспорядочно разбросанных саклей. Сады и хорошо обработанные поля точно рамкою окружали этот аул снизу. Глаз не знал, на чем остановиться. Холма не было видно под этим муравейником, кипевшим тысячами жизней и оглушавшим нас могучим гулом громких голосов. Какая разница с татарскими аулами! Туда подъезжаешь — тишина полная. Тут точно каждый обитатель жалких мазанок считает своею обязанностью орать на весь этот зеленый простор. Словно золотые пластинки блистали под солнцем, уже заходившим, плоские кровли саклей, выстроенных из камня, на грязи или на глине вместо цемента. Словно дырья в этих мазанках чернели окна, лишенные рам и стекол, только ставни болтались иногда на одной петле... Груды камней взбирались одни на другие, точно школьники, когда какой-нибудь шалун заорет: «Мала куча!» — и на опрокинутого им мальчонка валится сломя голову целый класс.

Одни сакли точно перелезают через другие. Тут несколько мазанок лестницей — маленькие на больших, а сверху уже совсем микроскопические. Внизу даже не рассмотришь, точно ложкою размешанное месиво. Целое море плоских кровель. И как все это людно! На улицах бегают пестрые толпы, женщины группами сидят на крышах, точно под страхом смертной казни запрещено им пребывание дома. Румяные отблески заката, обливая багрянцем и золотом эту кипень людного аула, еще более жизни и красоты придают ему. А там дальше, за аулом, маревом лесным идет зеленая понизь и только розовой змеей, блистая на излучинах своих расплавленным золотом, вьется узень-

кая речонка, пропадая там, где и леса сами кажутся какими-то сероватыми облаками... А еще дальше, только в сторону, стали грандиозные силуэты Главного хребта, вершины которого огнистыми коронами и пламенными кострами сверкают над накурившимися уже вечерним туманом долинами.

— Что же это, неужели тут и мусульмане живут? — с недоумением указал я на минарет пестрой, точно желтыми и голубыми изразцами покрытой мечети.

— Нет. Это ихняя мечеть, еврейская.

— Синагога?

Оказалось, что горные евреи все свои синагоги строят таким образом. Их не отличишь издали от мусульманских мечетей. Иногда они и расписаны в татарском вкусе.

Еврейский аул, куда мы столь торжественно вступали, принадлежал еще недавно к числу «немирных». Он держался Шамиля, и между мюридами этого властелина Кавказских гор было немало хабрецов отсюда.

Магомеду-оглы навстречу слышались приветствия... Мусульманин, презирающий городского еврея, ненавидящий русского, с видимым уважением относился к горным евреям. Вообще окрестное население нисколько не отличается себя от них. Случались даже и невероятные сближения. Горцы отдавали дочерей своих замуж за евреев, а зачастую и сами евреи, по местному обычаю, силком увозили красавиц из мусульманских аулов. При таких обстоятельствах иногда начинались бесконечные «канны» с убийствами, грабежами, преследованиями, чаще же враги мирились и «прекрасная Елена» какого-нибудь горского аула оставалась в сакле у похитившего ее Париса из племени израилева.

Чем ниже мы спускались, тем гуще была шумная толпа. Под конец, не доезжая полуверсты до аула, мы двигались, точно подхваченные волною. Нельзя было повернуть ни вправо, ни влево; со всех сторон — сплошная стена любопытных, быстро переговаривавшихся с Магомедом-оглы. Общительность горных евреев изумительна.

Они сами выспрашивали нас обо всем и, в свою очередь, рассказывали свежие сплетни своего аула. Все это делалось так добродушно, что не тяготило нас. Эта болтливость была без назойливости. Интересовались они всем. Правда ли, что турецкий султан истребил гяуров по всему лицу Порты Оттоманской? Правда ли, что в «Тыплизе» женщины перестали носить шаровары, а облеклись в какие-то широкие зонтики? Правда ли, что где-то в течение трех дней видели звезду с тремя хвостами, а белая собака заговорила по-человечьи и войну провозвестила? Правда ли, что ввиду войны урус всех евреев заберет в солдаты и заставит их принять христианскую веру? («Еще бы не правда, — подтверждает сосед, — сам мулла Ибрагим сказывал!») А знают ли «многочтимые хахамы» (это мы!) о том, что в их ауле некая Туманит только что родила тройню, по местному обычаю, лежа на земле. «И все мальчики!» — восторгались болтуны. Хозяин (то есть муж) по этому поводу зажег у себя свечи и развесил по стенам золотые бумажки с именами разных ангелов, которые и новорожденных, и мать будут охранять от козней дьявола. Через несколько дней допустят к ней женщин, и тогда «мы сообщим вам остальное!» — успокаивали нас евреи, точно судьба трех новых граждан аула нас интересовала в одинаковой степени с ними.

— Хозяин, верно, позовет хахама на торжество обрезания! — додумывались с одной стороны.

— Он богатый. Кур и гусей подадут вволю! — прибавляли с другой. — Можете есть сколько хотите.

— Мать два раза землю с могилы пила!

— Не два раза, а один.

— Ну, ты мало знаешь. Мне сестра рассказывала.

Если роды очень трудны, то берут землю с недавней могилы, разводят в воде и дают выпить страдальце. Не унимается боль, повторяют то же средство, только еще глубже берут такую же землю.

— Не знаете ли вы, помогают ли от лихорадки перья белого петуха? — добивался какой-то старик.

— Да разве они персы, чтобы лечить больных? — возразили ему. — Ты бы старух своих спросил.

— Да они уже лечили. Не помогает.

— А колдун аульный что же?

— Двух баранов требует, без того нейдет.

— Айкай, двух баранов! Чтоб душа его бабки подавилась ими на том свете! Чтоб ему никогда не есть курятинны! Вот уже собачий рот, воронье брюхо. Чтобы сакля его отца обрушилась на его голову!

— Подожди, персы приедут, они вылечат.

Магомед потом мне объяснил, что сюда в горы приезжают своеобразные аптекари — персидские брадобреи, которые заодно продают и лекарства. Впоследствии уже я узнал из записок Иуды Черного, что цирюльники эти приезжают из Персии и открывают на аульных базарах публичную продажу лекарств и снадобий, приготовляемых из разных трав. Вся их аптека заключается в большом мешке. Каждый медикамент завязан отдельно в грязную тряпку. Относясь к ним с полнейшим доверием, кавказские горные евреи ни за что не обратятся к окружающему медику, подозревая, что в русские лекарства подмешана свинина или что-либо трэфное. Персидские медики-цирюльники, как рассказывали мне в ауле Гемейды, имеют средства против всех недугов и несчастий. Они излечивают бесплодных жен и даже неспособным мужьям возвращают утраченные силы. Злые бабы могут быть укрощаемы настоем из травы, предписываемым цирюльником, отчаянные пьяницы начинают чувствовать отвращение ко всему хмельному, когда такой маг и волшебник скажет им какие-то три магических слова на ухо. Если муж подозревает свою Пенелопу в измене, ему стоит только принять лекарство, и во сне он увидит всех ее любовников; если жена, в свою очередь, имеет основание думать, что Менелай украсил ее рогами, стоит только прыснуть на спящего водою, проданной персом, чтобы горный донжуан в бреду назвал имя разлучницы. Если супруги хотят иметь именно мальчика, а не девочку, перс

и тут посодействует таинственными чарами; к нему же обратится юноша, потерпевший фиаско в своих любовных похождениях, и т. д.

Вообще персидские цирюльники здесь соединяют в своих особах все сведения медицинского факультета, с прибавлением разных волшебств, которые оставили бы далеко позади популярную у нас в Петербурге девицу Александрину.

Волна подхватившего нас народа внесла и коней, и всадников в узкий переулочек аула. Тут зрители потеснились, навстречу высыпали новые. Полные любопытства лица мешались в какое-то марево, так что у нас головы заболели от усталости. Можно было поручиться, что все население жило постоянно на улице. Тут местный башмачник выделывал чувяки, там сердобольная мать откровенно подмывала своего ребенка. В стороне на виду спали ишак, а у самого брюха его столь же аппетитно похрапывали двое погонщиков. В переулках, вливавшихся подобно притокам в главную улицу, виднелись группы громко оравшего и размахивавшего руками народа. Если бы я не был предупрежден уже, я бы мог подумать, что здесь случилось какое-либо необычайное событие. На площадках сидели кучки болтунов — тоже оранье доносилось оттуда. В аул мы опять прошли сквозь строй вопросов, от которых никуда не уйдешь, никуда не спрячешься. Магомедоглы, сохраняя спокойствие, невозмутимо отвечал, когда его спрашивали, не видел ли он в соседних аулах шайтана, который, говорят, сбежал с Мадлисской горы туда; не портит ли этот шайтан баб по ночам и что же смотрят муллы: пора-де нечистого возвратить опять на старое место жительства.

В открытых лавках заседали такие же болтливые толпы разного люда. Обыкновенно, когда не хватает новостей и местных сплетен, горные евреи рассказывают друг другу сказки о том, как Надир-шах во время оно разорял их, как в такую смутную пору еврейского настроения являлись многоученые и добродетельные раввины, ради

которых Бог спасал от гибели горское население. Разумеется, при сем удобном случае не обходилось без чудес. Острые сабли персов отскакивали от священного Пятикнижия, уstraшенные небесными явлениями враги отступали от синагог, не нанося вреда народу, запершемуся в этих убежищах. Но вот нашло с юга видимо-невидимо полчищ Надир-шаха. Особенно персы ненавидели Израиль, и народу Божьему пришлось от врага жутко. Их даже и в плен не уводили, а убивали. Что было делать? Кала-чирахский еврейский джамаат думал-думал, да и решил выселиться вон. Бросили свои сакли, свои сады оставили, кладбища, где лежали их отцы и деды. Совсем опустел край. Задолго после того местный хан вздумал дворец строить. Чем тесать вновь камни да украшать их выбивкой арабески, гораздо лучшим показалось ему воспользоваться надгробиями еврейского кладбища. Так и сделали. В три дня и три ночи воздвигли ему громадное кала-чирахское Тюильри; краше этого дворца не было, пожалуй, ни в Багдаде, ни в Мосуле. Разве у падишаха в Стамбуле да у московского царя есть лучше дворцы. Да и то едва ли! Сомневаются еврейские сказочники.

Торжествовал хан это событие три месяца и наконец перебрался в новые палаты. Но тут уж начались такие чудеса, о каких ни одна душа не слышала. Расскажи хакхаму — таки он, пожалуй, не поверит, потому что ни в одной книге чудес таких не найдешь. Каждую ночь стены дворца оглашались рыданиями. Плакали камни! Мало этого, со всех ограбленных кладбищ еврейских приходили сюда плакать мертвецы, лишенные своих надгробий. Кто проходил ночью, тот видел, как белые фигуры становились каждая у своего камня и, прислонясь головой к нему, причитали до утра. Ветер разметывал во все стороны их волосы, разбрасывал белые саваны, но не мог заглушить их отчаянного вопля. Наконец через неделю умерли ханские дети. Ни одного в живых не осталось; после них умерли его жены; в пятом акте этой горской

мистерии умирает сам хан, все его приближенные; все, что дышало в этом дворце, — все погибло. Не осталось ни одного коня, ни одного пса, даже несчастные вошки подошли. После того и мертвецы перестали посещать это гибельное для всего живого место. Через пятьдесят лет здесь попробовали вновь поселиться люди — и опять вымерли.

Развалины, говорят, стоят и до сих пор мрачные и безлюдные. Татары мимо них и ходить боятся. Смелычака, пожалуй, мертвецы задушат, как задушили они хана, не пожалев ни жены его, ни детей, ни садов, ни осла, ни всякого скота его.

Легенда объясняется очень просто. Камень на могилах употребляется здесь ноздреватый. В нем, может быть, сохранились испарения от гниющих под тонким слоем земли трупов и первые обитатели сказочного дворца в знойное лето погибли все от зараженного воздуха этого горского Тюильри.

Вот круто вниз сбегает узенький проулочек. По правую и по левую сторону его журчат ручьи по камням. Везде сакли с лавками и мастерскими. Оттуда гремят молоты, слышатся татарские песни, популярные в среде горских евреев. Голые до пояса работники выскакивают поминутно на улицу, поболтают с соседями и опять за дело. И все это стремглав, все это сгоряча, точно над ними рушится крыша или земля проваливается под ногами.

Переулок оказался, к удивлению, вымощенным, но не на радость нам. Из саклей выливают сюда всякую неподходящую жидкость. Поэтому спуск до того скользок, что моя лошаденка раза два разъезжалась, широко раздвигая ноги.

Наконец толпа, сопровождавшая нас, помогла горю. Несколько человек уцепились за хвосты лошадей и в то время, как последние скользили вниз, живые тормозы тянули их за хвосты назад. Шествие это было столь комично, что я несколько раз принимался хохотать, потешаясь над серьезною важностью Магомеда, принимавшего по-

мощь сановито и благосклонно, как нечто достойное и неизбежное. При этом «носители хвоста» оглушали нас криками, подобных которым мы нигде не слышали. Я думаю, что от этих воплей другая, не горская лошадь давно бы стремглав кинулась вниз, оставив хвост, как трофей победы, в руках у неистовых горланов.

Чтобы понять оригинальность этой картины, представьте себе пестроту народа, горячий свет уже заходящего солнца, обливавший и нас, и нашу свиту, и серые мазанки, и зеленую лесную долину внизу, и молчаливые силуэты туманных гор по сторонам.

А ночь уже наступала, и, по мере того как гасла река, как контуры леса теряли своеобразные формы и сливались в одно синевато-серое море, как из-под наших глаз в синие сумерки уходили узкие переулки людного аула, как на западе розовая полоса все узилаась и узилаась, смолкали и говор толпы, и бряцание бубенцов на ослах, шлявшихся на улицах, и песни молодых девушек, ткавших на кровлях своих саклей пестрые шнурки, производством которых славятся еврейские аулы горного Дагестана... Скоро из тихого, словно ползком разбежавшегося гула громко выделялся стук от копыт наших лошадей да гул реченьки в порогах. Толпы, провожавшие нас, поотстали. Каждый торопился домой.

Сумерки сгущались... Чем ниже спускались мы, тем становилось сырее и прохладнее. Тут уже подымался туман... И вместе с туманом донеслось к нам благовонное дыхание азалий, смешанное с дивным ароматом кавказской дафны... Скоро направо и налево сакли стали пореже; мы выезжали на край аула, где жил кунак Магомедоглы.

Вот в тумане сверкнул огонек, и кто-то взял под уздцы мою лошадь.

— Барух габо!

— Шалом алейхем.

Чувствую, что кто-то держит стремя; пора бы с лошади сойти, а голову так и клонит, глаза смыкает дрема... Долж-

ВОИНСТВУЮЩИЙ ИЗРАИЛЬ

но быть, страшно затомился за весь этот богатый впечатлениями день, да и запах цветов душил до одури; а тут еще откуда-то только что распустившимися миндальными деревьями пахнет! Или, может быть, лавровишни зацвели... Это их густой аромат.

Последнее впечатление — какое-то бородатое лицо внизу да крупная золотая звезда в вышине темно-синего ночного неба... Потом унылая, за сердце хватаящая песня, но слышал ли я ее действительно, или во сне приснилась — хоть убейте, ничего уже не помню.

ГЛАВА 7

Израиль воинствующий у себя дома

Удивительно замирает мысль в царстве горных вершин.

Кругом все так громадно. В гордом величии стоят эти гиганты, блистая снеговыми коронами и подпирая недосягаемые голубые выси. Беспросветную глушью лесною одеты их крутые подножия. Вечно зеленые остролисты заполнили ущелья. В их сыром и молчаливом сумраке мелькают ветвисторогие головки красивых косуль. С нагорных скал гремят неугомонные водопады, неизвестно сколько тысячелетий долбя вершины серых утесов вниз, и бегут дальше кристальными ручьями. Вьется такой ручей по сырому лесу, пробивается сквозь массы гниющих ветвей бурелома, опрыскивает холодной влагой громадные оранжевые грибы, точно шапки чьи-то, разбросанные по мягким низинам. А в миндальную рощу попадает — весь розовыми цветами усыплется. И не видать чистых струй под этим благоухающим слоем лепестков, свеянных тихим ветром с ветвей, тут же чуть-чуть вздрагивающих над ними. А там дальше, где миндальным рощам конец, целое море фиалок. Зайдешь сюда, спрячутся за раскидистыми вершинами обступивших тебя каштанов горные выси — и снова работает мысль, снова чувствует она свою мощь! И любо ей среди зеленого царства, и привольно ей под этими тенистыми сводами.

Проснулся я рано, и первое впечатление было — эти чудные горы с каменным великолепием их утесов, с смутными призраками туманов, цеплявшихся, меняя свои очертания, за темные скалы с густою синью ущелий. Тянуло туда. Эта заманчивая синь особенным образом действует на душу, она неизвестностью своей околдовывает. Ведь знаешь, что и там такие же плоскокровельные аулы, а чудится все-таки что-то сказочное, зовущее, неведомое. Тут точно все изведано, все опостылело, а настоящее поэтическое, ласковое, обязательное там, именно за эту таинственную синью.

— Хахам, хахам! — послышалось позади.

В окно смотрит кудлатая голова, за нею Магомед-оглы.

В сакле уже горел камин и в огне его пыхтел и ворчал маленький котелок. Точь-в-точь лапландская ступа; из грубого камня сложено устье камина, глиняная труба доходит до крыши. Закрывают ее также доской, придавливая ее камнем. Одно неудобство в этих саклях: в нее не входить, а вползать приходится. Дверь низенькая. А из комнаты в комнату еще и того хуже: какие-то норы, звериные лазейки. Зато чисто очень. Стены, видимо, смазываются часто известкой, глиняный пол убит плотно, и на нем нет никакого сора. Разная посуда так и блестит на полках, высокие кувшины по углам с изящной резьбой. Есть и серебряные, те на виду красуются вместе с громадными медными подносами, на каждом из которых легко могла бы поместиться одна из семи тучных коров, виденных во сне фараоном. И зеркала даже есть, но вроде наших деревенских, показывающие два носа вместо одного, какое-то строфокамилово яйцо¹ вместо глаза и что-то вроде колоссального ежа вместо кудлатой головы нашего хозяина. Вокруг зеркала — шашки, пистолеты, ружья, кинжалы, даже два турецких ятагана. Пистолеты в серебряной

¹ Ст ро ф о к а м и л о в о я й ц о — страусиное яйцо (или его имитация), украшенное драгоценной оплеткой и кистями. (*Примеч. ред.*)

оправе с чернью, ружья с серебряной насечкой. Постели до потолка и сундуки один на другом довершают убранство комнаты.

Кровля поддерживается деревянной балясиной, вроде очень изящной колонны. Она вся увешана оружием. Тут целый арсенал. Горные евреи столь же гордятся этими смертоносными орудиями, сколько гордятся ими чеченцы и лезгины. Оборванец из этого Израиля воинствующего, поражающий вас невозможными лохмотьями, откровенно выказывающими все прелести его сильного, хоть и не совсем красивого тела, непременно щегольнет парю пистолетов с окованными в серебро головками или великолепным кинжалом с сплошь унизанною бирюзью рукоятью.

Тут, в горнице, кунацкой, даже очень красиво было. Свет яркого дня бил прямо в открытые окна и выхватывал из сумрака пестрые разводы шелковых материй, развешанных по стенам, пурпурные наволочки круглых цилиндрических подушек, одеяло из ярко-зеленой нови и в тысячи искр дробился, скользя по целому арсеналу разного оружия. Какая-то бабенка с завешанным лицом внесла и разостлала кубинский ковер.

Если бы я был настоящий хахам, то есть еврейский ученый, для моего приема хозяева исполнили бы целый ряд церемоний. Целый день меня осаждали бы посетители толпами. Вся подноготная аула раскрылась бы передо мной в их рассказах, потому что «гостю не должно быть скучно ни под каким видом». В свою очередь, и я бы должен был рассказать тысячу раз, зачем, куда и откуда еду и что я встречал на пути, какие народы видел и каких обычаев эти народы держатся, сообщить все новости виденных мною стран, рассказать о своей семье и своем городе все, что знаю, толковать о политике Фиренгистана, о коварстве инглиза, об ученых муллах, к которым, несмотря на свою веру, евреи относятся с величайшим уважением. Нельзя точно определить, к кому они чувствуют больше почтения — к раввину или мулле, который пишет

им всевозможные бумаги, дает им советы, служит для них чем-то вроде мирового судьи, посвящает их в таинства магии и чародейства. Хахама, если он беден, наделят деньгами и хлебом и проводят до следующего села, так что ученый раввин может пропутешествовать по всем горным аулам Израиля воинствующего, не истратив ни копейки. Напротив, еще с собою привезет небольшие деньги.

Хозяин мой оказался человеком очень недюжинным. Это был настоящий тип воинственного горца. Магомедоглы рекомендовал его как храбреца, не раз во время оно схватывавшегося с нами. В самом деле, Мамре-ага (почему мой проводник произвел его в «аги» — не знаю) из молодежи своего аула, в ответ на призыв Шамиля, составил небольшой отряд, который сильно беспокоил русских. К этой отчаянной шайке примкнули некоторые окрестные мусульмане, вовсе не считавшие позором подчиниться вождю из племени израилева. Мамре-ага был не только воинственным горцем, но и ловким шпионом считался, — разумеется, для своих. Явится, бывало, в русские войска под видом торговца, высмотрит все, не упустит случая с выгодой распродать баранов или битую дичь, а ночью руководит набегом и сам во главе своих узденей вихрем врывается в успевшие построиться и ощетинившиеся штыками колонны. На лбу и на щеке у Мамре до сих пор громадный рубец багровеет — след от сабельного удара лихого кубанца, который, впрочем, сам попался ему в плен и целую неделю высидел у него в яме под саклей. Нужно было посмотреть на яму, чтобы убедиться, как скверно здесь было пленному. Земляные стены, окно сверху, если считать окном дыру какую-то, — ничем не лучше бухарского клоповника. Сверху в дождь льет, а вздумается хозяину или остервеневшим бабам закрыть отверстие доской, хоть задохнись там, среди невыносимого смрада и беспросветной тьмы.

— Ну а потом что же было?

— Заболел, совсем с лица спал; заговариваться стал. То песни поет, то плачет. Ну и пожалели его.

— И умер?

— Нет, мы его взяли оттуда. Вывели, в сакле жил. Только на цепи. Потом Гаджи-Мурату продал его! Пять туманов взял.

И все это совершенно равнодушно, точно он медведя поймал, подержал его на цепи, а потом и сбыл выгодно любителю.

— Зачем же больного-то на цепь сажать?

— Да разве он баба? Он мужчина. А мужчину только цепью в плену удержишь. Не обрежь орлу крылья, выше облаков поднимется, — так «настоящий человек» изумлялся моей недогадливости.

Я стал было ему объяснять, что за границей пленных освобождают на честное слово.

— Вот еще что выдумал! Это не мужи, это бабы, только они по ошибке папахи надели. Им бы канаусовые шаровары да замуж их отдать! Что они, разве курицы! В курятнике и свободно, только ястреба там не удержишь. Только для курицы в курятнике довольно места. Воробью отвори клетку — и он вылетит на свободу.

Мамре-ага славился особенным искусством устраивать засады. Тут по всем окрестностям у него не было соперников. Рассказывали про такие случаи, где не знал я, чему удивляться, дерзости этого израильского кондотьера или его мужеству. Во главе пяти-шести человек ему удавалось пробираться за русскую цепь в район, занятый отрядом, и там, высиживая по десяти—двенадцати часов в кустах или в траве, выхватывать несколько жертв. Раз таким образом он выцарапал чуть не из середины лагеря какого-то юного офицера, который, впрочем, не долго был в горах. Повторилась история «Кавказского пленника»: русский бежал из аула в сопровождении одной из местных красавиц.

— Одно скверно, когда ваши с собаками приходили. Тогда нельзя было. Собаки все вынюхают.

— Этакая собака одна целого отряда стоит! — прибавил Магомед-оглы. — У нее сердце и мозг человечьи, — фило-

софствовал он. — Она не только в бою, она и так выискивает горцев, следы открывает, за версту его чувствует. А когда до драки дело дойдет, собака впереди. Прямо за горло хватает. И любили же их ваши солдаты! Раненых из бою выносили, лечили в лазаретах своих. Холодно — под шинелями держали. С солдатами собаки эти спали вместе, ели из одной чашки. Раз мне удалось живьем захватить такую в одном набеге. Привезли домой, думали к себе приучить. Нет! Ничего не ест, только воет, а подойдешь — зубы скалит и в горло вцепиться норовит. Застрелили. Что с ней делать было иначе?

Я думаю, впрочем, что собаки эти могли бы есть и из одной посуды с Израилем воинствующим. До чего неприятны здесь евреи горные — представить себе нельзя. Я остановился в сакле зажиточного человека, но и у него ни котлы, ни подносы, ни тарелки не были вымыты вовсе. Запах от всего отвратительный, так что ешь поневоле, не желая обидеть хозяина, который считает оскорблением отказ гостя от скверно и неряшливо приготовленной похлебки. К тому же и чесноку во все они валят сверх меры. Вина вам подадут — и стакан найдется, но в стакане этом грязи, мух, гадости всякой целыми слоями налипло. Вымойте — на вас посмотрят с удивлением, как на большого чудака и брюзгу. Вот-де охота человеку возиться напрасно! Пожалуй бы, обиделись даже! Деревянные кружки, на которых подаются рыба, рис и т. д., насквозь жиром пропитаны; еще остатки вчерашней трапезы, насохшие на них, не отскоблены, а хозяйка преравнодушно варит новое варево. Притом не менее отвратительный обычай, по которому перед началом обеда глава семьи собственноручно рвет чурек (хлеб) на куски и кидает эти куски присутствующим. Те их ловят на лету.

— Дай тебе Бог всякого благополучия! — отвечает гость и сейчас же проглатывает такой кусок. Я это делал, стараясь не смотреть на руки своего амфитриона, который, по видимому, страдал водобоязнью, а об мыле помину нет.

— Примите, дорогие гости!

Вы оглядываетесь; за вами целая процессия бабья разного, притом прегнусного вида, со всевозможными яствами, от которых разит и прогорклым маслом, и луком. Тут и баранья похлебка, где курдючного сала больше, чем на-вара, и плов опять с неизбежным курдючным салом, и мясо с чесноком, и варенные в сахаре яблоки и сливы. Последнее не советую пробовать. В это «сладкое» евреи обильно прибавляют того же универсального курдючного сала. Больше всего в их обеде понравились мне удивительно ароматические травы, которые едят с хлебом.

Удивительно, сколько может съесть еврей во время праздничного обеда, каким считается обед, устраиваемый по поводу приезда гостя. Куда нашим извозчикам на постоянных дворах! Тут — без конца. Пять раз обнесут пловом, по три раза за хинкал принимаются. На кутум насыдут — все уничтожат, что подано, а в антрактах, для разнообразия и возбуждения аппетита, головки лука и чеснок нещадно истребляются! А тот же еврей в будни у себя за столом, кроме чурека да чеснока, ничего не видит и сыт и доволен бывает. Тем не менее я думаю, что таких растяжимых желудков ни у кого нет.

Большое внимание и особенная честь со стороны хозяйина, если он сам, собственными своими пальцами, разорвет для вас вареное мясо на куски или точно таким же порядком предложит вам копченую рыбу... Еще странный обычай. Встречая евреев в России, и особенно в западных губерниях, вы привыкли к их умеренности. Народ трезвый; пьяный еврей — редкость. Нравы Израиля воинствующего не таковы; вино они пьют до остервенения. Тосты провозглашают один за другим. Право, подумаешь, что это наши братья славяне.

— Здоровье твоего деда! — обращается к вам хозяин, когда весь наличный состав более близких родных истощен. — Хороший человек был! — заключает он, точно очень близко знаком с ним был.

— Большой джигит! — прибавляет другой, думая, что все это вам доставляет особенное удовольствие.

Пьют все, желая здоровья вам и мирно почившему предку вашему. Вы пробуете объяснить, что «большой джигит» давным-давно в земле сырой. «Ну все равно там ему будет лучше!» И они благочестиво возносят очи горе.

— За кунаков кунака твоего! За братьев друга твоего!

Пьют.

— Чтобы пистолет твой никогда не давал осечки!

— Чтобы в поле у тебя кукуруза всегда родилась!..

— Пусть Господь пошлет ангелов в сады твои!

И за ангелов пьют.

— На посрамление твоих врагов!

— Чтобы под ними лошадь всегда спотыкалась!

И по поводу врагов выпили.

— Чтоб твоя папаха дольше носилась!

Бывают очень неподходящие тосты, весьма скабрёзно-го содержания, не доказывающие, чтобы Израиль воинствующий был особенно на язык воздержен.

Только за женщин не пьют. Большой нескромностью считается о женщинах говорить или интересоваться здоровьем жены, дочерей, сестер... И рады вы, когда наконец пирушка заключается последними тостами и охмелевшие, но неизменно хранящие восточную солидность гости или расходятся, или похрапывают у стен, опираясь на мягкие подушки, до тех пор пока сыновья не растащат их по домам. Делается это в сумерки, потому что горец ни за что не покажется на улицах своего аула пьяным среди белого дня. Это считается большим позором. «У него соломенные ноги!» — говорят про такого.

Под вечер, когда синим сумраком окутало окрестности и вся гора уже засвечивалась огоньками, робко еще борющимися с последними отсветами отгоревшего дня, у дверей сакли послышалось громкое ржание коней и говор многих голосов. Видимо, совершалось что-то важное, потому что бывшие в сакле встрепенулись и зашептались.

— Должно быть, наши приехали! С погони!

В саклю почтительно вошли четверо молодых людей. Красавец к красавцу — точно на подбор. Вот бы питер-

ским барыням показать! Черты тонкие, красивые, склад тела сильный, но стройный. Плечи широкие, талия в перехват.

— Ну что, выследили?

— Нашли... Лисица показала хвост.

— Что ж вы ее не поймали? А еще молодцами называетесь! Вам бы у аульной печки хлебы печь с бабами, да сплетничать с ними, да мерять, у кого шаровары шире... Ой вы! Еще жениться собираетесь. Да вас бабы иголками обидят, и жаловаться вы на них побежите своей бабушке или матери... Бессовестные! Вас бы посадить на ишаков, лицом к хвосту, да и провезти так по аулу. Девки блудливые!

Молодежь молчала.

— Или она вас хвостом напугала, лисица эта?

— У лисицы лисенят много...

— Что ж, они шайкой одной?

— Вместе все. Два дыма было, а за каждым дымом по шести человек сидело. За подмогой вернулись.

Я не понимал, в чем дело. Оказалось потом, что украденную девушку отбивать собирались. Похитители прятались в окрестностях. Преследователи наткнулись на них, да спасовали. За двумя кострами двенадцать удалцов оказалось.

— Что ж, она плачет?

— Какое, — смеется! Поди, говорит, скажи родным, что не хотели отдавать по согласию, я и так обошлась.

— Говорили отцу?

— Нет... Арас (жених законный, от которого она бежала) в аул послал. Совсем потерял голову, бедный.

— Чего же вы сюда-то сунулись?

— Да ваших храбрецов звать пришли.

Двое племянников хозяина вызвались ехать. Понятно, что и я не мог пропустить этого зрелища, тем более что оно скорее походило на оффенбаховскую оперетку, в которой недремлющие стражи порядка, *messieurs les carabiniers*, проходят мимо самого носа разбойников, великодушно их

ВОИНСТВУЮЩИЙ ИЗРАИЛЬ

не замечая, чем на настоящую трагедию с воплями и стонами, с кинжальными ударами, кровью и чадом пожарищ... Дело должно было окончиться неизбежно миром. Погоня была формальностью. Только следовало попытаться отбить украденную родственницу, которая недели через три все равно сама явится. Да и всякий из преследователей при подходящем случае сделал бы то же самое.

Когда мы вышли садиться на лошадей, ночь уже зажгла в темных небесах мириады своих неугасимых лампад и вой чекалок уже замирал в глуши окутанных мраком ущелий... Было свежо, хорошо, пахло скабиозами, лошади бодрились и постукивали копытами о землю. В ауле блистали огоньки... Где-то слышалась гортанная песня и какие-то струны трепетали медлительно и нежно. «Друг мой, друг далекий, вспомни обо мне!» — так и хотелось крикнуть прямо в лицо этой холодеющей ночи...

ГЛАВА 8

Оффенбаховские разбойники и еврейская самокрутка

Ах, какая это была чудная ночь...

Наши кони, сторожко храпя и потряхивая головами, поднимались в горы. Путь был крут, так что лошади буквально цеплялись за каждый выступ камня передними ногами, упираясь в твердую почву задними. Сучья с благовонными цветами хлестали в лицо, и немудрено: среди этого теплого мрака тропинка казалась черною щелью. Не различишь, где нагнуться, где нет. Ни одной звезды вверху, потому что вершины деревьев переплетались в непроницаемые своды. Там слышался порою тихий шелест, хотя ветра и в помине не было. Точно размах каких-то мягких крыльев порою мимо ушей. Раз что-то теплое, мягкое, бархатистое ударило мне прямо в щеку и с тихим писком шарахнулось в сторону; противное ощущение, должно быть, летучая мышь. В черной чаше порою вспыхивали брильянты, изумруды и яхонты, смешиваясь с золотистым блеском желтого топаза и красного рубина. То поодиночке, то кучками, точно в воздухе дрожат и мерцают головные уборы лесных эльфов. Посветит, посветит, переменит несколько цветов и вдруг потухнет, точно водою вспрыснутая искра. Один поворот тропинки — и новая чудная деталь этой великолепной картины. Тихо журчит лесной ручей, сонно, медлительно, словно спать ему

самому захотелось, словно эта молчаливая ночь унимает его шаловливая серебряные струйки. Над ним вьются несколько светляков, и отражение их зыблется в воде; ни позади, ни впереди ручья не видно, только один этот лоскуток...

Тропинка все круче и круче. Приходится, чтобы не тянуло назад, нагибаться к самой шее коня.

— Сойти с лошадей надо! — говорит мне увязавшийся за нами Магомед-оглы.

— Зачем?

— Трудно... Вон впереди все уже пешком идут. Только под уздцы возьми.

Так и сделали. Наверх действительно трудно было подыматься, тем более что под ноги совались постоянно, должно быть, узловатые, свившиеся, как змеи, корни деревьев. Наткнешься и летишь лицом в сочную траву. Да и подозрительное шуршание какое-то по сторонам слышится. Не змеи ли, недаром самая гора называется Змеиной.

— Что, разве тут змей много?

— Прежде было... Царь ихний жил на этой горе. В пещере...

— Кто ж его видел?

— Никто. Только и до сих пор в этой пещере золотые кольца да битую посуду, из которой ел он, находят... Могучий царь был; мог всякий образ принять на себя. И волком, и лисицей, и чекалкой, и медведем. У него на голове три вороны блистали: одна рубиновая, другая яхонтовая, а третья алмазная... Большой был царь. Каждый день ему по три мальчика и по три девочки приносили, за то змеи не трогали никого. Ваша Мириам (Богоматерь) помогла. Дочь одного священника должна была идти на съедение змеиному царю. Ну, отец молиться стал. Мириам приняла ее образ и вместо нее пошла к змею. Как увидел ее змеиный царь, дрогнул и в самое нутро горы вполз со всеми своими подданными. Из пещеры в сердце горы жила тянулась. Ну, тогда Мириам заклала змей, чтобы они вы-

шли из своей тюрьмы только тогда, когда кто-нибудь на этой горе храм ее разрушит...

— А разве здесь есть церковь?

— Древняя стоит... Пустая давно...

— Магомед-оглы, будь другом, покажи...

В моем воображении так и возникла разом поэтическая картина развалины в темном царстве этого дремучего леса.

— После... Вот догоним невесту, а там видно будет... Да они далеко еще, развалины эти. Ну как застряла Мириам змей, ни одна не показывается здесь. Только как заночуешь на горе, так ночью слышится, как внутри, далеко-далеко под землю, что-то шуршит, и стонет, и шикает, и свищет. Это они... Это царь змеиный ищет выхода, да не находит его и шипит от злости. А то волком в горе завоет или, как ребенок, плакать начнет. Тоже на свет выйти хочет. А то у него там дня нет, все ночь, хоть и живет он в алмазных палатах, где чудесные звезды горят...

Иногда по сторонам более зловещие звуки слышались. Что-то тяжелое, грузное, массивное шархнулось от нас в чащу, так что долго после того трещали сучья, все тише и тише, и замирал шорох встревоженного зверя. Хорошо еще, если таким образом кабана вспугнешь, а то ведь в эти горы зачастую и тигр жалуется, а про леопарда и толковать нечего — постоянный гость. Выхватить же из нас любого и труда особенного нет... Оружие за спину, бредем через силу, темно, и не увидим даже, как недосчитаемся товарища. Положение скверное. Даже передовые остановились, видно, переговариваются, что делать.

— В прошлом году так же мохнатый черт унес Абдул-Рахима. Потом только обрывки платья, папаху да кости нашли.

— А помнишь, как здесь зверь русского чиновника попортил?

Толковали, толковали и не нашли ничего лучшего, как зажечь сучья какого-то сильно пахучего смолистого дерева и с этими импровизированными факелами идти вперед.

Все остановились на несколько минут. Слышим, как ломаются ветви. Лошади пугливо храпят, а ночь еще чернее, еще непрогляднее...

Вон вспыхнуло ярко-красное пламя. Другой огневой язык выхватил из тьмы серые стволы каких-то сумрачных великанов; третий еще дальше загорелся, осветив какое-то бородатое лицо, сияющее самой беззаветной детской улыбкой. Четвертый прямо перед понуренной мордой вороного коня. И трещат сучья, и раскидывают по сторонам снопы ярких искр. Вместе со светом послышались шутки. Кое-где смех, громкий, откровенный. Дали и мне целый пук смолистых ветвей; зажег у Магомеда; смотрю, надо мною в вышине висят, как борода, длинные волокна чужездных растений, перебрасываясь с одного дерева на другое. Такой длинной бахромы, пожалуй, и над тронами средневековых сюзеренов не колыхалось с их торжественных катафалков. Теперь вся тропинка с ее извилами намеривается чудесно. Вон огоньки впереди повернули вправо, круто повернули, точно мы назад собираемся идти. Вот налево взяли... Какие-то серые камни по сторонам. Неужели близка вершина, что пошли утесы? Мой факел освещает чью-то широкую спину впереди и крупный зад серого коня, помахивающего хвостом.

— Теперь безопасно, — говорит Магомед рядом. — Ни один зверь на огонь не пойдет. Особенно как увидит, что нас много.

Общительность евреев сказалась и при этом. Пока темно было, все молчали; точно ночь давила. Теперь молодежь расхвасталась так, что перед ее воображаемыми подвигами побледнели бы блистательные деяния сказочных Рустема и Зораба. Чего-чего тут только не было. Один раз с тигром схватился и задушил его голыми руками, как щенка, другой с дерева десять медведей перестрелял. Точь-в-точь наши охотники, одну пулей двух зайцев пронизывающие и ею же случайно убивающие покоившегося впереди медведя! Самый красноречивый из них слышал, прячась в чаще, как два зверя в лесу разговаривали

по-лезгински, в чем остальные не нашли ничего невероятного. Израиль воинствующий твердо верует, что душа наша по смерти переселяется в различных животных на более или менее продолжительное время, чтобы «настрадаться». После того ее очищают сквозь огонь в аду и, наконец, водворяют на жительство в рай. Точно так же мне рассказывал один еврей, что он видел, как на кладбище купался в чане с водою только что схороненный его приятель. Для этого они нарочно ставят у могил воду. Это — тоже очищение. Дело в том, что душа не тотчас же оставляет тело. Она триста дней находится в могиле вместе с трупом, и нельзя же ей в этом неопрятном виде вознестись в горние. Употребляют ли столь чисто плотные души при этом казанское мыло, покрыто мраком неизвестности. Что, если бы евреи заживо подражали своим душам и не были одержимы водобоязнью, насколько выиграло бы это племя в красоте и приличии!

Верование о пребывании души в могиле находит подтверждение в том, что, разрывая могилы, обнаруживали часто трупы в ином положении, чем то, в каком их хоронят. Евреи кладут своих покойников в продолговатую яму, аршина три глубины, прямо в землю, на спину, лицом кверху. Над ним с аршин оставляют свободное место, для чего устраивают над покойником род крыши из досок. Сверху яма заваливается землею.

— Как же он повернулся бы в могиле, если бы души с ним не было?

— Надоело ей лежать на одном боку. Легла на другой. Самые грешные души поворачиваются лицом в землю. Поворачиваются и от других причин.

Раз умер старик-еврей. Сын его стал обижать свою мать. Старик в могиле услышал и постарался выйти; долго он силился приподнять доски, наконец удалось. Душа его вышла, задушила непочтительного и преступного сына и вернулась в могилу. На другой день над нею оказалась земля взрыхленною и сквозь нее выглядывали углы приподнятых досок..

Наконец лес поредел, и в просветах его забагровело какое-то яркое зарево...

Я было приостановился.

— Там, должно быть, — указал Магомед.

— Кто... что?

— А храбрец, что ярусу увез...

Наша партия шла с веселым смехом, без всякой осторожности. Мрачен и молчалив был только один оставленный жених-арас.

Чем ближе, тем ярче в просветах пылает красное зарево. Черные силуэты деревьев на нем обрисовались каждой своею ветвью, даже сквозь листву прорывается багровый свет, и вся она точно нарисована на нем — каждый зубчик листа, каждая арабеска переплетающихся сучьев. Какая-то большая птица сидит на голой ветви и вся на красном фоне выделилась...

Крики и оттуда доходят...

К самой опушке подошли... Небольшая полянка, огневое пятно ярко горящего костра посерединке... Масса ослепительно сверкающих углей, черные колоды только что срубленных деревьев, обвиваемых темным дымом. Целые снопы извивающихся кверху искр. За костром утес. Только верхушка его видна над пламенем и точно сплошь облита кровью. Огненные руки цепляются за нее, отбрасываются назад и снова в отчаянии схватывают ближайшие деревья. Дотронутся до ветви и позолотят ее, доселе совершенно темную. Золотится, золотится, рассыпается искрами, и нет ее.

Узкие, вьющиеся жала пламени разбегаются вокруг костра по земле, то оближут кустарник, то едва заметною струйкой понижаются внутрь его и вдруг оттуда вылетят целым клубом бледно-черного дыма, на который громадный костер кидает свои багровые оттенки и отсветы. А там, смотришь, с тихим шелестом свертываются, сжимаются и тлеют красивые белые цветы. Сочные сучья куста еще держатся, да и им не выстоять. Огненное жало делает свое дело. Легкий треск пройдет по ним, завьются

и закружатся они, осыпая точно градом помертвевшие листья, и скоро на месте куста еще одно огненное пятно выхватывает из мрака ближайšie к нему коричневые стволы каких-то лесных великанов из скрывавшего их сумрака. В дыму костра порою грузно шмыгнет встревоженный ястреб, на минуту точно красным платком взмахнули там — и нет уже очнувшегося хищника, и долго его недовольный клекот слышится в чернолесье..

На огненном фоне — черные фигуры. Видимо, они нас услышали и насторожились, привстали. Вон черный силуэт человека и тонкая линия ружья у него в руках; черное на красном фоне. На пурпурную скалу, позади костра, человек взобрался. Он совершенно красным в пламени кажется. Храпенье коней из лесу. Один к костру подошел и тоже чернеет на его огнистом пятне. Кто-то в седло садится. Женский голос. Вот и она сама, грациозная, тонкий стан, узкопокатые плечи, широкие разливы бедер, формы которых не скрадываются хорошо обмятым платьем.

Черные клубы дыма заслонили красного человека на красной скале. Но светлая струйка точно брызнула вверх оттуда и сквозь треск и свист костра грянул выстрел. На огнистом фоне костра замелькали люди и вырисовались тонкие черточки горских винтовок.

— Труссы, собаки! — орет наша партия и разом из двенадцати стволов стреляет в воздух.

Запах пороха бьет в нос. Чувствуешь головокружение какое-то. Весело.

— Дьяволы подлые! Давно ли щенята орлов ловят? — слышится у костра, и оттуда взметываются в воздух несколько светлых струй и слышится грохот. Но и там стреляют в воздух...

Я так и подозревал, что будет нечто вроде лекоковской оперетки.

— Что это вы тут, воры, делаете? Вот мы вас! — кричим мы.

— Уносите ноги! А то сжарим в огне и медведям жаркое оставим, — отвечают оттуда.

— Подлые вороны! — пронзительно восклицает женский голос. — Покажите им себя, храбрые молодцы. Снимите с них шальвары и пустите домой голоногими.

Опять мы стреляем в воздух, то же делают и противники. Клубы порохового дыму еще гуще расстилаются кругом.

— Нахшон! — выкрикивает кто-то из наших, уже совершенно деловым тоном.

— Чего? — откликаются из противной партии.

— Мать велела тебе передать, что дров дома нет!

— Знаю, я уже говорил братьям.

— А какое у вас вино с собой? — в свою очередь, впремежку с руганью, вопрошает кто-то оттуда. — Не захватили ли бурдюка? У нас мало.

И опять ругань...

Наши вскакивают на коней, похитители невесты тоже. Я остаюсь в тени. Благо на сухое место попал. Лежать мягко, удобно... Нужно же кому-нибудь быть зрителем этого спектакля.

На красном фоне костра точно сцена из вальпургиевой ночи. Черные силуэты наездников мелькают с бешеной стремительностью, налетают одни на других, сталкиваются, разбегаются, выются, выделявая в седле разные экзерциции джигитовки высшей школы, стреляя назад, вперед, но неизменно в воздух. Все это с головокружительной быстротой. То в одну кучу собьются, и, точно многоголосое чудовище, какая-то безобразная, черная амфибия клубится и катится там, как вдруг свалка разобьется, и всадники, точно чем-то вспрыснутые, стремятся прочь один от другого, чтобы сейчас же опять свалиться в одно месиво... Ругань, смех дробятся в воздухе, ржание лошадей смешивается с молодецкими выкриками. Вот кто-то из седла вылетел, и испуганный конь мимо меня шарахнулся без седока в черную чащу. Ловить его кинулись все — и преследователи, и преследуемые. Я боялся, чтобы не затоптали меня. Поневоле к стволу прижался, точно прилип.

Крики их замерли в глуши леса — и опять загремели со всех сторон. Лошадь была поймана... Невеста все это время спокойно сидела у огня, точно и не ее дело совсем.

Солидного Магомеда-оглы я не узнал даже: папаха на затылке, хохочет, орет больше других благим матом. Ругается, стреляет, с разбегу всадил кинжал в дерево и ни с того ни с сего на ближайший куст плюнул, точно тот оскорбил его злейшим образом.

— Ты чего? — накинулся он на меня. — Или не весело тебе?

Наконец обе партии уставать начали. Опять разъединились и заняли первоначальное положение.

— Чего же вы от нас не бежите? Ведь вам бежать следует по адату! — негодовали в нашей партии.

— Зачем? Мы посмотрим, как собаки от лесных зверей побегут. Убирайте ноги вы!

— Совсем не наше дело бегать! — резонерствовали преследователи. — Вы увезли невесту, вам и уходить следует, а мы вас догонять будем... Пора ведь... И она утомилась.

Начался третий акт этой оперетки. Убежденные наши ораторами в своей обязанности бежать, джигиты бросились к девушке. Десятки рук схватили ее, приподняли в воздух, моментально завернули в какую-то кошму и разом, в виде какого-то свертка, взбросили на седло в руки к ее избраннику. Послышался какой-то дикий крик, точно вой волчьего стада, и вся эта масса разом шарахнулась вперед, в сырую темень лесной чащи.

Я едва успел вскочить в седло, как мой конь, увлеченный общим смятением, стремительно ринулся вперед, сослепу набежал на костер, прынул в сторону и чуть не вышиб меня из седла прямо на огонь. На одну секунду обдало горячими искрами, обожгло лицо, близко-близко мелькнуло в глазах яркое пламя, и спустя минуту я уже вслед за другими вихрем несся среди непроглядного мрака, вцепившись инстинктивно в гриву коня и прижимая голову к его взмыленной шее. Ветви хлестали в лицо, из-

под копыт лошади сыпались искры, когда она попадала на камень, а преследуемые и преследователи еще неудержимее, еще безумнее неслись все вперед и вперед, будя молчаливые окрестности дикими криками какой-то адской, дыхание захватывающей травли. Воображаю, как от нас шарахались в стороны испуганные звери, как лесные хищники — филины-пугачи — ошеломленно забирались в густую чащу чинар и каштанов. Мне до сих пор удивительно, как нас не разбило о какое-нибудь дерево, как мы не сломали себе шеи, когда конь спотыкался среди своего бешеного бега, когда седло как будто отрывалось от его спины. В ушах свистал воздух, оглушали выстрелы. А кровь прилиwała в вискам, росло воодушевление и все дальше и дальше хотелось нестись вперед, хотя и в хвосте этой сумасшедшей травли. Опьянило!

Уже внизу мою лошадь схватил под уздцы Магомед-оглы:

— Стой! Ты хотел церковь видеть вашей святой Мириам.

— Где она?

— В стороне немного. Теперь все равно погони не увидишь. Они до следующего аула гнать будут. Молодец, что невесту украл, спрячется там у своего кунака, а остальные в аул вернуться.

Я последовал за ним.

Конь еще вздрагивал, поводил ушами, похрапывал, заявляя поминутно желание сменить умеренную рысь на дикий бег.

Большая поляна. Месяц уже встал на краю неба. Сюда доходит только его слабый отсвет. Края поляны отодвигаются на царство тьмы непроглядной. Точно нет их вовсе. Только позади нас видны деревья, а кругом мрак, и из этого мрака выделяется едва освещенное пятно площадки. Тихо, сумрачно, торжественно позади. в лесу, но здесь, на этом пятне, еще тише, сумрачнее и торжественнее едва-едва намечаются, точно призраки, грандиозные руины древнего храма.

И разобрать их трудно! Смутно уже очень. Одна громадная масса стремится вверх, и ее-то вершина всего ярче видна. Точно висит она. Подножие теряется в сумраке. Кругом кучи щебня, огрызки какой-то стены, круглая башня с черным зевом провала.

Чуть-чуть наметилось во мраке — и опять ушло во мрак, когда месяц спрятался за тучей. На одну минуту только и показалось, строгое, торжественное, молчаливое и величавое. Таким оно мерещится мне и теперь, полным сумрака и тайны, без деталей, без второстепенных абрисов, но необычайно цельное, внушающее благоговение. Точно старый, полузабытый сон встает передо мною! Помнится еще только запах цветов, которые словно невидимые кадила возносили во тьме свои благоухания к невидимому алтарю этого сумрачного храма, целые века умирающего в своей таинственной глуши.

И опять мрак леса, и опять тряска на жестких седлах...

Илья Анисимов

КАВКАЗСКИЕ ЕВРЕИ-ГОРЦЫ

1888



Посвящается профессору В.Ф. Миллеру

Илья Шеребетович Анисимов (Элиягу бен Шеребет Нисим-оглы) — автор этнографического исследования о горских евреях, инженер. Родился 29 мая 1862 года в селении Тарки (Махачкала) Темирхан-Шуринского округа Дагестанской области.

Еще в юношеские годы Илья Анисимов познакомился с главным раввином Южного Дагестана — Хазкедем Мушаиловым, который часто бывал в доме Шеребета Нисим-оглы. Именно он и посоветовал Илье заняться этнографическим изучением своего народа, например, описать свадебные и похоронные обряды горских евреев. Анисимов с энтузиазмом взялся за работу, и в 1881 году в русско-еврейской газете «Рассвет» появился очерк «Кавказские евреи-горцы» (впоследствии в значительно переработанном виде вошедший в монографию о горских евреях).

В 1904 году Анисимов переехал в Грозный, где продолжал работать по специальности инженера-нефтяника. Анисимов долгое время возглавлял комитет горских евреев города Грозного, который вел большую культурно-просветительскую работу среди грозненских евреев; в течение нескольких лет он состоял гласным городской думы, а также входил в состав общественного самоуправления, возглавляя городскую нефтяную комиссию.

В 1912—1913 годах Анисимов состоял членом Бакинского отделения Общества для распространения просвещения между евреями в России (членом общества была также его супруга Н.С. Анисимова).

События Гражданской войны вынудили Анисимова уехать из Грозного. Некоторое время он проживает в Кисловодске, где принимает активное участие в создании культурно-просветительского кружка горских евреев, а в начале 1920-х годов ненадолго поселяется в Нальчике.

В 1921 году Анисимов уехал в Москву.

Умер Илья Шеребетович Анисимов в 1928 году в Грозном, позднее был перезахоронен его детьми в Москве.

ОТ АВТОРА

Среди многочисленных народностей Кавказа, привлекавших к себе внимание исследователей-этнографов, сохранилось одно немногочисленное племя, о быте которого до сих пор известно очень немногое. Это — горцы-евреи, или, как их называют, «горские евреи». Никто из наших исследователей Кавказа специально не занимался изучением этого народа, и лишь немногие путешественники говорили о нем мимоходом при описании других племен Кавказа.

По всей вероятности, это объясняется тем, что этот небольшой народец не пользовался ни исторической известностью, ни литературой, и по своей незначительности почти ничем не выделялся из других окружающих его племен как внешностью, так и одеждой.

Впрочем, в последние десять—двадцать лет появились в печати четыре произведения, посвященные евреям-горцам.

Первое из них книга В. Немировича-Данченко «Воинствующий Израиль». Она действует более на воображение читателя своими фантастическими, художественными картинками, чем на ум. Изображением нравов, обычаев и некоторых сторон быта горских евреев в виде художественных сценок она приобрела довольно обширный круг читателей, но только среди европейских евреев, интересовавшихся сведениями о своих единоверцах на Кавказе.

Вторая статья о горских евреях появилась 15—16 лет тому назад сначала в еврейских журналах на древнееврейском языке, а потом в «Сборнике сведений о кавказских горцах» и принадлежит путешественнику 60-х годов по Кавказу Иуде Черному.

Этот путешественник, достойный уважения по перенесенным им трудностям и лишениям в неизвестном и еще не совсем безопасном крае, говорит в начале своей статьи, что ему пришлось путешествовать по Прикаспийскому краю и Терской области два года, в течение которых он и изучил «по мере возможности» быт своих соплеменников, их образ жизни, обычаи, нравы, предрассудки и пр., и пр.

Принимая во внимание то время¹, в которое путешествовал Иуда Черный по Кавказу, тот низкий уровень нравственного состояния горских евреев и, наконец, их неприязненное отношение к русским или европейским евреям, о котором будет сказано ниже, можно, даже не вдаваясь в критический разбор произведения Черного, положительно сказать, что «возможность» сообщения точных данных о быте горских евреев была для него весьма ограничена. Если автору и пришлось заметить в их жизни что-нибудь, то лишь самую ничтожную долю, остальное же он описывает или по частному быту нескольких аулов, или понаслышке.

Горцы-евреи отличаются крайним фанатизмом и доходят иногда под влиянием предубеждений до того, что бывают готовы из-за религии и обрядов, установленных ею, терпеть всевозможные страдания. Свою религию, по их убеждению, приняли их прадеды от евреев первого храма. Многого, что есть у европейских евреев, нет в религии горских, и мне пришлось заметить, что и наоборот, многие религиозные обряды горских евреев неизвестны у европейских. Большинство русских или европейских

¹ Дагестанская область только что была завоевана и усмирена русскими, и жители были еще рассеяны в горах, ущельях и хуторах.

евреев, которых горцы называют «эшгенези», будучи более или менее образованными и более развитыми, чем их кавказские единоверцы, не слишком придерживаются устаревших обрядов — Талмуда, чем нередко вызывают против себя в этих дикарях негодование. «Эшгенези», по их мнению, то же, что и «эпикурусы» (отступники). Но есть и другая странная причина неудовольствия горских евреев против европейских. После завоевания Кавказа Россией многие солдаты из русских евреев, поселившиеся в городах, почему-то дали своим единоверцам, горским евреям, принимавшим их радушно, прозвище «бык». Вероятно, этим они хотели указать на их грубость. Это прозвище осталось за ними и до наших дней¹. По примеру первых и последующие поселенцы на Кавказе из русских евреев стали величать своих единоверцев «быками». Но горские евреи, отличаясь детским самолюбием и раздражительностью, считают такое прозвище для себя величайшим оскорблением. Не раз я видел, что они приходили в ужасное негодование от этой клички, доходили до драки со своими нежеланными соседями-единоверцами и, наконец, давали себе слово ничего не иметь с ними общего.

Вообще высокомерие, с которым относились русские евреи к горцам при всяком удобном случае, повело к тому, что между теми и другими возникло значительное препятствие к сближению. Евреи-горцы стали удаляться от русских евреев и перестали питать к ним доверие. Эта вражда продолжает существовать и до наших дней. Насколько сильна она, можно судить из того, что у горских евреев сложилась пословица: «Эшгенезире эз ховорé кушдé хуб нй́сди, эз песéй кофóю бисдóге бешгай», то есть «Нехорошо убивать европейского еврея через горло (резать), а непременно через затылок, чтобы мучить его».

¹ Несколько раз обращался я с просьбой к европейским евреям объяснить мне точное происхождение и значение этого прозвища, но ни от кого не получил другого объяснения, кроме вышеприведенного.

Недавно в городе Темирхан-Шура между европейскими и горскими евреями произошло следующее столкновение. У русских евреев был один кантор, который исполнял у них вместе с тем роль резника и мясника. Горские евреи, привыкшие на зиму делать запасы копченого и сушеного мяса, очень мало употребляли свежей мясной провизии и не стали заводить своей мясной лавки, а брали свежее мясо, когда потребуется, у русского еврея мясника. Но вот в городе год от году стало прибывать число горских евреев холостяков, которых привлекали сюда торговые цели и заработки. Вследствие большего требования мяса явилась у горских евреев потребность открыть *свою* мясную лавку. Этого желали они еще и потому, что, как носились слухи, резник русских евреев насчитывал лишнее на тех, которые брали у него мясо на книжку.

Явились двое из горских евреев, которые попросили бывшего тогда главного рабби горских евреев М-ва резать для них мясо, и открыли свою мясную лавку. Увидев хорошее мясо, и многие из русских евреев стали покупать у них. Не прошло и года, как резник русских евреев почувствовал в покупателях большой недостаток, начал возводить обвинения на главного рабби горских евреев, рассказывая в городе, что он не умеет резать, не знает правил резания скотины и проч., и проч. Наконец он увлекся до того, что в субботний день взял заповеди и сказал, что, присягая на них, он подтверждает негодность мяса (трефность) приготавливаемого горским рабби.

Слух этот дошел до горских евреев и их рабби; горские евреи страшно возмутились и потребовали у своего рабби опровержения взведенного на него ложного обвинения и наказания клеветника. В следующую субботу собрались несколько горских евреев и отправились, кто с дубиной, кто с палкой и оружием (по субботам горские евреи не носят оружия), со своим рабби в синагогу русских евреев. Рабби начал требовать от кантора объяснения, но тот стал увертываться; тогда горские евреи начали горячиться, обзывать всех русских евреев мошенниками и грозить раз-

громить их синагогу и убить их всех в случае повторения таких гнусных обвинений. В некоторых местах синагоги даже началась драка, и, вероятно, много бы пришлось потерпеть русским евреям, если бы не вмешательство самого рабби, который убедил своих приверженцев оставить это дело без последствия до следующего повторения подобного случая. Такие случаи, когда у горских евреев появляется сильное желание разгромить своих недоброжелательных единоверцев, русских евреев, бывают нередко и не в одном городе.

После всего сказанного неудивительно, если И. Черный не мог пользоваться у своих единоверцев слишком большим доверием и выведать у них многое. Мне, знающему жизнь своих собратьев, при чтении статьи И. Черного бывает иногда и смешно, и досадно: до того в ней в иных местах много несоответствия с действительностью.

Говоря, например, о гостеприимстве горских евреев, об обмывании ими ног страннику, о многоженстве, кровной мести и других еврейско-горских обычаях, отсутствующих у европейских евреев, Черный все объясняет сохранением ими в первобытной чистоте обычаев их предков-патриархов, из чего выходит, что и все прочие горцы, магометанского, христианского и языческого вероисповеданий, имеющие те же обычаи, заимствовали их, конечно, от горцев-евреев (?!). Рассказывая о том, как, по мнению г. Черного, горские евреи переселялись из места на место, из аула в аул, пока не дошли до селения Тарку, дабы не платить своим властелинам более трех рублей подати, некто Г.Б.Г. в своей рецензии под заглавием «Кавказские евреи»¹ очень метко и справедливо замечает: «Оказывается, таким образом, что все их прошлое почти за двухтысячелетний период от царя Навуходоносора до наших дней заключается в трех рублях, не больше и не меньше ни на одну копейку, как будто их предки дали обет еще у горы Синай — никому и ни в какой стране

¹ Журнал «Восход». Дек. 1831.

больше трех рублей никогда не платить, а иначе переселиться».

Мы согласны с тем, что горские евреи крайне невежественны в своей истории и почти ничего письменного или достоверно устного не сохранилось у них о своем прошлом, но в статье И. Черного мы не находим ни одного предания, которыми так богат Кавказ, представляющего для историка серьезный интерес, как материал для нахождения какой-либо исторической связи горских евреев с другими племенами.

Говоря о языке горских евреев, И. Черный называет его фарсидско-татским и относит его к древнеперсидскому, думая, что из этих двух языков, фарсидского и татского, мог образоваться у евреев жаргон; но у него не является даже и желание узнать, что такое *таты* и *фарсы*, если народ относит себя к этим древним племенам.

Вообще сведения, сообщаемые И. Черным о языке горских евреев, отличаются крайней неточностью. Для сравнения слов, представленных И. Черным, с действительным произношением их евреями-горцами, напишу несколько из них рядом со своими:

Перевод	Написано	Следует
Я	Ма	Ме
Ты	Ты	Ту (лат. и)
Небо	Аасму	Осму (Э осму пред. пад.)
Шар	Сар	Дугереге-чи
Очень	Амбар	Омбор
Пить	Хурум	Эри хурде
Что он хочет?	Чи у ниста?	Чу войдуре?
Сиди	Ниш	Нуш
Сидите	Нишит	Нушит
Отец	Баба	Бебе
Мать	Дадай	Деде (дедей — обращение)
Говорит	Гуфтере	Гуфдире
Желает, хочет	Иста	Хосдени

КАВКАЗСКИЕ ЕВРЕИ-ГОРЦЫ

Перевод	Написано	Следует
Дрова	Һизум	Һузум
Вечер	Таһайр	Шахангум
Он пришел	У амори	У омо
Что он принес?	Чи у биор?	Чу овурд у?
Баранина	Гушт	Гушт гусменди
Имя	Нумо	Нум
Как?	Кейф?	Чутам? Чу теһер?
Понимаете?	Даностены?	Данустенит?
Хорошо ли здоровье твоей жены?	Кейф зенты кеф хубо?	Кеф зен-ту хуби?

Так же неточно и неверно переданы у И. Черного рассказы на языке горских евреев, и я, несмотря на большое желание, мог понять из них очень немного.

Но, говоря о недостатках статьи И. Черного, нужно, с другой стороны, отдать и справедливость автору и заметить, что, как любитель-путешественник, он представил очень много интересного из действительной жизни горских евреев, описал их домашнюю обстановку и собрал статистические сведения об их численности и местах населения. Заметим также, что тот же автор поместил в 1869 году в «Терских ведомостях» краткие исторические сведения о горских евреях, охватывающие период их жизни на Кавказе от начала XVII века до наших дней. Эти сведения касаются главным образом переселения евреев из аула в аул в Дагестане и основаны на местных преданиях. Несомненно, что труды покойного автора все же познакомили русских евреев с бытом и нравами их единоверцев, заброшенных судьбою в дикую страну между дикими племенами.

Четвертой и последней статьей о горских евреях была моя статья под заглавием «Кавказские еврей-горцы», где были помещены некоторые сведения об обычаях горских евреев при свадьбе, похоронах и при убийстве¹; эта статья

¹ «Рассвет». Орган русских евреев, изд. в С.-Петербурге, год 1881. № 18 и 24.

также далеко не обнимает всех сторон быта горских евреев.

Летом 1886 года я был командирован на Кавказ Императорским Московским археологическим обществом с целью собирания археологических сведений по Дагестанской области и между прочим отыскания преданий и памятников, могущих служить к разъяснению истории кавказских евреев. Еще за два года перед тем я имел честь быть приглашенным председателем этнографического отдела Императорского общества естествознания, проф. В.Ф. Миллером сделать в заседаниях отдела сообщение о быте кавказских горских евреев, которых я в Москве был единственным представителем. Знакомство мое с глубокоуважаемым председателем этнографического отдела, проф. В.Ф. Миллером, обратившимся ко мне за сведениями о языке моего племени, вызвало во мне горячее желание снова приняться за это дело и подробнее изучить современный быт и прошедшую историю моих соотечественников.

К сожалению, ни в том ни в другом отношении не было более или менее точных сведений: не были известны ни численность горских евреев, ни их занятия, ни история их переселения на Кавказ. У меня были, впрочем, кое-какие сведения о численности горских евреев, доставленные мне главными раввинами Северного и Южного Дагестана (рабби Яковом Ицхаковичем и рабби Хаскелем Мушаиловым), но они были не полны и требовали проверки на местах. В такой же проверке и пополнении нуждались и те сведения о быте моих единоверцев, которые я сохранил в памяти с детства. Ввиду этого я чувствовал необходимость предпринять поездку на Кавказ и посетить все места, в которых живут мои соотечественники. Благодаря ходатайству В.Ф. Миллера я получил вышеупомянутое поручение от Московского археологического общества.

Пользуясь этим благоприятным обстоятельством, я принял на себя и поручение этнографического отдела

Общества любителей естествознания исследовать быт и собрать статистические сведения о моих соотечественниках и чрез ходатайство общества пред кавказской администрацией получил открытые листы, значительно содействовавшие успеху моей поездки.

Обращая особенное внимание на точность статистических данных, я, приезжая в какой-нибудь аул, обращался к старшине и спрашивал посемейные списки. Затем я проверял их, расспрашивая местное население, и просил местных старшин скреплять уже проверенные списки своими подписями.

В это время правительственные чиновники составляли перепись народонаселения, которая, как носились слухи, должна была служить к привлечению горцев к отбыванию воинской повинности. Поэтому сообщаемые мною статистические данные могут считаться наиболее точными. В некоторых местах, вследствие отсутствия посемейных списков, мне приходилось самому составлять статистические таблицы.

Затем я расспрашивал отдельно горских евреев и мусульман, не существуют ли предания о времени их поселения в данном ауле, где и какие памятники находятся в окрестностях, и записывал все сообщаемые сведения. Потом я шел вместе со стариками муллами и раввинами на кладбища и списывал надписи на древних памятниках для того, чтобы таким образом узнать о времени поселения мусульман и, главным образом, евреев в той или другой местности. Конечно, везде я старался также собирать старые письменные документы, расспрашивал о быте, занятиях, обрядах, обычном праве и произведениях народного творчества. Везде смотрели на меня как на своего, с доверием, так как я говорил на местных языках, татском или так называемом горско-еврейском и татарском (адербейжанском), и не скрывали от меня никаких сторон своей жизни.

Маршрут моего путешествия 1886 года был следующий:

Дагестанская область	Темирхан-Шуринский округ	Петровск (гл. порт) Шура (глав. гор.) Капчугай Киз-Таш Торкади Параул Карабдакент Буйнаки Губдень Тарки Джунгатай Дюргели Чир-Юрт Дербент
	Кайтако-Табасаранский округ	Рукель Мугатыр Гемейды Нитюг Хушни Салак Ерси Маджалис Чуфут-Катта Кара-Кураш Купечи Ункерах Янги-Кент Башли Мама Аул Отемиш Дашлагар Кая-Кент
	Кюринский округ	Рубас Аглаби Хош-Мазюл Мамрача Касун-Кент Араг Карчаг Джерах Зизик Нютюх Янан-Кала Куллар Нюг-ди-Мюшкюр Баку
Бакинская губерния	Шемахинский уезд	Ванк Гермахани Афтаран

КАВКАЗСКИЕ ЕВРЕИ-ГОРЦЫ

		Урушан-Кент Кевенди Зергеран-Кент Боскал Курдеван Хан-Кенди Мюджи Шемаха
	Кубинский уезд	Хильмили (станция) Алти-Агач (станция) Кизил-Бурум (почт. станция) Куба
Елизаветпольская губерния	Нухинский уезд	Елизаветполь Нуха Зегзит (Баш и Урта) Кюнгут (Бидейс) Мухас Джалут Варташен Хочмаз
	Бумское приставство	Нидж Чухур-Кабала Султан-Нух Беглер-Кенди Амир-Ван
Терская область	Хасан-Юртовский округ	Султан-Янги-Юрт Хасавюрт Андреево Костек Аксай (Ташкечи) Янги-Кала
	Грозненский округ	Щедринская Червленная Николаевская Грозное Пелей-Кули-Кент Бураган-Каш Владикавказ

Резюмируя по губерниям, областям и округам, маршрут мой представится в следующем виде: в Дагестанской области: Петровск на Каспийское море, г. Термирхан-Шура, Термирхан-Шуринский округ до укрепления Дашлагар с одной и Чир-Юрта с другой стороны, Дербент, Кайтако-Табасаранский и Кюринский округа; в Елизаветпольской губернии: Елизаветполь, Нуха, Нухинский уезд

и Аратский уезд, в Бакинской губернии: Баку, Шемаха, Шемахинский уезд, Куба, Кубинский уезд и, наконец, в Терской области: Хасавюрт, Хасавюртский округ, Грозное и Владикавказ. В общей сложности в течение 3 месяцев мне пришлось проехать по горам верхом около 1200 верст, а всего, считая от Москвы и обратно, около 7000 верст.

Так как история переселения горских евреев на Кавказ очень запутана и требует серьезной обработки, то я решил заняться ею впоследствии и выпустить ее в свет отдельной книжкой, а пока, для придания моему труду некоторой полноты, я позволю себе, не распространяясь, сказать несколько слов по этому вопросу.

История переселения горских евреев на Кавказ достоверно не известна, и никаких письменных указаний не сохранилось на время этого переселения; но, основываясь на народных преданиях, эти евреи ведут свое происхождение от израильтян, выведенных из Палестины и поселенных в Мидии еще ассирийскими и вавилонскими царями. Таким образом, их предки принадлежат еще ко временам 1-го храма и не участвовали в убиении Иисуса Христа, как об этом заявляют и сами горские евреи, в какой бы аул или город вы ни приехали, говоря, что это предание перешло к ним от их дедов и отцов.

Еще в Персии евреи смешались с иранским племенем татов, причем одни приняли господствующую языческую религию последних, другие распространяли религию Моисея между иранцами, вследствие чего, во-первых, теперешний язык евреев принадлежит к группе иранских языков, то есть состоит в ближайшем родстве с языками: персидским, курдским, осетинским, талышским и др. (по исследованиям профессора В.Ф. Миллера), а во-вторых, в религии горских евреев остались и до сих пор некоторые языческие верования.

Затем в Средние века, по преданиям же, таты-евреи смешались с хазарами, жившими на западном берегу Каспийского моря, так что хазарских царей этих времен они считают в то же время и своими.

И наконец, по вторжении арабов на Кавказ множество татов-евреев целыми аулами приняли магометанство, а остальные остались верны религии Моисея и получили наименование «даг-чуфут», то есть горские евреи. Многие местности Табасаранского и Кюринского округов Дагестанской области, а затем Кубинского уезда Бакинской губернии, где преимущественно живут горцы-евреи, населены и теперь татами-магометанами, которые имеют сходный тип с горскими евреями и говорят одним языком с ними.

Часто приходилось мне ошибаться во время путешествия по этим местностям и принимать татов-магометан за моих единоверцев, — до того мало было отличия между ними. Иногда, впрочем, можно было отличить магометан по сбритым пейсам, так как горские евреи бреют головы и оставляют коротенькие пейсы. Многие аулы сами говорят о своей недавней принадлежности иудейской религии и, будучи мусульманами, хранят, как святыню, еврейские книги, перешедшие к ним от их предков евреев. Таковы, например, аулы Ахти, Ругжами или Аракан в Дагестанской области и др. Жители этих аулов до сих пор дают детям своим имена своих отцов и матерей, взятые из Ветхого Завета и носимые горскими евреями.

Число горских евреев составляет 4090 дымов, или 21 тысяча душ, живущих в 38 аулах и городах Дагестанской, Терской, Кубанской областей и губерний Бакинской и Елизаветпольской губерний. Во многих местностях Дагестанской и Терской областей и Бакинской губернии, где теперь нет горских евреев, существуют развалины бывших там когда-то еврейских аулов, могил, ключей, каналов и проч. Все эти места указываются туземцами-мусульманами под названиями: Чуфут-Тебе (еврейская гора, холм), Дарай-Татаул Канаузский (шелковый) канал, Чуфут-Кабур (могилы), Гяур-Калэ (крепости) и др. Таковы местности в селе Карабадакенте, Андреевском, Кара-Кураше, Чуфут-Катта, Курдеване, Кулкатте (близ Кубы) и др.

В селе Мюджи (Шемахинский окр. Бакинской губ.) нашел я заповеди, написанные на пергаменте приблизительно лет 200—300 тому назад и доказывающие недавнее только знакомство горских евреев с европейскими евреями и вообще с законами иудейской религии. Они написаны по незнанию Талмуда на волосистой стороне кожи, тогда как по Талмуду, если заповеди не написаны на обратной, примыкающей к мясу, стороне, то они называются негодными. Недавнее знакомство горцев-евреев с европейскими евреями доказывается кроме этого и множеством языческих поверий — о божествах злых и добрых, постоянных и переменных, о временах года и их праздновании, которые сохранились еще в их религии, и затем своеобразными обычаями, сопровождающими свадьбу, похороны, поминки, кровную месть и проч., которые описаны мною подробно в следующих главах. В настоящее время горские евреи уравниены в правах со всеми туземцами Кавказа и имеют документы, обеспечивающие их права в торговом, военном и гражданском отношениях. Приведу их содержание.

1) Копия предписания Ставропольской казенной палаты Хасавюртовскому слободскому общественному управлению от 12 августа 1883 года за № 27597.

«По поводу возбужденного вопроса рапортом от 18 июня сего года за № 1205 Ставропольская казенная палата дает знать Слободскому обществу правлению, что относительно горских евреев не следует требовать удостоверений полиции ввиду того, что ограничение прав по торговле евреями (ст. 128, 130, 131, тома XI, части II Уст. торг. по продолж. 1876 года) не относятся до горских евреев, как коренных жителей Кавказа, которые по торговле пользуются всеми правами и преимуществами наравне с горскими племенами Кавказа и вообще коренными русскими». Подлинный за надлежащей подписью.

2) Копия с отзыва канцелярии Терского областного по воинской повинности присутствия Хасавюртовскому окружному начальнику от 28 октября 1887 года за № 7573.

Доверенные общества Аксаевских, Костековских, Андреевских и Хасавюртовских горских евреев — Иргана Измайлов, Анох Мелихов, Алхас Алхасов и Юнун Амиржуев — обратились к главноначальствующему гражданской частью на Кавказе с прошением, в котором они ходатайствуют о предоставлении горским евреям, служащим в военной службе, тех прав и преимуществ по службе, какими в оной пользуются все туземцы. Вследствие передачи означенного прошения господину начальнику области, его превосходительство, имея в виду, что горские евреи, согласно устава о воинской повинности 28 мая 1886 года, отбывают воинскую повинность натурою и что поступившие из них в военную службу будут пользоваться всеми служебными правами наравне с лицами других исповеданий, приказать изволил объявить об этом просителям.

После этих предварительных сведений перехожу к описанию быта моих единоверцев.

ГЛАВА 1

Об оседлости горских евреев. Отношение других горцев к ним. Статистические сведения об евреях-горцах. Занятия горских евреев. Религия и верования. Праздники народные и религиозные. Образование. Училища. Раввины. Синагоги. Религиозные обязанности женщин и их омовения

Прежде чем описать домашний быт, нравы и обычаи горских евреев, я представляю собранные мною во время путешествия по Кавказу статистические сведения о месте жительства их на Кавказе, о количестве людей, способных к труду, о различных отраслях их труда и занятий, о движимых и недвижимых их имуществах и хозяйстве, о религии, образовании и о других сторонах, по которым можно судить о физическом, экономическом и нравственном состоянии этого народа.

Горские евреи после персидских религиозных гонений рассеялись по нынешним Дагестанской и Терской областям и поселились, соответственно роду занятий, на равнинах, в ущельях гор или на косогорьях. Аулы их расположены или рядом с аулами других племен, или в стороне от них, а в некоторых местах они живут вместе с туземцами. Горские евреи живут с другими туземцами вообще очень дружно, за исключением немногих мест, где евреи поставили себя плохо и перестали пользоваться уважением их окружающих, но все-таки и там далеко не

так презираются горцами, как европейские евреи — европейцами.

Нередко горский еврей вступает с мусульманином в дружбу и, горячо поцеловавшись с ним, делается на всю жизнь его курдашем. При этом они обмениваются оружием и дают друг другу священный обет не пожалеть и головы в случае надобности для спасения друга. Но если иногда горцы магометане высказывают свое неудовольствие против горцев-евреев и называют их кипты (заблуждающиеся)¹, или жухут, или чуфут, то единственно потому, что не уважают, кроме своей религии, никакой и желали бы, чтобы все исповедовали магометанскую религию. Это видно из того, что по настоящее время они борьбу с «гяуром» (иноверцем) из-за религии считают священной, и каждый правоверный, павший в этой борьбе, получит, по их убеждению, царство небесное.

Тем более мусульманин не уважает иудейской религии, ибо она воспрещает евреям употреблять в пищу мясо, приготовленное другими, и тем ставит мусульманина в неловкое положение, когда еврей-горец приезжает к нему в гости, и он не может принять его как следует. В этом случае раздражение мусульманина доходит до такой степени, что он готов бы разорвать, кажется, всех евреев, чтобы они поскорее бросили эту гадкую религию, заставляющую их так далеко держаться от мусульман и мешающую еврею привязаться иногда к человеку, которого он сильно уважает.

Зато как полюбит мусульманин и почитает еврея-горца, если тот примет магометанскую религию! Тут не только он, его бывший друг, но и все общество правоверных к услугам бывшего еврея-горца. Сейчас ему отводят лучшее помещение, дарят его подарками — тот лошадью, тот землей, тот хлебом, стадом — и сватают ему самую луч-

¹ Мусульмане убеждены, что одно племя, родственное горским евреям и называемое ими «Бани Израил», следует исламу еще со времен вторжения арабов на Кавказ; потому не принявшие ислама горские евреи величаются «заблуждающимися».

шую девушку в ауле. Еврей-горец, принявший магометанскую религию, принимает торжественно титул «шейх» (святой) и становится выше всех в обществе. Когда он подходит или проходит мимо, то все считают своей обязанностью вставать и оказать ему должное почтение словами приветствия «салам алайкум» (да будет тебе привет), на что и он отвечает: «Во-алайкум во-салам».

Во время моего последнего путешествия мне случилось столкнуться со следующим обстоятельством. Один из моих соотечественников в моем родном ауле Тарки принял магометанство и поселился в другом ауле Капчугай, в 30 верстах от нашего, где он впоследствии разбогател, женился и имел детей. Шейх этот, как оказалось, еще будучи горцем-евреем, подрался с одним из своих соотечественников в моем же ауле и сохранял все время свою злобу на него, ожидая благоприятного случая отомстить. Несколько раз встречался он со своим врагом в дороге, придирался к нему, бил его палкой, а тот пропустил его, боясь, в случае несчастья, мести всех татар, у которых заступничество за шейха считается религиозным требованием. Наконец дело дошло до того, что молодой горец-еврей стал выходить из дому не иначе, как вооруженный с ног до головы.

И вот однажды, по дороге в город Петровск, встречаются враги и шейх опять бросается на еврея. Выведенный из терпения молодой еврей вынимает кинжал и, не дав противнику опомниться, наносит ему удар в живот, после чего тот моментально падает. Сделав это, отправляясь в город, он встречается с некоторыми из своего аула, открывает им совершенное преступление, просит передать братьям и родственникам совет остерегаться мести мусульман и идет отдаться в руки русского правосудия.

Узнав о случившемся, весь аул пришел в волнение и принял грозный воинственный вид. Родственники убийцы скрылись в одном крепком доме и окружили себя наемным караулом, а родственники убитого стали искать случая взять кровь за кровь, как принято обычаем у всех

туземцев. Татары же еще дальше пошли в своем мщении. Они собрались над еврейским аулом и начали бросать на него с горы громадные камни. Они разбили много окон, дверей, многих ранили, а евреи, признав свою вину перед многочисленным народом, скрылись в своих домах.

Наконец вмешательство аульных властей взяло верх над расхोдившимися страстями, и между родственниками убийцы и убитого заключен мир. С убийцы взяли в пользу семейства убитого 200 руб. и отправили его, как это требуется по обычаю, в другой аул на 2 года, чтобы тем временем успокоились родственники убитого.

Года четыре тому назад я был свидетелем еще одного происшествия, которое даст читателю еще лучшее понятие об отношениях горцев-магометан к горцам-евреям. Будучи еще учеником гимназии, после каникул ехал я с родины на лошадях, и, по случаю большего разгона, мне пришлось оставаться дня два в городе Гр. Там жил некто Ж. из моих дальних родственников, которого, по просьбе отца, я должен был непременно проведать.

Сидим мы в богато убранной по-азиатски кунацкой комнате (на коврах, поджавши под себя ноги) и пьем вечерний чай, который принес мальчик на подносе из другой комнаты. Вдруг слышу вопли и рыдания и обращаюсь к хозяину за объяснением. Услышав мою просьбу, старик вынул из кармана платок, поднес его к глазам и тоже стал плакать. Я посмотрел на него в недоумении, пожал плечами и опустил голову, сочувствуя какому-то постигшему его горю и не желая мешать старику выплакаться. Это продолжалось около 10 минут, после чего старик спокойно рассказал мне о несчастье, посланном им Богом «за их грехи».

Дело в том, что сын его и любимец (самый младший из троих) был обвенчан по желанию родителей, месяца три тому назад, с одной горской девушкой, хорошей фамилии, но, кажется, не любил ее и не хотел сказать этого родителям, не желая огорчить их. Родители же, ничего не ведая об отношениях новобрачных, были спокойны,

потому что «искони ведется, чтобы молодые соединялись не по своему желанию, а по желанию родителей». Но не прошло и двух месяцев после свадьбы, как молодой муж оставил свою жену и убежал в чеченский аул, где он принял магометанскую веру и женился на девушке, любимой им прежде, как оказалось по собранным сведениям. Старики считали своего любимца погибшим для себя и оплакивали его.

Действительно, после таких случаев между родителями и детьми прерываются всякие сношения, и они не посещают и никогда не видят друг друга. «Как будто мне легче от этого, — начал старик, глубоко вздохнув после своего печального рассказа. — Как будто они исцелят мои раны тем, что отмстили татарам!» Опять я ничего не понял и посмотрел на него вопросительно. Старик не заставил себя долго ждать и рассказал мне следующее.

Один молодой человек из евреев-горцев полюбил чеченскую девушку-магометанку в том же ауле, где сын его принял магометанство, и украл ее оттуда, так как и она из любви к нему пожертвовала своей религией и согласилась бежать с ним. В увозе девушки ему помогала горско-еврейская молодежь, которая настаивала во что бы ты ни стало на том, чтобы взять за своего соотечественника одну из девушек того же аула.

Родители девушки и родственники пустились в погоню за ней, пытались отнять ее, но им это не удалось, и молодежь, которая охраняла ложе новобрачных, отстояла их, несмотря на то что между защитниками было несколько тяжелораненых. Наконец между чеченцами и евреями был заключен мир, и молодой человек и девушка сохранили принятую ими религию.

Надо заметить, что обычай «воровать девушку», существующий у евреев-горцев, наравне со всеми племенами Кавказа, не всегда кончается подобными трагическими сценами, а большею частью мирно. Если молодой человек, укравший невесту, успел до погони родственни-

ков, или пока они не отняли ее у него, фактически стать ее мужем, то она делается его женою. А это, конечно, возможно только с согласия девушки, которая бежит с ним по желанию и вопреки воле родителей; иначе немислимо, чтобы она сделалась его женою, так как девушка защищается героически против похитителя (а на это способны горские девушки!), пока не подоспел к ней помощь от родных. Таких случаев очень много, особенно в аулах.

Выйдя от старика и направляясь к станции, мне пришлось пройти мимо того двора, где праздновали свадьбу влюбленной пары, которая, несмотря на громадную пропасть, созданную религией между ними, соединилась так счастливо. Свадьба была оживлена еще тем, что начальник округа также разрешил молодым вступить в брак. Невеста приняла иудейскую религию и сделалась женой горца-еврея.

Статистические сведения о горских евреях, живущих между другими племенами Кавказа и занимающихся почти одинаковым трудом с ними, до сих пор были далеко не точны, да и невозможно было требовать точности ввиду того, что, во-первых, русское правительство не очень давно стало вести перепись народонаселения и то не по числу душ, а по семействам, или дымам, как выражаются на Кавказе, говоря о числе жителей, а во-вторых, евреи рассеяны всюду и часто переселяются с места на место, ища той или другой деятельности. Но во время своего путешествия и благодаря содействию административных властей я постарался собрать всевозможные сведения о евреях, какие только могут заинтересовать образованного человека. Нет сомнения, что еще много, много осталось в их жизни темного и неисследованного, но это предоставим будущим путешественникам по Кавказу и будем надеяться, что они не будут так поверхностно относиться к этому вопросу, как наши предшественники — автор «Восинствующего Израиля» и Иуда Черный¹.

¹ Статистические сведения помещены на отдельном листе.

Области и губернии	Города и аулы	Домов	Душ		Число садов	Лавок		Число разносчиков	Число кабанов земли (1 дес. = 4 кап.)		
			муж. пола	жен. пола		мануфакт.	бакал. и мелоч.		пашни	покосы и лес	
Дагестанская обл.	Темирхан Шура	64	164	170	1	18	2	2	—	—	
	Тарки	56	155	145	1	1	2	3	28	5	
	Петровск	15	57	66	—	7	—	—	—	40	
	Чир-Юрт и Султан-Ярги-Юрт	11+7	46+22	55+18	—	5	2	—	—	—	
	Буйнак и Гувден	15	38	52	—	1	—	1	—	—	
	Дюргели	29	52	68	—	1	2	4	—	—	
	Карабаkent	16	32	39	—	—	1	2	—	—	
	Дашдагар	41	150	159	2	6	3	—	—	—	
	Дербент	220	900	771	160	2	17	5	20	1000	
	Кайтако-Табасаранский округ										
		Маджалис	121	301	228	3	5	1	8	46	37
		Рукель	26	59	67	5	—	—	2	30	13
		Мугатыр	45	114	118	—	—	—	15	74	—
		Гемейды	19	56	46	1	—	—	—	33	7
		Янги-Кент	103	360	324	1	2	4	25	167	30
	Нитюг	26	83	69	—	—	—	6	60	—	
Кюринский округ											
	Нюг-ди-Мюшкюр	114	380	398	52	—	1	4	800	40	
	Хош-Мемзюль	35	85	82	10	—	—	2	40	—	
	Аглаби	27	19	14	—	—	—	—	100	—	
	Ханчел Кала	50	126	117	27	—	—	—	70	196	

КАВКАЗСКИЕ ЕВРЕИ-ГОРЦЫ

Хлебопашцев	Домашних животных		Рабочих семейств	Рабочих душ	Кожевников	Табаководов	Шелководов	Ремесленников	Имеющих свой дом	Молочных домов	Грамотных	Рабби	Еврейских училищ	Учеников
	рогат. скот	лошад. и ослов												
	10	6	27	30	12	—	—	—	55	1	27	2	1	15
1	42	6	2	4	43	7	1	—	48	1	15	1	1	20
—	6	2	4	6	2	—	—	—	11	1	10	2	1	5
—	27	4	8	7	3	—	—	—	11	1	10	1	1	7
—	16	1	9	9	3	—	—	—	2	1	9	1	—	4
—	10	1	3	8	4	14	—	—	7	1	8	1	—	5
—	2	—	1	2	12	12	—	—	—	1	2	1	—	—
—	70	3	19	20	10	—	—	—	40	1	12	1	—	—
1	25	30	21	193	—	—	4	4	220	4	120	6	8	95
2—3	30	25	37	37	25	33	—	—	70	1	15	2	1	15
1—4	8	2	13	20	—	—	—	—	11	1	9	1	1	3
1—2	56	14	2	11	—	29	—	—	34	1	10	2	2	14
4—2	48	2	1	4	—	17	—	—	15	1	15	1	1	10
10—8	35	3	11	13	10	30	—	—	85	2	40	2	2	16
2—8	5	2	2	10	—	20	—	—	22	1	12	1	1	6
3—52	105	15	8	30	—	6	3	—	100	1	40	2	2	35
2—30	10	1	2	10	—	12	—	—	48	1	15	1	1	7
8—11	6	—	3	20	—	5	—	—	17	1	5	1	1	—
3—10	65	2	9	10	—	—	—	—	44	1	15	1	1	12

Области и губернии	Города и аулы	Домов	Душ		Число садов	Лавок			Число разностчиков		Число капанов земли (1 дес. = 4 кап.)	
			муж. пола	жен. пола		мануфакт.	бакал. и мелоч.	Число разностчиков	пашни	покосы и лес		
	Мамрача	100	318	350	3	—	—	—	200	50		
	Араг	110	353	352	3	5	3	16	179	—		
	Карчаг	46	132	123	30	—	—	22	187	—		
	Джерах	49	137	139	4	—	—	—	300	100		
Бакинская губ.	Куба	822	3230	3052	5	7	13	28	85	208		
	Мюджи	112	506	451	3	2	42	30	—	—		
	Афтаран-Мюджи	88	366	326	—	—	15	29	320	100		
Елизов. губ.	Варташен	213	744	652	—	—	40	40	6	—		
Терская обл.	Ташкеча	74	364	326	3	9	10	3	1400	2144		
	Хасавюрт	55	207	141	12	8	9	6	5200	2260		
	Андреевское	17	86	71	1	3	2	1		126		
	Костек	37	160	133	1	6	1	2	100	285		
	Чеченский округ											
		Грозное	199	824	770	4	20	7	1	16	—	
	Кабардинский округ											
		Нальчик	76	150	185	4	5	20	3	12	—	
	Кубанская обл.	Джегонский поселок	52	116	160	1	2	12	2	—	—	
		В аулах	2587	5164	4868	149	16	139	217	1035 дес.	783 дес.	
В городах		1503	5728	5369	191	99	73	45	1333 дес.	877 дес.		
Всех		4090	10892	10237	340	115	212	262	2368 дес.	1660 дес.		

КАВКАЗСКИЕ ЕВРЕИ-ГОРЦЫ

Хлебопашцев	Домашних животных		Рабочих семейств	Рабочих душ	Кожевников	Табаководов	Шелководов	Ремесленников	Имеющих свой дом	Молитвенных домов	Грамотных	Рабби	Еврейских училищ	Учеников
	рогат. скот	лошад. и ослов												
18—5	85	6	13	15		60	—	—	78	1	50	1	1	15
2—25	70	65	40	20	—	4	—	—	82	1	55	2	2	30
1—11	108	35	4	10	—	27	—	—	44	1	12	1		10
21—3	153	14	2	6	—	41	—	—	45	1	10	1		14
25—10	300	270	300	1500	—	300	—	8	669	7	468	8	15	325
—	70	85	5	30	—	—	5	2	105	1	70	2	2	45
30—5	200	60	4	20	—	—	6	—	85	1	20	1	1	30
2—3	70	86	38	53	—	80	8	—	200	2	70	5	2	40
—3	21	3	7	25	25	—	—	1	10	1	15	2	1	27
1—4	32	8	13	22	4	—	—	2	35	2	15	2	1	25
—2	26	2	3	6	3	—	—	1	2	1	10	1	1	10
3—2	42	27	9	10	2	—	—	—	6	1	15	1	1	15
1—3	195	46	65	12	23	—	—	6	155	2	70	2	2	45
1—3	70	20	5	15	35	—	—	2	65	2	35	3	1	30
—	30	5	2	4	31	—	—	1	35	1	20	2	1	20
122—189	1313	462	232	387	158	397	23	5	1195	27	557	36	25	403
21—19	735	389	463	1805	89	300	4	22	1261	21	767	27	30	547
143—208	2048	851	702	2192	247	697	27	27	2456	48	1324	63	55	950

Слова Иуды Черного «горские евреи преимущественно занимаются торговлею» совершенно не верны. Эти слова доказывают, что покойный автор не знал действительной жизни горских евреев и вывел свое заключение, судя по городским жителям и не принимая в расчет, во-первых, занимающихся различными отраслями земледелия и затем бедного рабочего класса. Ни статистика, составленная им, вероятно, со слов покровительствовавших ему административных лиц, ни образцы татско-еврейского языка, ни исследования быта, нравов, обычаев — ничто в его записках не отличается тою точностью и верностью, которые необходимы при изучении быта целого народа. Иуда Черный, однако, сам рисует нам несколько мрачных картин быта одной деревни, Рукель в Дербентском округе, все жители которой заняты исключительно полевыми работами, плоды которых доставляются ими ненасытному их беку (князю).

Как увидим ниже из статистических данных, к городским жителям можно отнести почти половину всех горских евреев, из которых, если исключить приходящих из аулов искать работы, занимающихся выделкой кож и сафьяна из сырой шкуры, разведением садов, огородов и вообще обработкой земли, останется (из 4090 дымов) не больше $\frac{1}{22}$, занимающихся торговлею и преимущественно красными мануфактурными и галантерейными товарами. Из этих последних около $\frac{2}{3}$ приходится на мелких торговцев и на разносчиков, носящих в большом узле на спине свои товары и продающих их по аулам.

Занятия горских евреев распределяются следующим образом. Если принять во внимание, что почти везде и у всех народов городские жители занимаются преимущественно торговлей, и этих городских горских евреев исключить из общего числа всех вообще горских евреев, то достоверно можно оказать, что горские евреи народ земледельческий. В этом легко убедиться, обратив внимание на статистику. Под рубриками «число лавок мануфактурных и бакалейных» и затем «число разносчиков», находим:

КАВКАЗСКИЕ ЕВРЕИ-ГОРЦЫ

Число лавок	Мануфакт.	Бакал.	Разносч.
В городах	99	78	45
В аулах	16	139	217
И Т О Г О	115	212	262

Число дымов и душ	Дымов	Душ
В городах	1503	11097
В аулах	2587	10032
И Т О Г О	4090	21129

Из этих чисел видно, что городские семейства горских евреев заключают вдвое больше душ, чем аульные; и вообще приходится по числу душ на семейство: в городах — 7,35, аулах — 3,87 и среднее — 5,61. Это объясняется тем, что города вообще, как известно, привлекают массу рабочего люда, отыскивающего себе различного рода заработки. Эти рабочие иногда поселяются у родственников по несколько человек и, составляя с ними одно семейство, трудятся для общего хозяйства. Исключив из 11 097 душ, числящихся в городах, число рабочих семейств с десятками душ в каждом, мы приходим к заключению, что только $\frac{1}{3}$ горских евреев населяет города Кавказа, а $\frac{2}{3}$ живут в аулах. Теперь же, приводя вышеупомянутые числа торгующих мануфактурными, бакалейными и мелочными товарами к процентному отношению, мы находим:

	Мануфактурными		Бакалейн. и мелочн.		Разносчиков	
	По дымам (%)	По душам (%)	По дымам (%)	По душам (%)	По дымам (%)	По душам (%)
В городах	6,56	0,89	4,88	0,65	2,32	0,40
В аулах	0,61	0,15	5,37	1,38	8,38	2,16
В среднем	3,58	0,52	5,12	1,01	5,35	1,28

Таким образом, из всех этих 3 параграфов, относящихся к различным отраслям торговли, мы замечаем, что торговлей занимаются исключительно в городах и из них:

по жителям: крупной торг.	6,56%,
по душам	0,89%
бакалейной и мелочной	4,88%
по душам	0,65%

И наконец, занимающихся всеми родами торговли:

по жителям	11,44%
по душам	1,54%

Из тех же соображений получим для аулов, исключая разносчиков и коробейников:

по жителям	5,98%
по душам	1,53%

Сравнивая числа 11,44% и 5,98%, видим, что в городах почти вдвое более развита торговля между горскими евреями, чем в аулах.

Наконец, собственно говоря, и число 5,98% не может вполне относиться к занимающимся торговлей, так как почти все из них, именно 5,37%, делая маленькие обороты, продают бакалейные и мелочные товары, и лишь 0,61% — мануфактурные товары.

Что же касается разносчиков, которые держат в своих узлах или коробах на 30—40 руб. мелочного или мануфактурного товара и вечно промышляют пешком по аулам, нося эти товары на спине при 40—48° градусах жары, то их, кажется, и нельзя отнести к торговцам. Они вечно остаются теми же бедняками, какими были и при начале своего предприятия, и едва успевают прокормить себя и семейство, обыкновенно обремененное множеством детей.

Из выведенных выше чисел замечаем, что особенно много этих разносчиков в аулах. Мне удалось собрать о них точные сведения, и оказалось, что большинство их ненавидят это занятие; но тем не менее занимаются им,

не имея ничего другого для прокормления семей; таких-то бедняков весьма внушительная цифра, именно — в аулах 8,38% и в среднем — 5,35%.

Мы все-таки причислим их к числу занимающихся торговлей; тогда общее количество торговцев выразится средним отношением в городах и аулах 14,05%, или, по числу семейств, — из 4090 семейств 574,64 занимается торговлей. Из этого числа на настоящих купцов-капиталистов приходится лишь приблизительно 5%. Но, говоря о капиталистах, опять-таки не следует думать, что у них крупные состояния: самые богатые из них имеют лишь от 25—30 тысяч.

Что же касается аульных горских евреев, то, как я справлялся, из них те считаются богачами, которые владеют землей, имением, мельницей и прочим недвижимым имуществом, стоящим от 1000 до 2000 руб., и имеют тысячи две в обороте. Но таких богачей очень немного среди евреев. Большею же частью бывали известны своим богатством 2—3 семейства, владевшие имуществом на 1000—1500 руб.

Таким образом, мы убедились, что слова покойного путешественника Черного лишены всякого основания, и горские евреи, занимаясь лишь в числе 14,05% торговлей, не могут называться торговым народом. Бывая большею частью в городах, видя по дорогам большое количество евреев-разносчиков и не углубляясь в самую жизнь горских евреев, путешественники выводили заключение, что они занимаются преимущественно торговлей.

Однако нетрудно заметить, что главные занятия горских евреев заключаются: а) в обработке земли, в возделывании полей, на которых сеют пшеницу, ячмень, маис, рис, в разведении виноградных и фруктовых садов, в культивировании марены и овощных растений; б) по обрабатываемому производству: в выделке сафьяна, кож из сырых шкур, которые получают они или от своих домашних животных, или у туземцев за деньги, или у своих собратьев, владеющих стадом коров, баранов, коз, лошадей, и, наконец, в шелководстве и в приготовлении сыра, масла из буйволиного и овечьего молока.

Сеянием хлеба занимаются горские евреи исключительно в Кюринском и Кайтако-Табасаранском округах Дагестанской области и в некоторых местностях Бакинской губ. Мне, например, пришлось в этих местах видеть аулы горцев-евреев, которые исключительно заняты земледелием и не имеют ни одной лавчонки или торговца; к ним могу отнести: Джерах, Нюг-ди-Мюшкюр, Мамрача и др. (Кюринского округа), Афтаран (Бакинской губ.).

В этих местах встречаются тройкого рода хлебопашцы:

а) те, которые имеют земли, земледельческие орудия, сеют и пашут землю,

б) те, которые, не имея земледельческих орудий или достаточного количества людей для обрабатывания полей, отдают другим туземцам свои земли на доли и потом сами жнут и снимают хлеб и

с) наконец, которые, не имея ни земли, ни орудий, занимаются пахать землю, сеять и снимать с полей хлеб за известное вознаграждение.

Этих последних очень много в аулах, и они обозначены у меня под рубрикой «рабочих семейств». Второй род хлебопашцев в виде платы обрабатывающим их поля и сеющим их хлеб дают в иных местах $\frac{1}{2}$ всего сбора, в иных один «саб» (около четверти) за «капан» (десятина = 4 капанам, 1 капан = 3 сабам). В статистической таблице выведено, что число всех хлебопашцев первого рода равно 143 семействам, а второго — 208 и отдельно:

в городах первого рода 21, второго 19
в аулах первого рода 122, второго 189

Из последних чисел замечаем, что в городах очень немногие занимаются хлебопашеством. Приводя эти числа на 100, находим подымное отношение их:

в городах	1,39—1,25%
в аулах	4,71—7,30%
и в среднем	3,05—4,27%

Числа 3,05—4,27% в среднем или, еще лучше, 4,71—7,30% в аулах, показывают, что хлебопашцев второго рода гораздо больше, почти вдвое, чем первого. Это объясняется тем, что у горских евреев, во-первых, почти совсем нет земельных владений для посева хлеба, и во-вторых — нет у них домашних животных, которые облегчали бы им труд возделывания полей.

На вопрос мой имеющим землю, помнят ли они, как, когда и от кого из предков остались им такие-то земли, которые в данное время обрабатываются ими, они, бывало, отвечают, что они куплены ими, их отцами и не далее как дедами. Но у них во многих местах есть другие земли, которые числятся за ними, но которыми фактически они не могут владеть. На такие земли указали мне в городах Дербенте и Кубе и во многих других аулах недалеко от ущелья Малого Кавказского прохода (Дербентского).

Близ Дербента есть местечко горских евреев, носившее наименование Аба-Сава. Оно было разрушено в 1800 году (5557-м от Сотворения мира) кумыкским шамхалом Сурхал-ханом, и евреи поселились в Дербенте, купив **каждый** себе землю под сады и дома. Все время земля эта в количестве 1000 капанов, или 250 десятин, считалась собственностью горских евреев, пока у них не отняли ее во времена мюридизма. Но так как бумаги о принадлежности этой земли горским евреям сохранились¹, да и многие из татар не отрицали их право на нее, то, после замирения Кавказа, горскими евреями г. Дербента было подано правительству прошение об утверждении за ними земли, оставшейся им от их предков. Между тем на эту землю стало изъяслять свои притязания дербентское население туземцев. Эта тяжба, благодаря массе доказательств, была решена правительством в пользу горских евреев. Но, несмотря на это, горские евреи и теперь помогут вступить во владение этой землею, так как мусульманский наследный хан гро-

¹ Бумаги эти находятся у главного дербентского раввина Якова Ицхаковича.

зит убийством всех евреев, если только они разделят ее между собою и станут возделывать. Несколько раз, говорят, были столкновения, кончавшиеся страшными драками, но администрация бездействует, и мусульмане препятствуют фактическому владению этой землей горскими евреями. Поэтому никто из них не осмеливается приступить к ней, и эта земля или остается необработанной, или отдается в аренду за ничтожную сумму.

Но эта земля все-таки считается святынею у горских евреев, и они раз в год¹ идут поклониться туда могилам своих отцов. (Там находятся еврейские кладбища с сохранившимися еще еврейскими памятниками на могилах².) Они, по-видимому, ничуть не жалеют о том, что власть не дает им владеть их собственностью, говоря, что «видно, это есть воля Господня». А между тем — сколько безземельных несчастных горских евреев г. Дербента, которые все время проводят в заработках в чужих аулах или нищенствуют в Дербенте!

То же самое можно сказать о Кулкате, близ Кубы, Чуфут-Тебе, близ Кара-Кураша (Кайт. окр.), Дарай-Татаул, близ с. Карабдакента, о земле, принадлежащей жителям нашего аула Тарки, и о множестве других. Многие из этих земель даже сами туземцы называют чуфут, то есть еврейскими, а между тем, не имея никакого права и документов, владеют ими сами, или хотя и считают земли собственностью горских евреев, но не позволяют им обрабатывать их и вообще пользоваться ими.

Всем, изучившим хорошо Кавказ, — но не так, как авторы «Воинствующего Израиля» и «Кавказских евреев», — известен факт, что первые горские евреи начали обрабатывать недоступные клочки Кавказа, сеять на них рис, маис, пшеницу, разводить виноградные и фруктовые сады, культивировать марену, шелковичные деревья, овощ-

¹ В день разрушения Иерусалима.

² См. путешествие Иуды Черного по Кавказу под заглавием «Кавказские евреи».

ные растения, заниматься различными обрабатывающими производствами вроде выделки сафьяна, кож, тканья, вязания и вышивания различных материй и пр. Для доказательства я приведу несколько мест из одной статейки под заглавием «Даг-чуфут», помещенной в газете «Кавказ» № 77 за 1885 год. Автор, некто Б. Ф., говорит в ней следующее:

«Местные евреи Северного Кавказа известны под наименованием «Даг-чуфут». Они живут небольшими обществами в Дагестанской, Терской и Кубанской областях, ведут свое происхождение от персидских евреев, зашедших в Дагестан в глубокой древности и оттуда уже, вследствие разных невзгод, искавших приюта между кумыками, князья которых ценили высоко их способности в торговом отношении и воспользовались их искусством в разведении марены, виноградных и тутовых садов и сарацинского пшена. Евреи эти, еще до владычества русских на Кавказе, основали свой поселок в Андреевском ауле на Кумыкской плоскости, а потом во времена генерала Ермолова им для жительства и пользования землею была указана местность Портыч на Тереке — между нынешними станицами Шелководской и Щедринской; но вследствие нападения горцев они расселились в аулы: Андреевский, Ташкечи, Кази-Юрт, Хасавюрт, Костек, Грозный, Нальчик, где и живут теперь; с русскими евреями ничего общего они не имеют, кроме религии, но и в сей последней есть немало уклонений и своеобразных особенностей.

За заслуги свои и усердие многие из горских евреев были награждены золотыми и серебряными медалями и ценными подарками от генералов: Ермолова, Вельяминова, графа Паскевича и фельдмаршалов князей Воронцова и Барятинского. Несмотря на тревожную жизнь, в которой жили предки и отцы нынешних евреев, они не оставляли своих мирных занятий, вели торговлю в мирных и неприязненных аулах, сеяли марену, гнали из винограда и фруктов водку и спирт, разводили шелковицу и первые

из горцев стали посещать отдаленные места России и ярмарки, а своею деятельностью и личным примером немало способствовали развитию разных промыслов в кругу горцев.

В настоящее время горские евреи, как отнесенные русским правительством к числу покоренных кавказских горских жителей, пользуются всеми правами горцев, избавлены от воинской повинности, наделяются землею наравне с теми жителями, где живут, платят подати и несут одинаково с горцами повинности натурой. Вследствие возбужденного акцизным ведомством вопроса о праве торговли горскими евреями разными напитками в прошлом году последовало правительственное распоряжение о предоставлении им этого права, не смешивая их с русскими евреями, с которыми они общего ничего не имеют».

Вот слова, которые говорит человек, знающий хорошо судьбу, положение и занятия горских евреев, хотя, говоря о наделении их землею наравне с другими, их окружающими туземцами, и он ошибается. Правда, некоторые аулы или города наделены достаточным количеством земли, но и безземельных аулов горских евреев очень много. Особенно счастливо наделены горские евреи в г. Дербенте, где почти на всех землях разведены богатые виноградники, и затем города Хасавюрт и Грозное, с. Карчаг, Джерах, Ньюджи-Мюшкюр, Ханчал-Кала, Хошмензюл, Мамрача, Афтаран и несколько других. Благодаря этому мы и не находим в этих аулах той крайней нищеты, которая господствует в других, не имеющих земли аулах.

В статистической таблице находим мы относительно земли следующие данные:

в городах	8841 капан = 2210,25 десятины
в аулах	7273 капан = 1818,25 десятины
И т о г о	16,114 капана = 4028,5 десятины

Раскладывая эту землю между всеми жителями, мы замечаем, что на каждый дым приходится только:

в аулах	2,81 капана = 0,70 десятины
в городах	5,86 капана = 1,46 десятины
в среднем	4,38 капана = 1,03 десятины
а на душу в аулах	0,72 капана = 0,18 десятины
в городах	0,74 капана = 0,19 десятины
и в среднем	0,73 капана = 0,18 десятины

При этом не следует думать, что эти земли все годные для посева; они обнимают и посевные поля, и покосы, и лес. Число же 0,74 в городах и 0,72 в аулах показывают, что городские жители владеют гораздо большим количеством земли, чем аульные. На самом же деле на один Дербент и Кубу приходится около 1500 капанов, или 375 десятин, земли, непригодной к делу или приносящей обществу ничтожный доход. Если исключим эти 375 десятин, приходящихся на долю 2 только городов, то заметим, во-первых, что городские евреи, за исключением владельцев садов, вовсе не наделены землею под посев хлеба или под покос. На самом деле это так, и городские жители из горских евреев никогда не наделались землею. Если кто из них и имеет землю, то она предназначалась для посева марены, которая имела в промышленности большое значение лет 10—12 тому назад.

Главную причину теперешнего бедствия жителей Кавказа, не только горских евреев, но и других туземцев, объясняют падением цены на марену, разведением которой занимались повсеместно. В настоящее время она до того потеряла значение, что ее и не выпахивают из земли. Снять марену было выгодное предприятие для каждого. Каждый, имевший несколько сот рублей, спешил тогда купить участок земли и посеять семена марены. Через три года она давала уже достаточной толщины корни, которые и пускались в продажу. Корни эти выкапывались не до основания, а около аршина. Затем они присыпались землей и оставались до будущего года, когда вновь выкапывались и засыпались землею.

Это был вечный кусок хлеба, так как за корнями марены не было никакого особенного ухода, и она сеялась раз на

15 и даже 20 лет. При цене в 15, 10, 8 руб. хозяин нанимал несколько десятков рабочих и получал хороший барыш. Но вдруг вышла французская краска ализарин, которая могла с большей выгодой и удобством заменять марену, и последняя упала в цене и в продолжение 5 лет с 10 руб. спала до 2 руб. Тут почувствовалась невыгодность копать ее, и в настоящее время немало полей Кавказа хранят в своих недрах стволы марены, достигающие все больших и больших размеров в толщину. С падением марены обеднело множество собственников, затративших последнюю копейку на нее, и масса работников осталась без средств к жизни. Далее следует отметить, что, исключив 1500 капанов, или 375 десятин, из общего числа 16114 капанов (4028 дес.) и распределив остающееся число 14,614 капана между 4090 дымами, мы найдем, что на дым приходится только 3,56 капана, или 0,89 десятины, годной и негодной земли.

Приводя количество домашних животных у горских евреев, мы должны также, к сожалению, сказать, что и в них чувствуется большой недостаток. Из домашних животных более распространены у горских евреев: лошади, коровы, буйволы, ослы, овцы и козы. Редко кто из горских евреев владеет большими стадами и табунами, и большую часть скот встречается в очень ограниченном числе.

Из домашнего скота насчитывают:

	Домашнего скота	Лошадей и ослов
В городах	735	389
В аулах	1313	462
В среднем	2048	851

Относя их к дымам, находим, что на каждый дым приходится:

	Домашнего скота	Лошадей и ослов
В городах	0,48	0,25
В аулах	0,50	0,14
В среднем	0,49	0,19

Или же всех домашних животных и в среднем отношении приходится:

на каждый дым	0,68
на душу	0,13

Самыми полезными животными для горца являются буйвол и осел. Буйволицы дают прекрасное густое молоко, а осел замечателен своей выносливостью. В Бакинской губернии кроме них между домашними животными находится и верблюд.

Говоря о рабочих, мы нашли причину их стесненного положения, во-первых, в неимении земли, земледельческих орудий и домашних животных, во-вторых, в падении марены. Особенно много рабочих в городах, где они часто, не находя никакой работы, остаются без всякого средства к существованию и увеличивают собою класс нищенствующих. По моим исследованиям, их оказывается:

в городах	463 семейства с	805 рабочих душ
в аулах	239 семейства с	387 рабочих душ
и всех	702 семейства с	2192 рабочих душ

Или, вычислив число рабочих в каждом рабочем семействе, находим:

в городах	3,9
в аулах	1,6
и в среднем	2,7

Большинство этих рабочих лишены даже убогой сакли в родном ауле и должны жить за плату у других. В моей статистической таблице под рубрикой «число имеющих дом или саклю» означено:

в городах	1261
в аулах	1195
и всех	2456

И следовательно, вычтя из всего числа дымов горских евреев (именно 4090) эту цифру, находим, почти $\frac{2}{3}$ всех горских евреев живут за плату в чужих домах или саклях, и это приблизительно:

в городах	0,27%
в аулах	0,54%
и в среднем	0,36%

Из всех этих данных невольно приходится заключить, что экономическое положение горских евреев довольно печально, и может подняться только тогда на сколько-нибудь, когда горские евреи будут наделены землею. Недостающий хлеб и крупный рогатый скот покупается ими за деньги у туземцев или христиан, занимающихся вблизи хлебопашеством, или доставляется меновой торговлей на фрукты, сафьян, табак и пр.

Как сказано выше, садоводство занимает видное место в занятиях горских евреев. Сады сосредоточены главным образом в аулах, но большее число их в 2—3 городах, именно Дербенте (160), Хасавюрте (12) и Кубе (8), поднимает общее процентное отношение садов в городах против аулов. Так в нашей таблице показано число садов:

в городах	191
в аулах	149
всех	840

Взяв их по отношению к дымам и душам, находим:

	по дымам	по душам
в городах	12,66%	1,72%
в аулах	5,75%	1,48%
в среднем	9,4%	1,60%

Табакководством занимаются горские евреи тоже в большом количестве, даже большем, чем садоводством,

особенно в аулах; затем следует кожевничество; эти два промысла проникли особенно в низшие слои горско-еврейских общин. Вместе составляют занимающихся ими около 24% всего народонаселения, отчего в иных местах между туземцами эти занятия и служат нарицательным прозвищем горских евреев, так что нередко слышишь, как татары зовут их «тамаку» (табак), «сактиян» (кожа) и «тавук пук» (птичий помет). Дело в том, что при выделке сафьяна и кож употребляется птичий помет, который горские еврей-кожевники собирают по аулам; но таким грязным и нечистым делом, как говорят татары, могут заниматься одни евреи, а никак не правоверные мусульмане; откуда и назвали «тавук пук».

Под табачные плантации отводятся земли, изобилующие водой. У одних они собственные, у других — арендованные на известное число лет и за известное вознаграждение. Тут обыкновенно поступают так же, как при отдаче земли под посев хлеба; именно на процент всего сбора, или на половину, смотря по тому — близко ли вода от плантаций или нет. Вода требуется растущему табаку в громадном количестве. День-два без воды — и он вянет и начинает сохнуть; точно так же относится к воде рис, сеянием которого особенно много занимаются горские евреи в Кюринском и Кубинском округах.

Пользование сельской водой производится также по обычным правилам. Во-первых, она проводится из реки или источников каналами через весь аул, где на всем пути построены небольшие мельницы, и она служит для всех двигателем мельничных колес. Во-вторых, каждый околоток или соседство имеет свою канаву, идущую от главного канала, и по которой могут только в известные, назначенные поочередно, дни пускать воду в свои сады, огороды и плантации. Когда одно «соседство» (часть аула) принимает воду и раздает по частям всем своим членам, все другие соседства, или кто-либо из его членов, не должны открывать своей канавы, в противном случае от нарушителя порядка, как от вора, взимается известная

штрафная сумма; иногда, если воды много, берут ее сразу 2—3 соседа.

Раздача воды по очереди происходит 6 дней, а в 7-й, именно в пятницу, она поступает в пользу общества. В этот день продают с аукциона пользование всею отпускаемой водою. Тогда никто из аульных не имеет права брать и капли воды. Пользование в этот день водою обходится от 2 до 5—6 руб., смотря по времени года.

Незаконное пользование водою бывает часто причиной ссор, драк и даже убийств между различными членами соседств или покупателями воды в этот день. Иной, положим, пропустил свою очередь по какому-нибудь случаю и вот видит, что ждать следующей очереди — значит подвергнуть засухе все, что у него в саду, в огороде или плантации; на аукционе же страшно набивают цену, когда чувствуется общий недостаток в воде. Вследствие этого недолго думая открывает он свою канаву и пускает к себе небольшую струю воды, расширив или сузив в канаве ход. Между тем на местах получения воды чувствуется недостаток, и к каналу посылаются работники с железными лопатами. Они находят нарушение порядка, и, предположив, что, может быть, оно случайное, запирают вход и уходят. Опять чувствуется уменьшение воды, опять находят нарушение порядка — вор вызывается, и происходят споры, драки, доходящие и до кинжалов. Иной же, пожелав разом пустить к себе порядочное количество воды, останавливает и мельницы, отчего происходит целая свалка.

Табак горских евреев, хотя низшего сорта по семени, выходит очень крепким и недурного качества, так что русский табак, если и бывает в этих местах, почти не употребляется.

То же можно сказать и относительно кожевничества. Специалисты по обработке сырых шкур находят кожи и сафьян, изготовленные горскими евреями, очень порядочными и крепкими. Кожевенные заводы их в аулах бывают тут же рядом с их саклями, а в городах — за чертой горо-

да. Поэтому при входе почти в каждый аул горских евреев, занимающихся кожевничеством, слышен особый запах от гниения различных веществ, а за аулом — вечный дым, вечная копоть. Последнее происходит оттого, что зажигают целые горки навоза, и не в одних только аулах горских евреев, но и у всех туземцев Кавказа. По статистике, число кожевников и табаководов выражается в следующих цифрах:

	кожевники	табаководы
в городах	89	300
в аулах	158	397
всех	247	697

Или же в процентном отношении по жителям:

	кожевники	табаководы
в городах	5,90%	19,89%
в аулах	6,10%,	15,34%,
в среднем	6,00%	17,61%.

Отсюда видим, что кожевничеством занимаются больше в аулах, а табаководством — в городах. Но последнее несколько неверно, так как вышесказанное процентное отношение зависит от большего числа табаководов в одном только г. Кубе, где именно их 300 семейств.

Наконец, на что можно обратить внимание в статистических данных, — это число шелководов и ремесленников. Оба промысла находятся в жалком состоянии у горских евреев: несмотря на то что предки нынешних горских евреев были первыми шелководами на Кавказе, несмотря на прививающиеся там с успехом шелковые деревья, сами горские евреи до того позабыли переданное им отцами искусство, что в настоящее время они совсем уже не занимаются им. Оказывается, что на все 4090 дымов народонаселения и на 38 местах их жительств между горскими евреями шелководов и ремесленников считается только

27 семейств. Так или иначе, приходится заметить, к сожалению, что у горских евреев нет никакого желания заниматься каким бы то ни было ремеслом. Их не привлекают даже и общекавказские, туземные ремесла. Сколько ни приходилось мне слышать о кавказском оружии, но, однако ж, не пришлось видеть ни одного горского еврея не только оружейного мастера, но и простого слесаря.

Исследовать причину этого не совсем симпатичного отношения горских евреев к шелководству и ремеслам, мне кажется, трудно, но, однако ж, все-таки можно полагать, что, во-первых, ремесленники, за исключением немногих, почти не требуются в жизни туземцев, а во-вторых, что искусства эти не находят ни поощрения, ни вознаграждения за труды.

Представив отдельно данные числа и вычислив по ним процентное отношение шелководов и ремесленников, мы заметим, что:

Шелководов

В городах	4 или	0,12%
В аулах	23	0,74%
Всех	27	0,43%

Ремесленников

В городах	22 или	1,45%
В аулах	5	0,19%
Всех	27	0,82%

Резюмируя все сказанное, занятия горских евреев распределяются по жителям следующим образом:

	В городах	В аулах	В среднем
Садов	12,66%	5,75%	9,20%
Лавок мануфактурных	6,56%	0,61%	3,58%
Лавок бакалейных	4,88%	5,37%	5,12%
Разносчиков	2,32%	8,38%	5,35%

КАВКАЗСКИЕ ЕВРЕИ-ГОРЦЫ

	В городах	В аулах	В среднем
Хлебопашцев 1-го рода	1,39%	4,71%	3,05%
Хлебопашцев 2-го рода	1,25%	7,30%	4,27%
Рабочих семейств	30,8%	9,23%	20,01%
Кожевников	5,90%	6,10%	6,00%
Табаководов	19,89%	15,34%	17,61%
Шелководов	0,12%	0,74%	0,43%
Ремесленников	1,45%	0,19%	0,82%
И Т О Г О	87,22%	63,72%	75,47%

Говоря о неприязненных отношениях горцев-евреев к европейским евреям и о причинах этих отношений, я коснулся между прочим и религии и сказал, что многое, чего нет у вторых, есть в религии первых, и наоборот. Это различие мы видим в некоторых религиозных обрядах и обычаях, сохранившихся в религии горских евреев и прямо противоречащих духу и требованиям иудейской религии, так как некоторые обычаи горских евреев носят языческий характер. К ним относятся празднества в честь некоторых древних богов, много народных верований, обычай кровавой мести и пр.

Горские евреи хотя и уверены в существовании единого Бога, но предполагают, что кроме него есть и другие необыкновенные существа, божественного происхождения, которые пользуются покровительством Бога во всех своих предприятиях и имеют обширную власть над природой и человеком. Некоторые из этих божеств видимы и являются человеку в образе какого-либо животного, чтобы наказать его за тот или другой проступок или наградить за доброе дело. К видимым божествам относят: Нум-Негир, Ождехойе-мар, Илех-Нови, Шахаду, Сер-Ови, или Дедей-Ол, и др.

Большую же часть божества невидимы и, повелевая природой, производят различные явления, заставляющие человека или радоваться, или приходить в ужас, чем они обнаруживают людям свою благосклонность или, на-

против, свой гнев. Из невидимых божеств особенно почитаются горскими евреями: Идор, Земирей, Гудур-Бой, Кесен-Бой.

Правда, в последнее время горские евреи, знакомясь с европейскими или русскими евреями, у которых вполне установлены законы Моисея, начинают постепенно очищать свою веру от прежних языческих верований и забывают своих второстепенных богов, но к таким пуристам относятся только городские евреи или те, которые имеют раввина, получившего иудейское образование между русскими евреями или у какого-либо своего святого рабби. Но жители аулов, которые продолжают жить в первобытном состоянии, чтут этих духов и теперь и справляют в известные дни и времена года различные церемонии. Родившись в ауле и выросши в нем, я сохранил в памяти множество сцен из быта нашего народа, которые дают мне теперь некоторое понятие о его верованиях. Основываясь на этом, я опишу эти божества горских евреев и народные праздники, устраиваемые в честь их. По своим свойствам, как сказал выше, духи делятся на видимых и невидимых, а по качествам — на добрых и злых. Одни из них постоянны в своих свойствах, а другие изменяются, сообразно с поступками людей, которым они покровительствуют, то есть иногда делаются для них добрыми, иногда — злыми. К последним относятся: Нум-Негир, Земирей, Гудур-Бой, Кесен-Бой и Сер-Ови, а к первым — Илех-Нови, Ождехойе-Мар и Шахаду, из которых два первых духа добрые, а последний — злой.

Божество Нум-Негир, принадлежащее к переменным добрым и злым, смотря по заслугам человека, считается покровителем путников и семейного плодородия. Чтобы приобрести его расположение, нужно уважать ближних и их детей как своих собственных и быть ласковым к странникам. В этом случае оно является человеку в виде белой каменной куницы, которая проносится мимо с быстротою молнии и исчезает моментально из вида, не дав ему опомниться. Тогда человек вполне может надеяться

на счастливый исход своего предприятия и на благополучное возвращение из путешествия. Если же это загадочное животное прошло между ногами человека, то непременно быть беде, и человека будет вечно преследовать горе. Тогда все семейные несчастья взваливают на Нум-Негира, и болезни новорожденных детей объясняются тем, что детей держит (душит) Нум-Негир за грехи родителей.

Вообще же Нум-Негир совсем не почитается горскими евреями, потому что очень мало счастливых, которых встречало бы оно приветливо и не проходило им между ногами. Одно имя его¹ приводит бедных родителей в панический страх за жизнь своих новорожденных. Как только началась детская болезнь, состоящая обыкновенно из частых вздрагиваний малютки и неистового плача, при котором является на губах его красноватая пена и на лице особенная бледность, знахарками произносится над ним смертный приговор, что действительно и сбывается чрез два-три дня по рождении. Бедные родители, жаждущие хоть одного живого ребенка, никак не могут умиловить грозного божества и заслужить у него прощения за свои грехи. Они переменяют место жительства, продают новорожденного тотчас после появления его на свет старухам-знахаркам, чтобы выкупить его после, — все тщетно! Они принуждены до поры до времени или всю жизнь свою покоряться злему существу и не иметь детей.

Бедная мать! Она каждый год рождает детей, каждый год с трепетом ждет появления роковой болезни, которая ей причиняет столько горя и несчастий! Но мне кажется, что здесь главным образом виноваты наши момои (бабки) и знахарки, которые как заметят что-нибудь в ребенке, сейчас начинают давать ему лекарства (травы) и употреблять над ним различные колдовства и бабьи средства.

¹ Нум-Негир происходит от «нум» (имя) и «не гурде» (не держать, не произносить). По поверию, нельзя произнести настоящего имени Бога, и оно никому не известно, также и имя Нум-Негира.

При этом ребенка пропускают чрез железный треножник (на котором ставится котел на очаге), проводят сквозь окна, двери, заключают его в сундук и предают различным подобного рода истязаниям. Если, по какому-нибудь чуду, спасается ребенок, то это, конечно, приписывается знахаркам. Отсюда понятно, какое они имеют значение в народе. Как только случилось что-нибудь, сейчас прибегают за помощью к момоям или полни (колдуньям). Они приглашаются не только для лечения маленьких, но также и к взрослым.

Кроме трав для лечения употребляются ими еще различные масла, соли и мясо животных, как, например, летучих мышей, ежей, крыс, кровь черных или белых птиц с молоком и пр. Раны же лечат большею частью печенью, курдючным салом и тестом, которое смешивается с сахаром или медом. Самое же главное, без чего не обходится никакой опасной болезнью, есть «хейкель» (талисман), который имеет вид равностороннего треугольника из сукна или кожи, украшенного галунами. Он пришивается или под мышкой, или на спине на верхнем платье, а иногда висит на шее на шнурке. Этот талисман заключает в себе, смотря по роду болезни, разные травы и камни, которые обматываются несколько раз шелковыми или шерстяными нитками, имеющими также различное значение; над ними нашептывают и производят различные реакции над парами воды, спирта и пр.

Ождехойе-Мар¹ и Сер-Ови² имеют такое же значение, как домовые и водяные. Домовой изображается в виде семиглавой змеи, обитающей или под полом и в фундаменте, или в потолке, около верхней полки (в стене), этой змеи никто не видит, потому что она не выходит из своего гнезда; но она посылает своих детей, которые не причиняют хозяевам дома никакого вреда, лишь бы они не уби-

¹ Происходит от слова «ождох» — чудовище, исполин и «маар» — змея.

² Происходит от «сер» — глава и «ови» — вода.

вали их и не трогали. Сильно верующие в это ставят на полку чашку меда и думают, что сама Ождехойе-Мар выходит из гнезда, чтобы попробовать и оценить достоинство жертвы. Это божество относится к добрым и заботится о благосостоянии семьи.

Сер-Ови, водяной, имеет образ воздушной девы, белой как снег. В лунную ночь она сидит над фонтаном и охраняет воды, чтобы люди не бросали в них нечистот. Иногда же Сер-Ови манит молодых людей к себе и топит их в воде, а стариков не трогает. Но Сер-Ови, по поверью народа, ужасно боится булата и убегает при виде его. Поэтому когда идут ночью за водой, то берут какую-либо стальную вещь, которой все время размахивают в воздухе и над фонтаном. Ввиду этого большинство мужчин и женщин носят на большом пальце булатные кольца. В темную ночь Сер-Ови преобразовывается и расстилается над водой в виде черного тумана.

Относительно Сер-Ови, или, как ее иначе называют, Дедей-Ол (или Ов — вода, то есть «Мать воды»), рассказывают еще следующее интересное предание. Дедей-Ол особенно старается обмануть или ввести в заблуждение беременных женщин или рожениц. Поэтому у горских евреев никогда нельзя оставить роженицу одну в комнате. В последнем случае Дедей-Ол приходит к ней в образе какой-нибудь ее родственницы, обманывает ее, приближается к ней, незаметно снимает с нее одеяло и затем вынимает некоторые ее внутренности, как то: сердце, печень и легкие. Рассказывают, что одна момой (бабка) принимала у одной женщины ребенка и вышла куда-то на минутку, оставив роженицу. Пришедши к роженице, она видит большое кровавое пятно в виде ладони и пальцев как раз над дверью и затем страшно бледную, почти полумертвую, больную. На ее вопрос, что все это значит, больная говорит, что к ней приходила сейчас такая-то ее родственница, приблизилась к ней, превратилась в страшную женщину и вынула ее внутренности. В то же время шел мимо реки живший в этом же ауле один благочестивый

человек и увидел женщину во всем белом с длинными волосами, стоящую с засученными рукавами у берега и полоскающую человеческие внутренности. Тут же он вынимает кинжал, бежит за ней и кричит, чтобы она положила их обратно, откуда взяла. Она действительно возвращает их и исчезает, но вместе с тем прокликает того человека, чтобы от него не осталось и семени, что действительно и случилось: у него умерли все дети и родные. Рассказывают, что старик, догоняя Дедей-Ол, отрезал даже у нее одну косу, которую держал у себя и которую видели еще не так давно очень многие.

Илех-Нови составляет соединение личности Ильи-пророка с богом богатства. Он исключительно является в ночь с субботы на воскресенье, почему эта ночь носит имя Шев Илех-Нови (Ночь Ильи-пророка). Он показывается людям в двух видах: или в виде гостя, одетого бедно, или в виде белого духа с огромной бородой. В первом случае он приходит в дом и просит «принять гостя». Поэтому в ночь Илех-Нови всякий из мужей приказывает своим женам варить хинкал, несмотря на то что они упорствуют, так как возня за этим кушаньем продолжается глубоко за полночь и за приготовление нужно приняться по закону Моисея после 8 часов вечера (субботы). Редко это приказание мужей не приводится в исполнение, ибо в противном случае они наносят бедным женам страшные побои. Бить жену в эту ночь, если она не соглашается сварить хинкал, считается даже за подвиг благочестия, потому что это делается единственно в честь великого гостя, который может вздумать завернуть к хозяину, чтобы испытать его. Конечно, тот, кто удостоился иметь Илех-Нови гостем в эту ночь и накормил его хинкалом и вином, вскоре после этого посещения окружается всеми родами богатства. А тот, который был богат и не принял его в рубищах, постепенно начинает беднеть и наконец впадает в нищету.

В виде же белого духа Илех-Нови является также в эту ночь (только в лунную) и бывает главным образом

в нечистых уголках и на навозе. Увидя его в подобных местах, человек не должен пугаться и бежать или произнести слово «вой!» (горе!). В первом случае он будет несчастен и дойдет до нищеты, а во втором заболит и умрет. Если же он встретит Илех-Нови с поклоном или скажет слово приветствия «шолум алихим» (да будет тебе привет) или же одно слово «бой» (богатый), то ему быть счастливым и богатым.

По народному поверью, Илех-Нови посещает также в виде бедняка свадебный пир, и если его пригласят и посадят между почетными гостями, то жизнь новобрачных будет счастлива, если же не обратят на него внимания и не пригласят его, то один из новобрачных умрет, может быть, уже в первую ночь. Поэтому горские евреи приглашают всех в ауле или городе на свадебное торжество и бедняков сажают между самыми богатыми.

Об Илех-Нови рассказывают еще следующий случай. В Маджалисе был один богач по имени Курах, который имел большие стада овец и коров. Однажды пришел к нему Илех-Нови и попросился к нему в гости. Так как не принимать гостей, по обычаю, было нельзя, но в то же время хозяин был очень жадный скряга, то и велел зарезать для гостя кошку вместо барана. Гость, не подавая вида, что знает обман, съел кошку и проклял хозяина. Тогда все стада Кураха вместе с пастухами превратились в камни. Горские евреи и теперь указывают на множество камней, разбросанных недалеко от Маджалиса и напоминающих формами некоторых домашних животных, и называют их Гелей-Курах, то есть стадо Кураха. Рассказывают, будто явственно видны пастух, облокотившийся на посох, пирог, лежащий на сковороде, котел и прочая пастушья утварь.

Шехаду есть нечистый дух, принимающий всевозможные образы, чтобы свести человека с пути истины. В его ведении находится множество других духов, которые по приказанию Шехаду вселяются в душу человека и управляют им произвольно. Дети этих духов обитают в недрах

земли, где находятся и палаты их, и жены. Когда нечистый дух входит в душу человека за какую-либо вину его, то человек делается сумасшедшим, то есть, по-горски, шехадуни — водящимся с нечистым духом.

Шехаду ужасно не любит, чтобы горячую воду лили на землю, потому что она, всасываясь, начинает жечь детей нечистых духов, которые стоят часто почти у поверхности земли и любят дела отцов. За подобное слушание Шехаду посылает одного из своих подданных к человеку, которого тот схватывает за сердце и горло и хочет душить. В это время изо рта и носа идет у человека кровь, обильная пена, и он начинает сильно хрипеть от удушения. Таким образом делается с человеком припадки.

Полное сумасшествие объясняется тем, что у Шехаду очень мало подчиненных как мужского пола, так и женского. Особенно не хватает у него для своих духов женщин, почему он и старается заманить их к себе. Для этого он посылает по разным местам, в темные ночи, духов, которые принимают образы людей, близких тем, которых они хотят взять. Пришедши к дому, они начинают стучаться и кричать голосами знакомых, чтобы отворили дверь или ворота. Хозяева, не замечая обмана, выходят и видят пред собою своих знакомых, которые зовут их на улицу или за город, говоря, что приехал такой-то или уезжает и желает видеть их. Люди идут за ними, но духи, вышедши из аула, схватывают их и влекут в пропасть, к своим жилищам. Там они кормят своих пленных различными кушаньями и напитками, после чего люди сходят с ума и поступают к ним на службу, женщины же выходят замуж за духов и остаются навеки в подземном царстве.

Рассказывают, что некоторые мужчины возвращались из этого царства, но опять были уведимы. Многие же из них, услыша зов духов, опоясывались кинжалом и выходили. Заметив обман, они вынимали кинжалы из ножен и водили ими вокруг себя, после чего духи рассеивались и исчезали. Но рассудок этих людей все-таки омрачался, и они делались сумасшедшими. Чаше же все-

го случается то, что духи приходят поздно, когда все по-коятся сном, и теряют много времени на вызов, на просьбы идти туда-то и туда-то. Между тем по наступлении утра духи ничего уже не могут сделать и оставляют своих пленных среди дороги, откуда они возвращаются домой сумасшедшими.

Я видел многих, которые вылечились от сумасшествия и уверяли, что видели духов, были в их домах, встретили женщину и пр., и пр. Постоянный образ этих нечистых духов, по уверениям бывших у них, представляет существо, похожее на человека и отличающееся от него тем, что оно имеет рожки и хвост, затем широкие ноги и руки с сильными пальцами, которые расположены, числом шесть, веерообразно друг над другом, и, наконец, — кривой рот с выдающимися по бокам кривыми клыками. На пальцах страшные длинные когти.

Относительно козней Шехаду еще рассказывают следующее: в селении Нуге-Дихе жила одна бабка, Гегей-аа. Однажды позднею ночью пришел к ней один из ее близких родственников и начал стучаться, прося ее к рожавшей своей жене. Та оделась и пошла с ним. Ночь была очень темная, и она не могла сообразить, какой дорогой они шли. Наконец, видя, что дорога затягивается, она спрашивает своего проводника, куда они идут.

«К нам, — говорит он, — только мы идем другой дорогой». Шли, шли они и наконец вошли в маленькую саклю. При входе бабки все встали с мест и стали кругом около двери. Она присела к лежавшей тут же на полу больной и начала ее осматривать. Больная начала кричать, чувствуя родильные схватки, а все, стоявшие кругом, услыша это, стали бить в ладоши и заорали песню:

«Кукле сохди, мумуни, момой! (Сына дашь (сделаешь), будешь жить, бабка!) Духделе сохдиге, мимири, момой! (Дочь дашь, умрешь, бабка!)» При этих словах бабка подняла голову, посмотрела на окружавших ее и замерла от страха. Все были с перестановленными пальцами на руках и рогами на лбу. Тут она поняла, что по-

пала к чертям, и начала думать о своем спасении в случае рождения девочки. Она пошарила в кармане и нашла кусок воска.

Через несколько времени больная родила дочь, и бабка, сделав при помощи воска из нее мальчика и показав им его, начала проситься домой. Черти упрасивали ее оставаться еще на несколько дней, но бабка не согласилась. Тогда черти принесли ей целый подол золотых денег и провели ее до самого ее аула. Тут начало рассветать. Черти рассеялись, и она увидела в подоле вместо денег шелуху лука и чеснока. Она бросила ее и побежала; черти же, узнав, что она их обманула, выдав девочку за мальчика, во все следующие ночи приходили к ней и вызывали ее. Она догадывалась об обмане и не выходила. Но когда черти начали ее беспокоить каждую ночь, она положила на пороге двери кусок железа и прочла главную молитву евреев: «Внемли, Израиль!» Черти исчезли и больше не показывались. Относительно же шелухи лука, брошенной ею, рассказывают, что на том месте действительно была кем-то после этого найдена золотая монета. Вот почему и в настоящее время горские евреи не бросают прямо шелухи лука и чеснока ни в огонь, ни на улицу, боясь этим разгневать чертей, так как это их деньги, а аккуратно собирают ее и, поплевав на нее, сжигают в огне.

Идор относится к невидимым духам и считается властителем растительного царства. В честь его существует праздник, который бывает пред началом весны и называется Шев Идор, то есть Ночь Идора. Празднество состоит в том, что каждая хозяйка собирает в продолжение года всевозможные плоды и ягоды. Некоторые из фруктов заботливо солятся хозяйками, другие сушатся. Во время вечерней трапезы, когда все члены семейства сидят кругом на полу, где на разостланном холсте расставлены тарелки с кушаньями, хозяйка собственноручно приносит на подносе эти плоды и ягоды и приветствует присутствующих словами пожелания здоровья и всех благ. Самый младший из сидящих поспешно встает и принимает

со словами благодарности из рук хозяйки поднос, который ставится торжественно между кушаньями. Хозяин берет один из главных плодов и произносит молитву, приглашая других последовать его примеру. Все с усердием принимаются уничтожать плоды, и хозяйка уходит на свою половину. Через несколько минут поднос пустеет и присутствующие начинают просить Бога, подняв руки к небу, чтобы он ниспослал хороший год и обильное плодородие.

В эту ночь, по поверью горских евреев, все деревья и травы устраивают великий пир, на котором первенствующее место занимают деревья, которых плоды употребляются человеком в пищу. Между деревьями дуб считается царем, а виноград и кизил святыми, ибо первый живет дольше всех, а вторые, будучи райскими, неприкосновенны для червей. Говоря же о неприкосновенности, не надо иметь в виду самые лозы винограда или кизилловые деревья, у которых, конечно, гниют корни, сохнут ветки, а это говорится об их плодах. Во время пира все деревья и травы, разделяясь на группы по виду и роду своему, пляшут и поют на разные голоса.

К утру, окончив пир, все они с музыкой и песнями отправляются к богу плодородия, который произносит каждому из них свой приговор или определяет, кому сколько жить. Между ними самое печальное место занимают тополи и другие неплодоносные деревья и травы, которые, с тополями во главе, тянутся с плачем и воем за плодоносными деревьями и травами также к богу и начинают упрашивать его сделать их плодоносными. Бог не соглашается, несмотря на то что они просят за это укоротить даже их жизнь, и все отправляются обратно с печально поникшими вершинами. Между тем остальная растительность хлопает листьями, шумит, поет песни и восхваляет бога, который идет впереди них, чтобы дать влагу земле. Человек не видит всего этого торжества, но слышит особенный шум, всюду раздающийся в эту ночь, к утру.

В родстве с Идором находится Земирей¹, бог дождя, грома и молнии. Как только начинается дождь, дети надевают наизнанку верхнее платье и папаху (шапку), надевают на голову мешок, глухим концом его; и выходят на улицу, где они, взявшись за руки и кружась то направо, то налево, поют громко песню, призывая имя Земирая. Эта песнь выражает молитву, в которой дети обращаются к Земирею с просьбой послать побольше дождя и целыми «батманами» (ведрами), чтобы растительность могла напиться вдоволь. Во время же засухи горские евреи поголовно собираются на кладбища, постятся целый день и молятся Богу Отцу о ниспослании дождя, а дети, подобно предыдущему, обходят несколько раз кладбища и призывают опять Земирая. В это время некоторые из женщин заняты одеванием лягушек в одежды из шелковых материй. Как говорят они, Богу приятна такая благосклонность человека к низшему водяному животному, которое тоже начинает просить Его о ниспослании дождя, так как вода необходима и этому животному. По всей вероятности, эти церемонии, которые уже постепенно выходят из обычая, представляют остатки прежнего почитания бога Земирая.

В некоторых местечках горских евреев, как, например, Маджалисе, Нуге-Дифо (Янги-Кент) и др., молодые люди и девушки в день открытия весны идут в лес искать шам-агажи (дерево-свечи или елку) и затем ночью из нескольких штук этих молодых деревьев разводят костер и прыгают через огонь, распевая следующую песню:

Шам-агажи, бульбуль-агажн,
Имшиев шев фемияссали.
Иври кокил, пасул мото!

Дерево-свечи, дерево певчих птичек,
Эта ночь — весны ночь.
Да будут на высоте евреи,
Да умрут враги их!

¹ Имя Земирей, вероятно, происходит от слова «зими» — земля, то есть означает существо, заботящееся о плодородии земли ниспосланием дождя.

Девушки же чествуют весну обыкновенно пред праздником Пятидесятницы и почти везде одинаково следующим образом: они берут большой деревянный уполовник или шумовку, надевают на них платье маленькой девочки, завешивают этой кукле, как невесте, лицо платком и ходят группами с этими чучелами по домам своих односельчан собирать подарки. Тут хозяйева дома окатывают водой как чучело, так и девушек, сопровождающих его, а те бегут, хохочут и распевают хором татарскую песню¹:

Гогиль-Гогиль, гун герек,
Тапгала бнзге ун герек.
Турсене, гелпп, турсене,
Сепн кардаш боши учун
Гогиль пойну берсене!

Гогиль, Гогиль (имя обращения), нам
солнце нужно;
Завтра нам мука (хлеб) нужна;
Встань, невестка (хозяйка), встань,
Ради братьев своих
Отдай нам долю Гогиля!

Отсюда и самый этот праздник называется горскими евреями «Гогиль». Вероятно, это то же самое божество весны, как и Земирей, и перешло к евреям от татар, почитающих его.

Гудур-Бой и Кесен-Бой относятся к божествам осени и зимы. В настоящее время почитание их тоже почти оставлено. Но лет десять тому назад я участвовал в празднествах, устраиваемых юношами в честь этих богов. В ноябре, начиная от новолуния и до полнолуния, мы вставали в час ночи и обходили весь аул до утра с песнями. Нас

¹ Так как кумыкский язык, или, как его называют, татарский, считается между племенами Кавказа одним из господствующих и популярнейших языков, то и горские евреи стараются при торжественных случаях сочинять песни не на своем родном, татском языке, а на татарском. На своем же языке у них очень мало существует песен, да и те все выражают одни грустные стороны жизни.

бывало человек двадцать в каждой группе, которые ходили по порядку чрез две ночи. Подходя к сакле горского еврея, один из нас стучался и произносил слово «Гудур-Бой». Хозяин или хозяйка немедленно вставали и впускали нас всех в саклю. Здесь один, знающий наизусть песню про Гудур-Боя, входил в середину круга, составленного другими, и произносил громко слова: «Гудур, Гудур, Гудур-Бой», которыми начиналась песня, на что другие отвечали: «Хоссой, Кесен-Бой». Таким образом продолжалось пение, пока не кончатся все слова песни.

После этого хозяйка давала нам денег, мерку муки и кусок мяса, колбасы из баранины или курдючного сала. Припасы клали мы в мешки, которые носили по порядку. С таким пением ходили мы к каждому еврею-горцу, будили его и собирали подарки: никто нам не отказывал. К концу новолуния мы прекращали свои ночные прогулки в честь Гудур-Боя и устраивали праздник, на который редко не приходили большие. На деньги, собранные от продажи лишних припасов, мы покупали свежего мяса, фруктов, вина, крупы для плова (каши), а кушанье варили нам две женщины, выбираемые каждый год нами по очереди из своих матерей. Деньги же, полученные от хозяев во время наших посещений, мы раздавали бедным.

Обычай этот продолжался, как узнал я, почти до последних годов. Смысл песни представляет очень мало интересного, так как почти во всех местах восхваляются не сами Гудур-Бой и Кесен-Бой, которые шли однажды во время вьюги друг против друга и приветствовали друг друга, а хозяин, от которого ждут получения подарка. Запевалой несколько раз произносится имя хозяина, после чего другие по-прежнему поют: «Хоссой, Кесен-Бой!»

Не меньший интерес представляет, как остаток язычества, также и другое справление праздника весны некоторыми горскими евреями. В городе Кубе и теперь пред наступлением весны собираются все девушки и отправляются в лес. Тут они гадают, собирая известные цветы: подснежники, фиалки и другие — и делая из них себе венки.

Затем пред возвращением домой они собирают целую кучу хворосту, щепок и тащат ее в город сообща с парнями, являющимися к ним вечером. Это сопровождается всевозможными увеселительными песнями и плясками. Принесенная ими куча сучьев зажигается вечером, и парни прыгают чрез высоко пылающий костер.

В других местах то же самое делают под русскую Пасху; тут уж поверье имеет чисто характер иудейства, именно полагают, что дух Иисуса Христа витает в эту ночь над всем миром и грозит евреям бедой и несчастием. Костер разводится с целью отдалить его от еврейских жилищ. Потому в редком из аулов горских евреев нельзя видеть, в ночь под Светлое воскресенье, разведенных повсюду костров. Городские горские евреи совсем не знают этих обычаев.

При справлении горскими евреями некоторых праздников, установленных иудейской религией, также видим остатки прежнего язычества. В ночь под 7-й день праздника «Кушей», называемую «Араво» и проводимую горскими евреями в синагогах и молитвенных домах за чтением псалмов Давида, девушки собираются и, сделав меж собой складчину, проводят время до утра с пляской и песнями. При этом они несколько раз садятся ужинать, смеются и предаются разным девичьим играм и гаданиям о суженых. Для довершения веселья к ним являются юноши и начинают состязаться с ними в искусстве находить ответы на песни, заключающие в себе вопросы. По мнению горских евреев, в эту ночь решается судьба человека и определяется свыше, быть ли ему бедным или богатым, жить или умереть до будущего года и какую смертью. Но особенность этого праздника состоит в том, что, по мнению горских евреев, воды рек к двенадцати часам ночи перестают на одно мгновение течь и потом начинают шуметь и пениться. Кто чего ни попросит в этот момент у Бога, все сбывается.

Рассказывают, что одна женщина жила в высоком доме, из которого на реку выходило окно. В ночь «Араво»

она высунула голову из окна и смотрела на реку, которая должна была перестать течь около 12 часов. Вдруг остановилось течение, река запенилась, зашумела, и из уст женщины вышли невольно слова: «Господи! Сделай голову мою великой!» Что же? Голова ее сделалась до того большою, что она не могла вынуть ее из окна и начала звать на помощь. Только что прибежали домашние, как голова перевесила туловище, и женщина упала в реку, где ее уже не нашли.

Остальные праздники справляются горскими евреями так же, как и русскими евреями, но с некоторыми особенностями, свойственными образу их жизни. Главные праздники — Пасха и праздник Мардохея и Эсфири. К этим праздникам готовятся евреи два-три месяца. Особенно много хлопот причиняют праздники женщинам, которые сперва, сидя днем и ночью, не заботясь о сне, шьют всем домашним и себе новые платья, а затем принимаются за смазку и чистку комнат и дворов. Недели за три до праздника, куда ни идешь, везде видишь женщин и девушек, которые то мажут полы, стены глиной, то белят их, то чистят посуду: словом, всюду кипит работа! Только что настал праздник, как уже все, — начиная с мужчин и мальчиков, которые спешат в синагогу, и кончая женщинами и девушками, которые приготавливают стол до прихода мужчин, — нарядились или в новые, или в чистые платья. Препровождение праздников состоит исключительно в молитве и еде.

С наступлением праздника для каждого члена семьи наступает особенная жизнь, особенное препровождение времени, в котором никто из них не должен мешать другим, но, однако ж, с соблюдением возложенной на каждого из них обязанности. Утром мужчины идут в синагогу, а женщины остаются дома, чтоб убрать комнаты и приготовить обед, состоящий из нескольких (от 5 до 6—7) блюд.

Мужчины старше 15 лет по выходе из синагоги прямо отправляются или к своим старшим родственникам по-

здравить с праздником, причем им подается рюмка водки или стакан вина с маленькой закуской, или к носящим траур, чтобы утешить их и высказать пожелание, чтобы они более не видали таких несчастий. Приходя в гости, они садятся по старшинству и занимаются разговорами, а молодые, неженатые, стоят у двери и слушают. Через каждые полчаса одна группа выходит от хозяев, а другая приходит. И это продолжается часа два-три у каждого горца-еврея, лишившегося незадолго пред тем одного из близких, хотя бы тот не имел в ауле или городе ни одного родственника и даже знакомого. Отдав этот долг, мужчины отправляются в семейства друг друга, где их встречает один из младших членов семьи и приводит в кунацкую комнату к столу, на котором расставлены закуски и напитки доброй и аккуратной хозяйкой дома. Если пришедшие близкие приятели мужа их родственники, то хозяйка выходит из своей половины, подходит к ним и, взяв за протянутые руки, поздравляет их, высказывает свои пожелания и благодарность за посещение. Девушки гостям вовсе не показываются. То же самое происходит в этот день и во всех еврейских домах.

Наконец, около 2—3 часов пополудни, мужья возвращаются домой обедать или посылают кого-либо сказать, что остались обедать там-то, после чего жена отправляет мужу кушанья в тарелках, покрытых платками, или несет сама, если одна дома. Этим кончается обязанность жены, и она, пообедав с детьми, бежит делать свои визиты; точно так же дети и девушки. Женщины собираются у носящих траур и проводят там время до вечера. Девушки собираются также у одной из подруг и проводят праздничный день в танцах, в веселых беседах и песнях.

Два раза в году, на праздники Пасхи и Мардохея и Эсфири Пурим, которые называются у нас Нисону и Хомуну, дети встают рано утром и ходят поздравлять с «новым годом» по домам, где им дают по состоянию орехов, яблок или по одному яйцу, а невесты или невестки их братьев и родственников — по красному яйцу и по пятаку денег.

День пред праздником Хомуну называется постом Эсфери, и горские евреи постятся до 9—10 часов ночи, пока не придут из синагоги.

В эту ночь женщины заботятся о приготовлении альвы из муки или орехов, перемешанных с маслом и медом. В это время юноши взбираются на плоские крыши домов и смотрят в трубы, чтобы узнать, находится ли сковорода или котел на треножке. Как только хозяйка сняла котел, один из них кричит: «Гоя!» — и опускает в трубу на веревке деревянную чашку с двумя ушками. Сигнал «Гоя!» дается для того, чтобы предупредить хозяйку и чтобы сажа не упала в котел. Опустив чашку, куда юноша кладет яйцо, и притягивая ее кверху другим концом веревки, который находится в его руке, он изменяет голос и начинает беспрестанно кричать: «Гоя, гоя!», что означает: «яйца, яйца». Хозяйка пытается вытащить находящееся в чашке, чтобы пошутить над юношей, а опытный юноша не поддается ее уловкам и все кричит: «Гоя, гоя!», то опуская совсем чашку, то сразу поднимая ее.

После долгой возни хозяйка кладет в чашку яйцо, и юноша, крикнув уже своим голосом и сказав фамилию, идет к следующей трубе. Некоторые же из неопытных юношей поддаются хитростям хозяек, которые желают узнать, кто он, и, подняв свою отяжелевшую чашку, находят в ней, вместо своего яйца, тяжелый камень или золу с огня. Юноша вторично опускает, опять такая же шутка; в третий тоже. Он выходит из себя и начинает кричать поддельным, а потом своим голосом и требовать хоть своего яйца. Его узнают, и если в комнате были девушки, то до его ушей доходят разные остроты и «смех резвых плутовок», как говорят о своей неудаче юноши.

Приготовленная альва кладется хозяйкой кругами на несколько хлебов, которые на следующий день отправляют с детьми к знакомым «в знак памяти». Каждая хозяйка делает таким образом и взамен своих получает от других соседок и подруг также по хлебу, смазанному альвой. Так проводят горские евреи первые дни своих праздников.

Самое же веселье начинается для них в следующие дни. Тут каждый, по возрасту, присоединяется к особой группе и занимается приглашением к себе в гости. Гулянья эти называются гезме (обход). Когда отец пирует со своими приятелями и товарищами у себя дома, сыновья и дочери его гуляют со своими сверстниками в других домах. Когда же отец гуляет у своих друзей, то дети, по старшинству, занимаются угощением каждый своей партии. Освободившись от мужа и детей и отпустив их по другим, жена, в свою очередь, также пристает к какой-нибудь группе и проводит с нею время.

Таким образом, каждое семейство в продолжение праздника принимает радушно почти весь аул, угощает его и отпускает с пожеланием «встретить и будущий год с таким же весельем и радостью».

Гулянья старших не отличаются никакими особенностями, кроме того, что они едят и пьют до тех пор, что не могут встать с места, и на месте же пиршества валяются и спят блаженным сном. Женщины также очень мало в этом уступают мужчинам. Но молодежь предается не пьянству, а танцам и песням, между которыми бывают большие перерывы, назначенные для закусывания. Необходимую принадлежностью каждой группы считаются накире-зурнай (национальный музыкальный инструмент, состоящий из зурны и барабана) и мааничи (певец). Сопровождаемая музыкой, играющей ерден-куи (плясовую), молодежь, имея во главе своих шахов, визирей и хаджи (сенаторы и судьи), переходит из дома в дом, собирая дань, состоящую из десятка—пятка яиц, мерки крупы и куска мяса, и, наконец, вся партия останавливается у одного из гуляющих. Тут моментально являются девушки, которые по очереди выходят танцевать с молодыми людьми лезгинку.

Если же нет девушек и они на своих гулянях, то девушку заменяет один кавалер, взяв в руки большие платки, означающие длинные и широкие рукава женской одежды. Во время антрактов певцы под звуки своей балалайки поют заунывным голосом какую-нибудь горскую поэму на

лезгинском языке. Девушки веселятся точно так же, но только без музыки и певцов и в тесных пределах приличия, соблюдение которого требуется под страхом наказания от каждой горской девушки. Наказать же ее может не только отец, но и братья. Последние играют главную роль при выдавании девушки замуж. Они, против воли всех, могут выдать или нет свою сестру за сватающего ее жениха, даже не спрашивая позволения ни у отца, ни у матери, ни у сестры.

Не говоря уже о европейском образовании, на которое горские евреи смотрят крайне неприязненно, даже и иудейское проникло в общество в самых ничтожных размерах. Причиной неприязненного взгляда горских евреев на европейское образование является фанатизм, доведший их до крайнего невежества, и опасение, чтобы дети их не делались машу-мадами, или отступниками, какими они считают русских евреев. Некоторые аулы имеют только двух-трех грамотных, на обязанности которых лежат все письменные дела целого аула. Большинство евреев не умеет не только написать, но даже и прочесть двух слов Священного Писания и молитв. Лет десять—пятнадцать тому назад грамотных совсем не было между горскими евреями, и редко кто из них знал или имел понятие об обрядах своей религии. Только с покорением Россиию Кавказа горские евреи, по примеру русских евреев, начали отдавать своих детей в ученье, и число грамотных немного повысилось.

Под рубрикой «грамотных» в моих статистических сведениях сказано: в аулах 557, в городах 767 и всех 1824. Из этих данных видим, что на 4090 дымов, или на 21 129 душ, приходится только 1324 грамотных, что составляет 6,26%, то есть почти на 16 человек 1 грамотный. Относительные же числа грамотных выражаются следующим образом: 1 грамотный приходится в аулах, по дворам на 21,53 двора, в городах на 5,08 двора и вообще на 13,30 двора. По душам: в аулах — 5,55%, в городах — 6,91%, и вообще 6,23%; из этих чисел мы видим, что чис-

ло грамотных в городах гораздо больше, чем в аулах, даже и против общего числа. Число учащихся грамоте в настоящее время доходит (в низших училищах) до 950 и составляет приблизительно 0,05%, или один ученик на 8,25 двора или 22,24 души.

Число же учащихся в высших заведениях для получения диплома рабби (раввина) составляет меньше 1% по отношению к мужчинам и детям мужского пола; но большего требовать, судя по материальному положению горских евреев, и невозможно. Большинство их, не имея ни собственной земли, ни домашнего скота, ни даже убогой сакли, принуждены наниматься на разные работы, которые далеко не вознаграждают потраченных трудов их, и в то же время заботиться о воспитании детей и о школах. Мало того, сажая ребят за книги, они лишаются помощников, необходимых рабочих рук в семействе. Не меньшей помехой для получения детьми образования служат и самые школы с их обстановкой.

Притом и сами учителя, под руководством которых дети должны обучаться грамоте, совсем не подготовлены к своей обязанности и не менее учеников нуждаются в образовании. Научившись мало-мальски переводить Талмуд на свой татский язык под руководством своих рабби, ученики эти изучают обряды обрезания и богослужения, чем и обуславливается получение свидетельства на звание раввина, резника и учителя. Вот эти-то ученые, которые, как я сказал, едва-едва объясняются по-древнееврейски и с трудом понимают Библию, берутся за просвещение молодых умов и воображают, что они открывают им бог знает какую премудрость.

Училища делятся на два разряда — высшие и низшие. Как те, так и другие содержатся раввинами и не зависят от обществ. Но преподаванием в высших училищах занимаются те, которые получили некоторое солидное образование или на родине, или в России и известны всем своею ученостью. Таких раввинов считается на всем Кавказе только пять-шесть, и двое из них называются глав-

ными раввинами. Они поставлены правительством, и в ведении одного находится Северный Дагестан, Бакинская губерния и Закавказье, а другого — Южный Дагестан и Терская область. Кроме обязанностей, возложенных на рабби правительством и состоящих в переписи народонаселения и в выдаче метрических свидетельств, они исполняют роль духовных судей, то есть решают семейные тяжбы, выдают разводы, говорят проповеди на больших праздниках в синагоге. Они же открывают высшие училища.

Высших училищ насчитывается на всем Кавказе пять с 50 учащимися во всех, и два из них содержатся главными раввинами, людьми, считающимися довольно образованными, знающими хорошо учение Талмуда, законы и обряды иудейской религии, и знакомыми даже с еврейской литературой. Один из них, Яков Ицхакович Дербентский, считающийся горскими евреями за благочестивейшего, получил образование под руководством своего отца и сделался вскоре после его смерти пастырем своего народа. Другой, Хазкель Абрамович Мушаилов, занявший место моего отца года четыре-пять тому назад, воспитывался в России, у русских евреев, и также знает порядочно русскую грамоту. Остальные же раввины или очень плохо знают еврейские науки, или ничего в них не смыслят, заботясь только об искусстве резать скотину так, чтобы она не сделалась «трефной», и тем приобрести уважение и расположение своих односельчан. Если к этому прибавить богослужение, которое совершает тот же резник своим, приятным для слуха горских евреев, монотонным голосом, распевая каждую молитву на особые лады, то он царь в селе своем, и положение его вполне обеспечено: все довольны им и считают его за ученого. Подобные субъекты занимаются преподаванием в низших училищах, которые они также открывают на свой счет.

Как низшие, так и высшие училища помещаются обыкновенно или при синагогах, или в домах раввинов. Для того чтобы дать некоторое понятие об училищах гор-

ских евреев, я опишу обстановку и методу преподавания в одном училище, где я провел свое детство и которое считалось высшим учебным заведением. В это училище приезжали со всех концов Кавказа, чтобы получить раввинское свидетельство, которое выдавалось ученикам по истечении четырех лет.

Училище состояло из одной большой комнаты, довольно светлой и с окнами в европейском вкусе. Возле четырех стен стояли длинные, вроде скамеек, низенькие столы, за которыми на полу, поджав ноги под себя, сидели ученики; на первом месте кун-зевер (высший угол), то есть у противоположной от двери стены, стоял четырехугольный столик, за которым на пуховой подушке сидел рабби; на правой стене помещались полки, на которых красовались в кожаных переплетах священные книги громадных размеров; полки эти, окруженные карнизом и закрытые спереди стеклянными дверьми, представляли род шкафа и считались священным местом, назначенным только для книг духовного содержания, так как для светских книг был рядом маленький шкафчик. Книгами духовными считались: Пятикнижие Моисея, писания пророков, Талмуд и другие, а светскими — книги общеобразовательного содержания, как, например, физика, химия, космография, романы, повести, речи и пр., переведенные на древнееврейский язык. Весь пол был устлан персидскими коврами.

Всех учеников было в училище около 45, из которых человек десять были маленькие — азбучники, а остальные — большие с бородой — библейцы и талмудисты, то есть, те которые изучали Библию и Талмуд. Они делились на несколько групп, человек по восьми—десяти в каждой, которые учились по отдельным книгам, различающимся по степени их трудности; курс начинался, не считая азбуки, складов и чтения, переводом первой книги Моисея, Бытия, затем проходили Исход и еще остальные три книги. Это был первый курс и назывался мугра (простое чтение и перевод). После книг Моисея начиналось Писание пророков, или, как оно называлось, Бист-чор и Мишне,

которые составляли второй курс. Наконец, проходило несколько книг Талмуда и две-три книги светского содержания, что составляло 3-й курс. Те, которые имели желание получить раввинский диплом, учились еще один год и проходили за это время законы резания скотины, анатомирование животных и обряды богослужения.

По окончании каждого курса упомянутые группы приглашали в гости своего учителя с несколькими стариками и давали обед. Тут родители учеников благодарили рабби за труды и дарили его деньгами или новым платьем. По окончании же полного курса учениками рабби приглашал из других мест ученых и назначал экзамены, которые назывались досдур. Экзамены производились следующим образом. В училище, откуда убирала скамейки, сидели старики-ученые на подушках, начиная с раввина от первого места, кругом около стен и некоторые из мирян, пришедших слушать, а кончающие курс располагались по обеим сторонам двери. Пред рабби стоял его стол, на котором была навалена груда книг. Ученики вызывались по очереди и садились около рабби, лицом к ученым экзаменаторам, рабби открывал какое-либо толкование из Талмуда и других книг и заставлял переводить и разъяснять смысл каждого толкования. При этом каждый из присутствующих экзаменаторов предлагал вопросы и спрашивал, на основании какого текста из Библии составлено такое-то толкование, кем и как и где найти тексты. Ученик должен был сказать эти тексты по-древнееврейски и сразу указать их место в книгах; затем спрашивали его о правилах точить, править ножи, которыми должно резать различных животных и какого они должны быть размера в вершках по роду употребления и, наконец, как резать и какие молитвы произносить при этом.

После того спрашивали анатомию животных, какие жилы и нервы в каких органах, где их искать и как вынуть из годного мяса и при каких повреждениях легких и костей мясо считается кошерным (годным) или «треф» (негодным). Эти два отдела — правила ножей и законы о

годности и негодности мяса — составляют самую трудную и серьезную часть экзамена. На следующий день производилась поверка на практике. Ученики точили ножи и резали каждый по курице, по барану и по одной корове. Те из них, которые нехорошо владели ножами, оставались безусловно еще на год. Из самого требования на экзаменах видно, что будущие пастыри выходили не более как ремесленниками и полными невеждами. После экзаменов приглашались раввином все мужчины и давался торжественный ужин в честь кончивших курс.

Не менее интересно самое учение в училищах и обхождение раввина со своими учениками. Для этого опять представлю училище того же рабби, которое оставило во мне самое тягостное воспоминание. Ученики должны были быть в сборе около 8 часов, а в 9, совершив свою утреннюю молитву и завтрак, являлся рабби. Забота об уборке училища или содержании его в чистоте лежала или на жене и дочерях рабби, или на маленьких учениках; прислуги не было вовсе, потому что содержание училища, как говорил рабби, стоило ему очень дорого, и грошовая плата за учеников едва покрывала расходы.

Ужасно бывало жалко смотреть на жену рабби и дочь, которые, вставая ежедневно рано утром, выносили ковры, подметали пол, топили печь и носили на спине из далекого фонтана воду, делая каждая по пяти-шести раз в день это путешествие и несмотря ни на какую погоду. Подметать училище и убирать его лежало на обязанности учеников, как условливался рабби при поступлении их в школу, но ученики приходили нарочно поздно, и училище часто оставалось неубранным. Рабби горячился, выходил из себя и бросался с кнутом попеременно то на младших учеников, то на жену свою с дочерьми, нередко последних избивал до того, что они по целым неделям не могли показываться от синяков. Заметьте — такие варварские наказания претерпевали жена и дочь главного раввина, человека ученого и почти единственного по своему завидному положению между евреями-горцами!

Но иногда бывало жалко и самого рабби, который с утра до поздней ночи бегал по служебным делам общества, принимал того, другого, третьего по разным семейным неурядицам, выдавал разводы, бегал к умирающим и, наконец, занимался с 45 учениками. Часто ему приходилось не обедать и не ночевать дома. Помощника не было, и он один тянул лямку и выбивался из сил.

Помимо всего этого, его страшно огорчали ученики невносом платы за учение. Расходы шли ежедневно, а прихода не было. От общества же получал он 600 руб. в год, которых тоже едва хватало на содержание семьи и училища.

Придя в училище, ученики садились по местам, начиная от рабби старшими и кончая около двери младшими, так что середина комнаты оставалась пустою. Занятия начинались так: по приглашению рабби группа старших садилась кругом стола, а остальные начинали повторять громко свои уроки. В руке рабби находился постоянно наготове длинный прут, которым угощал он, не вставая с места и протягивая только руку, младших учеников, переставших читать громко уроки. Почувствовав боль на спине, они поднимали отчаянные вопли и крики, между которыми иногда неясно слышалось чтение какого-либо места из их урока, начинали изо всей силы качать головами, сгибая и разгибая все туловище, чтобы показать свое усердие. Крики их бывали до того громки, что за две, за три улицы можно было их слышать. Из сидящих вокруг стола рабби — один начинал кивать головой и читать урок по книге, а другие слушать. После этого начинал второй и тоже переводил с древнееврейского на горский язык. Иногда рабби останавливал их и растолковывал непонятные места.

Если же ученик плохо знал урок, то борода ученика тоже не спасала его от наказания: с быстротой молнии ему наносилась пощечина, а иногда и удары нагайки. После этого начиналось задавание урока. Ученики слушали со вниманием, а рабби читал, переводил и объяснял тол-

кования. Окончив урок, он заставлял повторить одного способнейшего, и потом по очереди других. Затем приходила другая группа, третья, и занятия продолжались до обеда. Обедать отпускал он на два часа и как раз в 12 часов. В два часа опять все должны были быть в сборе. Но ходили обедать большею частью только старшие ученики, а младшие ели кусок хлеба с говядиной или сыром, и плоды, принесенные ими утром. Зимой, в дурную погоду, рабби вовсе не выпускал учеников из училища, чтобы они не приходили с грязными ногами.

Понятно, такой непосильный труд и сидение в течение всего дня на одном месте выводили из себя маленьких детей, которым училище не представляло ничего, кроме скуки и истязания. Те, которые готовились к званию раввина или резника, спокойно переносили трудности школьной жизни, но мальчишки, которых не занимала никакая будущность, тяготились этими порядками и побоями и, раз убежавши из школы, ни за что не хотели вернуться в нее вторично. Подобная жизнь, если не хуже, ждала учеников и в низших училищах. Там они исполняли обязанности и школьной прислуги, и учеников.

В отсутствие рабби, что бывало очень часто, на его место садился один из старших учеников и исполнял роль учителя. За незнание урока или за какую-нибудь шалость он наказывал маленьких еще хуже, чем рабби, поэтому в отсутствие рабби в классе не бывало ни одного маленького, за что им, конечно, очень строго доставалось как от рабби, так и от их родителей. Однажды жена рабби заболела, и дочь гостила у дяди, в другом ауле; вместе с этим начались в училище различные беспорядки; оно оставалось по три дня не подметенным, не топленным, и ученики терпели от жажды. Дня два-три рабби заставлял нас, маленьких, следить за нуждами училища и исполнять их, но чрез несколько дней мы вовсе перестали ходить, говоря, что нас заставляют работать для старших. После этого рабби прочитал нотацию старшим, и когда один из них ответил довольно дерзко, то рабби дал ему пощечину; ученик, долго не думая,

ответил ему тем же, и началась драка между учителем и учеником... Это было причиной закрытия училища.

Другого выхода не было. Получая от маленьких по 2 руб. 40 коп. в год, а от больших по 8—10 руб., рабби собирал всего около 200 руб., на которые должен был покупать скамейки, нанимать училище, топить его, доставлять воду для 45 человек, нанимать еженедельно женщину для мытья полов и пр., и пр. Согласитесь, что невысказанно сделать все это на 200 руб., не считая тут и труда над учениками. От этого редко какое училище держится более 5—6 лет и наконец закрывается. Это относится к высшим, а о низших нечего и говорить, потому что они открываются резниками, большею частью не имеющими совести и угнетающими детей, а такие учителя меняются ежегодно и кочуют из аула в аул. Несмотря на печальное положение училищ, общества не принимают в них никакого участия. Может быть, они были бы готовы содержать училища, но, видно, не хватает на это средств.

Вот главные причины жалкого состояния образования между горскими евреями и упадка духовного развития народа. Между тем мы видим в этом народе истинное желание получить образование, и каждый отец дает последнюю трудовую копейку, чтобы сын его сделался грамотным. Это мы видим, во-первых, из сравнения статистических данных о числе грамотных у путешественника по Кавказу Иуды Черного за 12—15 лет тому назад, с числом грамотных между горскими евреями в настоящее время. У Черного говорится, что в Дербенте найдется около 20 человек, знающих немного еврейскую грамоту, а теперь находим их около 120 человек; в Араге 8 — теперь приблизительно 55, в Кубе 30 — теперь 460, так что средним числом выходит в каждом месте почти в 10 раз более прежнего. Во-вторых, сравнивая стремление к грамотности у горцев-евреев и горцев-мусульман, мы заметим, что оно у первых почти в 3 раза больше, пропорционально дымам и душам в аулах. Так, например, в Кюринском и Кайтако-Табасаранском округах мы находим у мусульман:

КАВКАЗСКИЕ ЕВРЕИ-ГОРЦЫ

	Дымов	Душ	Мулл	Училищ	Учеников
В Маджалисе	177	786		1	1
В Рукеле	211	1014	1	1	10
В Мугатыре	125	681	2	1	9
В Гемейды	122	631	2	2	12
В Янги-Кенте	144	721	2	1	5
В Нитюге	25	140	1	—	—
В Аглаби	9	30	1	—	—
В Хангала-Кала	18	79	1	—	5
В Араге	83	395	1	—	10
В Карачаге	79	493	1	—	20
В Мюджи (Бак. губ.)	45	439	1	—	—
В Варташене (Елиз. губ.)	42	233	1	1	10
И Т О Г О	1080	5702	15	7	86

Те же аулы дают для горских евреев:

Дымов	Душ	Мулл	Училищ	Учеников
898	5414	20	15	201

Из этих чисел мы видим, что, составляя в тех же аулах гораздо большее количество населения, татары имеют меньше на 5 учителей, на 8 училищ и на 115 учеников; или иначе:

1 училище приходится У татар — на 154,3 дыма
У горских евреев — на 59,86 дыма

1 ученик У татар — на 12,55 дыма
У горских евреев — на 4,46 дыма

1 ученик по числу душ У татар на 100 — 1,5
У горских евреев на 100 — 3,72

Говоря о грамотности, следует заметить, что под грамотностью разумеется у евреев только умение читать молитвы и писать письма. Читают горские евреи тоже не

так, как русские или европейские, отчего последние очень мало понимают, присутствуя на их богослужении. Это происходит от того, что в языке европейских евреев, составляющем жаргон языка того народа, среди которого они живут, нет звуков, свойственных восточным языкам, и, кроме того, горские евреи сохранили некоторые архаические черты в произношении отдельных еврейских букв.

В самых обрядах богослужения и в содержании молитв находим также значительное различие между горскими и европейскими евреями, особенно в праздничных днях.

Синагога или молитвенный дом бывает построен почти везде по одному типу и представляет собою большую комнату, освещенную большими окнами, сделанными в трех стенах, кроме западной. Пол устилается коврами, на которые садятся, поджав под себя ноги, горские евреи кругом около стен и несколькими рядами по середине. В западной стене находится шкаф с золотыми в иных городах галунами наверху и львами по бокам — кивот Завета. В нем помещаются свитки из пергамента, на которых написаны заповеди Моисея и серебряные короны с колокольчиками, которые надеваются на верхние рукоятки свитков во время поднесения их к молящимся для прикладывания.

Сбоку кивота стоит кафедра, в рост человека, составляющая престол, где рабби совершает богослужение. Над престолом и по бокам его находятся изображения некоторых святых мест в золоченых рамах. Посреди синагоги находится другая большая кафедра, на которой, обращаясь к западу, рабби читает три раза в неделю — по субботам, понедельникам и четвергам — заповеди и говорит проповеди. Пред чтением каждой главы заповеди рабби приглашает одного из молящихся и благословляет его, за что тот по состоянию жертвует деньги или свечи в пользу синагоги. По большим праздникам эти благословения продаются с аукциона (от 1 руб. до 3—4), и деньги опять идут в пользу синагоги. Эти сборы составляют капитал, который исключительно идет на ремонт синагоги, на общественные купальни и воспитание сирот.

Богослужение совершается следующим образом: у престола стоит рабби и читает известные молитвы на древнееврейском языке, а за ним по молитвенникам читают тихо и грамотные. Остальные же, не понимающие по-древнееврейски и называющие себя «ам-хоориц» (что означает по-древнееврейски «инородец или неграмотный»), слушают, сидя или стоя при различных моментах богослужения, и произносят «Борухо-борух-шемё» — «Да будет благословлено Его имя», и после каждой молитвы, произнесенной рабби, слова: «Благословлен Ты, Предвечный Боже наш». В тех же местах молитв, при которых должно стоять и, читая про себя, делать несколько поклонов, они также стоят и следят в упор за каждым движением рабби. Сделает он поклон — они тоже, скажет он «аминь» — они также, не давая себе отчета, за что поклон и после чего «аминь». Многие, даже большинство евреев, вовсе не знают даже о существовании главных молитв евреев.

Кафедра, престол и кивот Завета находятся у западной стены, куда и обращаются горцы-евреи со своей молитвой к Богу, что составляет противоположность направлению, к которому обращаются европейские евреи, то есть те молятся на восток, а горские евреи на запад.

Женщины не допускаются в синагогу, и ни одна из них не умеет читать молитв. Некоторые из богобоязливых старух приходят в переднюю синагоги по субботам и большим праздникам и стоят у окна или двери синагоги, чтобы видеть заповеди и послушать богослужение. Женщины вообще очень мало заботятся о молитвах, предполагая, что от них, обиженных природой и несовершенных людей, не требуется многого. На них возложены религией три обязанности: первая состоит в том, чтобы каждая хозяйка приветствовала субботу в пятницу вечером зажжением двух маленьких восковых свечей и чтением при этом молитвы; вторая — соблюдение телесной чистоты (наз. «нидо») в продолжение 15 дней после месячных очищений; третья обязанность в том, чтобы женщина при печении хлеба от-

резала кусок теста с произнесением при том установленной молитвы и бросила его в огонь. Кусок этот, изображающий собою жертву, носит название «хало».

При месячном очищении, прежде чем женщина совершит первое омовение, ей воспрещается законом зажигать субботние свечи и отрезать хало, так как при них нужно произнести молитвы, а она в это время считается нечистой. На 15-й день она отправляется на реку, взяв с собою мальчика и женщину подругу, или в общественную купальню, где совершает «второе омовение» и становится чистой. Мальчика берет она для того, чтобы он стоял поодаль и шел ей навстречу после омовения. Горские еврейки думают, что у них непременно родится дитя, которое будет иметь вид того человека или животного, которого встретили они сейчас после «омовения». Рассказывают, что многие женщины встречали змею, корову и рождали детей, имеющих подобие этих животных; поэтому, выбирая кого-либо из своих или чужих детей для встречи, еврейка заботится, во-первых, чтобы он был мальчик, так как девочки не особенно ценятся и считаются чужим добром, и во-вторых, — чтобы он был красивый. Это относится, конечно, только к женщинам, потому что девушки, идя «на омовение», не берут никого, кроме подруги, — девушки же. Соблюдая эти обязанности и не изменяя мужу, горские еврейки вполне надеются попасть в рай, хотя бы даже не обращались ни разу к Богу с молитвой.

ГЛАВА 2

Тип и характер. Праздность и любознательность горских евреев. Женщина — труженица семьи. Склонности женщин к сплетням и дракам. Многоженство. Жилища и гостеприимство. Пища и напитки. Одежда. Домашний быт горских евреев. Булка. Сугум. Обряды при рождении и обрезании

Переходя к характеристике типа горских евреев с внешней и внутренней стороны, мы должны заметить, что черты семитского типа в них значительно видоизменены путем смешения с туземными племенами Кавказа. Характеристические черты внешности еврея-горца составляют: смуглый цвет кожи, средний и часто высокий рост, стройное телосложение, тонкое в поясице и широкое в плечах, вдавшиеся черные быстрые глаза часто с желтоватым белком, черные брови и борода, большой орлиный нос и слегка выдавшиеся скулы — черты, которыми горский еврей очень много походит на лезгина, чеченца, черкеса, а иногда и на армянина и очень мало на европейского еврея.

В красоте мужчины много уступают женщинам, которые имеют круглое или продолговатое, белое лицо, часто очень бледное, черные большие глаза с длинными ресницами, длинные черные волосы на голове, достигающие у иных до колен, тонкие бледные губы, прямой, заострен-

ный немного в конце нос с маленьким возвышением у переносья, удлиненный подбородок, высокую грудь, узкие плечи, тонкую талию и средний рост. Несомненно, что бледность лица горских женщин, как и всех женщин Востока, зависит главным образом от затворнической жизни и от того жалкого и рабского положения, которое они занимают в семье.

Природа имела громадное влияние на развитие характера горского еврея, следовательно — и на его занятия. Вот проскакал он мимо вас вооруженный с головы до ног, на бодрой лошади; там в изодранном костюме своем лезет он по горам, карабкается между скалами, рубит дрова или выкапывает пни и корни кустарников, которые несет на согнутой и избитой спине своей; там копает он в поле землю, пашет, выделяет вина, срывает плоды с деревьев; там опустил в глубокое корыто с водой около бассейна, засучив штаны выше колен, и топчет изо всей силы сырые кожи — и наконец вот он свободен. Тут забывает он не только о прошедшем, о вчерашнем труде своем, но перестает думать вовсе о будущем, о завтрашнем куске насущного хлеба.

И это праздное препровождение времени и беспечность, этот праздный разгул за ведрами вина или штофами водки с шашлыком, это расхаживание из дома в дом и по всему аулу с шапкой набекрень и черкеской или шубкой внакидку, эти беседы и всевозможные мечты возле лавок или на лавках около домов, на овчере (сельская площадь, где бывают народные собрания), перед синагогой или резницей и вообще это переливание из пустого в порожнее продолжается не день, не два и не недели, а иногда целые месяцы. Даже становится досадно, когда постоянно встречаешь одного и того же субъекта занятого или игрой в шахматы, или перерубанием на пари острым кинжалом нескольких арбузов, поставленных в ряд. Такие забавы в большом ходу в аулах и производятся на площади. Кроме того, они держат пари съесть столько-то фунтов винограда или тутовника (ягоды шелковичного дерева),

столько-то арбузов, дынь, яиц, мерок груш, слив и пр., которые продаются мальчишками тут же на площади.

Завидя какого-либо приезжего, эти праздношатающиеся собираются вокруг него, спрашивают, откуда он едет и куда, к кому, зачем и какие у них слышны новости. Горцы вообще очень любят слушать приезжего, что бы тот ни говорил, верят словам его и передают новости друг другу и всему аулу, сделав по обыкновению из мухи слона. Нередко они приглашают с площади же к себе гостей, если те не имеют еще кунаков в ауле, и завидуют тому, кто имеет приезжего гостя с массой новостей. Они любят также рассуждать о политике и часто, сидя на лавках или камнях на площади, толкуют о военных действиях того или другого государства.

В горской женщине мы видим постоянную труженицу семьи. Все трудные работы в хозяйстве возлагаются на женщин, и они не имеют свободной минуты на то праздное созерцание природы и пустые мечты, которыми так часто бывают заняты мужчины. Вот они идут чуть свет, когда мужчины еще наслаждаются утренним сном, целую гурьбой, согнувшись под тяжестью медного или глиняного кувшина с водой; вот они тащат навоз в носилках к мельнице, где бросают его в реку, или несут его в поле, для сожжения; вот они доят буйволиц, дают им корм, очищают конюшни, делают из навоза и самана (соломы) тестообразную массу, из которой образуется впоследствии кизяк, колют дрова, идут печь хлеб в чужих печках, если не имеют своих, мажут крыши, белят стены, ходят на полевые работы (у бедных)... словом — нет конца их ежедневным трудам. Кроме того, шитье платья на все семейство и стряпня лежат на их обязанности.

Вообще же, говоря о труде, они ничуть не выставляют себя перед мужчинами, и каждая жена, дочь, мать считается тем лучшей хозяйкой и мастерицей, чем больше и неутомимее она работает. При этих прекрасных качествах горские еврейки имеют, однако, одну нехорошую склонность, которая ставит их в глазах мужей и родственников

очень низко и часто служит причиной семейных раздоров и многоженства. Это — склонность к спорам, постоянным сплетням и дракам, которые очень часто заводятся между женщинами из-за каких-нибудь пустяков. Чуть произошло в ауле что-нибудь, сейчас соберутся женщины, пустятся в рассуждения, поспорят, поругаются и в конце концов подерутся. Эти споры в связи со слухами передаются другим, те третьим, четвертым, — пока дойдет до мужа, отца, брата, которые, не откладывая дела в дальний ящик, производят сейчас свой суд и жестоко наказывают виновницу молвы.

Помимо того что женщина должна ходить пред мужем, как говорится, по струнке, угождать всем его желаниям, прихотям и капризам, — также и подобные сцены бывают причиной семейного разлада. Строгий муж, в наказание жене, женится на другой и оставляет первую без всякого внимания, предоставляя ей, однако ж, все то, чем она пользовалась прежде как один из членов семьи, то есть пищу, одежду и особое помещение; подобное наказание продолжается иногда несколько лет, иногда даже всю последующую их брачную жизнь. Считая ее своей женой, так как он одевает ее, обувает и защищает от голода, холода и обиды и не имея с ней супружеских отношений, строгий муж требует от нее прежних трудов, услуг и рабского подчинения: она безропотно должна переносить все это, тем более если имеет детей.

Но не одни подобные сцены и дурной нрав жены служат причиной двоеженства: многие женятся на другой просто из-за чувственных побуждений, прожив с первой женой лет десять и нажив с ней кучу детей. Конечно, женщина, будучи удручена постоянными трудами и заботами о муже, детях и жертвуя для их блага своим спокойствием, здоровьем, скоро начинает стареть и на лице ее начинают показываться морщины. Чувственному мужу не нравится это, и он берет себе другую, более свежую и молодую женщину или девушку. Часто причиной двоеженства является также и бездетность.

Многоженство не воспрещается горцам-евреям религией, поэтому часто можно встретить и раввинов, имеющих двух жен. Число жен не ограничено адатом, но редко встречаешь таких, которые имели бы трех жен. Женатых на двух бывает в каждом ауле или городе около пяти-шести и приблизительно человек десять на сто дымов. Жены живут или вместе, имея по особому помещению, или порознь в особых саклях, и муж посещает их поочередно. Находясь постоянно под надзором мужа и боясь, чтобы он не лишил которую-нибудь из них своего внимания, они, по-видимому, живут мирно между собою, и вторая из них, желая угодить мужу своим великодушием, обслуживает первой и старается тем удержать мужа в симпатии к себе. Но зато грызутся же они в отсутствие мужа!

Часто бывал я еще мальчиком свидетелем подобных зрелищ между женами двоюродного брата. Они не стеснялись меня, и я мог слышать постоянно, чем и как укоряют они друг друга. Нередко споры и драки их доходили до побоев, при которых били друг друга до синяков, царапались до крови, — но, как только появлялся муж, как будто ничего между ними не бывало: сидят рядышком, разговаривают, смеются, между тем как сейчас же по выходе мужа принимаются снова за руготню и драку. Часто, бывало, вижу я, как они ропщут на судьбу, плача навзрыд или захлебываясь, рвут в отчаянии волосы, дерут нежные, бледные щеки до крови, бьют себя в лоб и грудь кулаками, кусают себе руки... и мне становилось ужасно их жалко и жутко: я, бывало, тоже плачу, бросаюсь, разнимаю их руки и прошу, умоляю не плакать. Тогда, конечно, я не понимал причины их споров и раздоров и плакал вместе с ними, утешая то ту, то другую своими детскими словами.

Дети разных жен, находясь в постоянном страхе быть наказанными отцом, несмотря на то что «мамы» ругаются и дерутся между собою, живут почти вместе, вместе воспитываются, играют и принуждены видеть и слышать все мерзости, происходящие между соперницами!

Жилища евреев-горцев, живущих в аулах, представляют каменные постройки — сакли, а городских — дома в европейском вкусе и с азиатским убранством. Некоторые же богатые горцы имеют и европейские комнаты с порядочной мягкой мебелью, которые служат приемными для гостей-русских и в другое время не бывают почти обитаемы. Сакли выстраиваются или самими хозяевами, или каменщиками. Наружные стены их большею частью голые, за исключением передней стороны, которая, как и внутренние стены, смазывается глиной, смешанной с саманом (соломой). Они белятся известью, добываемой горцами-евреями из местного камня в доменных печах, или мелом, смешанным с глиной (белая глина), встречающимся в горах повсеместно. Нижняя часть выбеленных стен выкрашивается красной или серой глиной, также местной.

Потолок состоит из балок, расположенных параллельно по ширине комнаты и лежащих одними концами на передней и задней стенах, другими на средней широкой балке, идущей в длину сакли и подпертой посредине сакли толстой дубовой подставкой, украшенной вырезанными фигурами и цветами. Редко в какой сакле отсутствует эта подставка. Сверху балок кладется камыш, потом солома, которая смазывается глиной. Таким образом составляется плотная крыша. Концы передних балок выходят наружу аршина на два и, будучи смазаны вместе с крышей, образуют навес, служащий для прикрытия от дождя или жары в летнее время и называемый балконом. Сакли состоят обыкновенно из двух или трех комнат, имеющих каждое особое назначение. Одна из них отводится для женщин, другая для мужчин, третья для гостей.

Самую грязную часть сакли составляет женская половина, самую опрятную и прибранную — кунацкая комната. В женской комнате помещается кухня, детская, кладовая, место для белья, для сушки мяса, — и все это в одной комнате. Около стен с одной стороны находятся «хумы» (глиняные сосуды, громадной величины, часто до 2 аршин

вышины), служащие для вина, муки, моченых и соленых плодов, отрубей, — ковровые мешки, набитые пшеницей, и дрова, сложенные аккуратно хозяйкой; с другой стороны находятся три каменных столба, на которые кладется доска и навешивается коврик. Это составляет полку для детской и лишней постели и тряпок.

За ковром под полкой находится лавка, на которой ставятся в ряд горшки и сосуды, содержащие молоко, сыр, масло, крупу и пр. На третьей стене, справа налево, навешивается занавесь, составленная из пестрых треугольных кусочков разных ситцевых материй. Над занавеской, под потолком в стене сделаны две полки, на которых красуются различная стеклянная посуда, бутылки и чашечки, подальше от рук детей.

Под полками на колышках, вбитых в эту стену во всю ее длину немного выше занавески, висят по бокам два зеркала, бутылки и графинчики, привязанные веревочками за горлышки, большие и маленькие тарелки, служащие для горячей пищи и вместо подносов.

В четвертой стене находятся: дверь, окна, камин и две ниши. Камин устраивается обыкновенно из глины, в стене, и имеет открытое отверстие параболической формы. Помещается он как раз посередине стены и имеет прямую трубу. По бокам камина, около почетного места, сделаны в стене две квадратные ниши, в которых стоят кувшины с водой, подсвечники, солонки и прочие мелкие вещи первой надобности. Эти ниши помещаются от пола на вышине полуаршина.

По бокам ниш, немного выше их или на одной высоте с нижним их основанием, находятся, смотря по размеру комнаты, по одному или по два окна, которые у богатых — со стеклами в рамах и толстыми дубовыми ставнями топорной работы, а у бедных — без рам и стекол. На этой стене сверху, на одной высоте с прежними вещами, висит на колышках или гвоздях различная медная посуда, употребляемая в кухне, как то: различные ложки, цедилки, чашки, тарелки, подносы и пр.

Почти в углу, в месте соединения первой стены со второй, вделывается дверь. Ставни и двери вращаются на круглых наконечниках, помещенных в отверстиях вверху и внизу, и не имеют петель, они запираются изнутри посредством деревянных засовов. Сверху двери на длинных, вбитых в стену колках помещается корыто с мукой и куском кислого теста, служащего вместо дрожжей. Каждая хорошая и аккуратная хозяйка должна иметь постоянно у себя дома кусок кислого теста и тлеющие угли в камине, а не ходить просить к соседкам. Поэтому летом, после приготовления пищи, зимою в отсутствие всех домашних — хозяйка зарывает головни в золу и тем приобретает возможность иметь постоянно огонь. То же делает она и каждую ночь.

В этой комнате, как сказал я, сушатся мясо и колбасы на зиму. Они вешаются на двух длинных палках, поддерживаемых веревками, прикрепленными к потолку, и оставляются нетронутыми до тех пор, пока не почернеют. Тогда, значит, мясо и колбасы готовы и могут быть употреблены в пищу. Часто тут же висит громадный копченый курдюк¹, который служит запасом для целого семейства. Когда хозяин остается без работы и не предвидятся скоро деньги на покупку мяса, заботливая и расчетливая хозяйка отрезывает от этого курдюка каждый раз миниатюрные кусочки, растапливает их и разливает сало по поверхности хинкала или мучной кашицы.

Глиняные полы комнат еженедельно смазываются, чтобы не водились в них под коврами и рогожами насекомые. Зимою трудно войти непривычному человеку в женскую половину — такая там вонь, грязь и нечистота.

Остальные две комнаты сакли — мужская и кунацкая — отличаются большею опрятностью и лучшим убранством. Кунацкая комната, даже у самых бедных горцев, бывает наполнена всевозможными хозяйственными вещами азиатского производства и оружием. На верхних пол-

¹ Толстый бараний хвост.

ках красуются различные фаянсовые и стеклянные чашки и тарелки по несколько штук одна на другой, графины, старинные бутылки, медные чашки с таковыми же колпаками с вырезанными на них фигурами и цветами, позолоченные кувшинчики, вазы и пр. На стене, под этими же полками и над занавеской из бархата или пестрой шелковой материи с золотой бахромой внизу, висят большие медные тарелки, зеркала, подносы с золочеными рисунками, шелковые шали, сложенные в два-три раза, кинжалы, пистолеты, ружья, шашки и пр. Около другой стены, которая без занавески и бывает вся увешана в несколько рядов всевозможными цедилками, тарелками и различными мисками и мелкими чашами, ставятся сундуки с платьем и драгоценными вещами хозяев. Иногда их бывает два, иногда несколько; в последнем случае самый большой ставится внизу, а над ним остальные меньшего размера. Все эти вещи служат только украшением помещения для приезжающих гостей и не употребляются в дело. Полы покрыты коврами.

Уважение и внимание к гостю — черта общая всем горским племенам — считается у евреев-горцев священной обязанностью. Каждый хозяин принимает с искренним радушием всякого странника, оказывает ему всевозможные услуги, дает деньги, если тот сильно нуждается в них, и отвечает за него собственной головой, пока он считается его гостем и находится с ним под одной кровлей. Бедный люд имеет большею частью по две комнаты; потому удивляемся его самоотвержению, доходящему иногда до крайности: хозяин оставляет гостя в кунацкой, если тот особенно настойчиво не будет требовать остаться с ним и сам идет ночевать в грязную женскую половину. Он не имеет по целым месяцам для детей куска мяса, а как приехал гость, идет, берет в долг всякой всячины и угощает его. Иногда гость остается целые месяцы, и хозяин, не изменяя своего радушия, нередко разоряется и, после отъезда гостя, чтобы поправиться, занимается усиленным трудом. Каждый горец-еврей имеет в других

аулах своих кунаков, еврея или мусульманина, у которых он останавливается; также и каждый мусульманин. По приезде почетного гостя он останавливает свои работы, распоряжается насчет закуски, обеда, ужина, приглашает почетных людей в ауле, чтобы гостю не было скучно, а иногда певцов, молодежь, музыку, состоящую из гармонии и «теп-а» (цилиндр, обтянутый с одной стороны животной перепонкой), на которых играют известные в ауле девушки-мастерицы, или зурны и барабана. Все приглашенные подходят к гостю и, подавая ему руку, приветствуют его словами: хош-омори, кеп-тү-тү, хуне-жиге, ов-аил (с приездом, как твое здоровье, домашних, детей); на что тот встает с почетного места и, наклонив голову в знак благодарности, отвечает: сог-боши (будь и ты здоров, благодарю).

Девушки приветствуют гостя только поклоном, взглядом и улыбками, а родственницы подходят, подают руки и целуют его в щеку или подставляют свои щеки, смотря по близости родства и своему возрасту. Взрослые девушки и женщины целуют его, маленькие девочки подставляют ему лоб и щеки и обнимают его. Мужчины-родственники целуются с гостем в губы.

За обедом или ужином сидит гость на пуховой подушке, а за ним кругом другие односельчане по старшинству. Подаются кушанья из женской половины или самим хозяином (тогда он вовсе не садится), или одним из меньших членов семьи, или родственником. Прежде всего один прислужник со словами: е-сер-чүмхой-иму-оморит (рады и готовы принимать вас головой) приносит в руках холстинку или большой круглый медный поднос, с двумя или четырьмя чуреками, солью в солонке и зеленью, состоящей из лука, чеснока (зимою луковицы), редьки и разных персидских трав, а другой прислужник — кувшины вина и графины водки. Это все принимается из рук прислужников хозяином и ставится среди круга, образуемого на полу сидящими. Потом прислуга приносит таз и кувшин с водой и подает каждому умыться.

Вытерши руки чистым полотенцем, которое по очереди подается каждому гостю, хозяин берет два чурека, произносит молитву, состоящую в благодарении Бога за хлеб и соль, разламывает один из чуреков на куски, число которых больше числа присутствующих и женщин в другой половине, ибо он ждет и других, которые, если случатся в начале еды, непременно должны садиться также ужинать. Затем приносится и ужин, состоящий из множества азиатских блюд. Смотри по родству с гостем или по дружбе его с мужем, кушанья подаются хозяйкой дома.

Из кушаний, подающихся в честь гостя или по праздникам, самыми лучшими и любимыми всеми считаются: шашлык, хинкал, приправленный уксусом и чесноком, курзе (вареники из теста, содержащие рубленое мясо, яйца с курдючным салом), «опара» (травяная каша с кусочками мяса или сала), дурма (рубленое мясо, обвернутое листьями капусты или бураков), «чуду» (пирог с мясом), ягини (суп с говядиной или бараниной с кислыми ягодами), «иермов» (пшеничная каша с кусками мяса или курицы) и пр.

Самую же необходимую пищу считается при гостях ош, плов — каша из сарацинского пшена, приправленная яйцами, изюмом и курдючным салом или ореховым маслом, собственного производства. Для добывания этого масла горцы очищают ядро ореха от скорлупы, превращают его в молотильнях в тестообразную массу, которую кладут в плоские чашки тонким слоем и нагревают, ставя ее пред очагом. Когда масса делается красной, ее снимают кусочками и выжимают из нее масло. Остатки, называемые мушде, употребляются домашними или вместо мяса, или их кладут в пирог, в кашу и проч.

Кушанья подаются все одновременно в чашках и тарелках, по одной на два, на три человека, чтобы дальше сидящим не приходилось далеко протягивать руку с ложкой. Ложки и вилки деревянные, белые, без краски, домашнего производства. Вилка имеет вид тонкого заостренного колышка. Когда пища густая, то почти не употребляют ложек

и вилок и едят, захватывая ее между куском хлеба большим и указательным пальцами. Мясо разрывается на куски руками и, в обыкновенное время, кладется хозяином по куску перед каждым, а при гостях в середине круга, в тарелке.

При почетном госте ужин происходит с перерывами, во время которых певцы поют, молодежь танцует, хлопает в ладоши и веселится, прислуга снова и снова подает вина и закуски, пока не запоют петухи и присутствующие не вспомнят о том, что нужно дать покой гостю. При подобных торжественных вечерах все бывают одеты в свои лучшие праздничные платья.

Кстати представим здесь описание одежды горских евреев.

Костюм женщин составляют: широкие шальвары из канауса, бурсы и других шелковых материй или из цветных ситцев; архалук из атласа — зимою на вате, который надевается сверх рубашки, чуткү — мешок, покрывающий голову, открытый с концов, и платок, который накидывается сверху чуткү. Платки бывают, по состоянию, или кисейные, обшитые кругом черной или белой бахромой, или шелковые персидские (красные и белые), или шелковые цветные. Зимою же женщины носят теплую шерстяную шаль. Иногда шелковая бахрома кругом платков заменяется золотыми кружевами и на чуткү — из гладкой шелковой или шерстяной материи — вышиваются золотом и серебром разные цветочки. Архалуки и рубашки отделываются около груди на спине, рукавах и подоле серебряными и золотыми галунами.

На ноги женщины надевают бумажные чулки и сверху них чувяки из красного или желтого сафьяна. Для выхода из дому сверх чувяков употребляются башмаки, открытые у пятки и закрытые у пальцев. На ушах висят громадные кольца — круглые или плоские — из серебра или золота. Кольца эти, заменяющие серьги, имеют в нижнем основании своем один, два или три шарика с отверстиями. Пальцы женщин, особенно девушек, бывают украшены серебря-

ными и медными или булатными кольцами, и по несколько штук на каждом, за исключением большого.

Отличительным внешним признаком замужней женщины служит: отсутствие на груди бус, чубчика на лбу и длинных пейсов на висках. Бусы делаются из различных просверленных горных камешков, гвоздики, янтаря, кораллов, серебряных монет и других вещиц, которые на- низываются с особенным старанием и вкусом на крепкий шнурок. Также в большой моде у девушек употребление хны, желтого персидского порошка или того же названия травы, которой они окрашивают себе волосы и ногти. Для волос хна употребляется вместе со ртутью. Этою смесью они вымазывают волосы на ночь и ложатся спать.

Нередко можно видеть горских женщин, жующих что-то с усердием. Это сикиз (белая смола с гвоздикой), которую употребляют они для чистки зубов и придания рту приятного запаха.

Одежду мужчин составляют: ситцевый бешмет, застегнутый на крючки, со стоячим отороченным воротником, черкеска из сукна или других прочных материй, без воротника, с крючками, застегивающимися у талии и на груди и с патронташами, заключающими газыри для пороха. Поверх черкески или бешмета опоясываются они поясом, шириною в палец и шире, который украшается часто сверху серебряным или золотым галуном, пряжками и пуговицами из эмалированного серебра или из меди. Около пряжки, спереди, к ремню привешивается кинжал, в серебряных или покрытых черной кожей ножнах. На ноги надеваются ишимы — ноговицы, доходящие до колен, из черного сукна или кожи и украшенные галунами. Обувью служат также чувяки, без подошв, горские сапоги с подковами, имеющими спереди два длинных острия и сзади одно, для удобства ходить по горам зимою и в грязную погоду. Поверх чувяков употребляются башмаки, также открытые сзади и покрывающие только пальцы. Чувяки служат женщинам и мужчинам во время грязи и холода вместо калош. Чувяки мужчин большею частью черные и

без украшений. Крючки и петлицы для бешметов, черкесок и рубах делаются из шелковых или шерстяных шнурков домашнего изделия.

На голову надевается шапка из курпея (бараньего или овечьего меха). Зимой мужчины под черкеску, а женщины поверх архалука надевают шубы, которые отличаются тем, что у первых они не бывают ничем покрыты, а у вторых покрываются шелковыми и шерстяными материями и отделываются галунами, подобно архалукам. Некоторые из мужчин носят тулупы из волчьего и лисьего мехов, которых наружная поверхность тщательно очищается посредством отрубей или муки. В последнее время вошли в моду шубы из собольих мехов, которые привозятся купцами из России, и их особенно стали носить новобрачные.

Домашний быт горских евреев основан на адатах (обычаях), перешедших к ним от предков, и на некоторых обычаях, усвоенных евреями от других племен Кавказа. Помогать ближнему в случае нужды, если не материально — деньгами, то работою рук своих, считается священным долгом у евреев-горцев. Таких обязанностей очень много между горцами, но особенно заслуживают внимания различные собрания, которые ставят своею задачею помогать бедным и не успевающим в работе, помогать деньгами сиротам, ухаживать за больными и пр.

Сборища, с целью помогать не успевающим в хозяйственных работах или тем, которые желали бы кончить поскорее свои дела в ожидании какого-либо торжества, называются «булка» и состояются молодежью — парнями и девушками. Отцы, препятствуя дочерям видеться с молодыми людьми, сразу соглашаются на просьбу какой-либо горской еврейки устроить булка, предоставляя, однако ж, дочери свободу идти или нет. Еще бы! У девушек и молодых парней, с появлением слуха о каком-либо булка или о свадьбе, вырастают будто крылья, — с таким нетерпением они ждут их. К таким булка относятся сборища для рубки мяса на зиму и вынимания жил из него, для шитья одежды новобрачным, для смазывания и беления

новых жилищ, для очищения лука, чеснока и кукурузы, для сбора плодов и пр. Каждый употребляет здесь для ближнего свои молодые силы и работает несколько ночей с истинным рвением. Я останавлиюсь только на вынимании жил и рубке мяса и смазывании новых жилищ, так как все остальные сборища имеют тот же характер.

Как только наступила зима, между горскими евреями начинается тревога насчет сугума (зимнего запаса). Наряду с обеспечением хлебом, заботятся они о приготовлении копченого или сушеного мяса, колбас и вина. Вино готовится из винограда еще осенью и держится запечатанным в бочках и больших глиняных сосудах до первой ночи Маккавеев. Редко можно найти семейство, которое не имело бы ведер тридцать, сорок вина на зиму.

Горские евреи, смотря по состоянию, режут не менее трех-четырех баранов и одной коровы на 4 дыма, для чего собираются четыре-пять семейств и, сделав складчину, покупают одну корову. Богатые режут около двух-трех голов рогатого скота и штук десять—пятнадцать — мелкого. Убрав мясо домой и разложив его на полу, на рогожах, хозяин посылает гонцов к раввину, почетным лицам и специалистам с приглашением вынимать жилы из мяса. Те немедленно являются и начинают поздравлять хозяев с запасом. При этом подают гостям стакана по два, по три вина и ставят перед ними тарелки с шашлыком из свежего мяса. После закуски каждый из умеющих вынимать жилы и негодное сало из различных мест мяса, садится за свою работу, а не умеющие принимаются рассказывать различные анекдоты и сказки. Домашняя молодежь (посторонней не бывает в эту ночь) сидит в это время около камина и готовит шашлыки, которые подаются работающим через каждые 10—15 минут.

Всюду слышится смех, веселый разговор, стук топора по костям, шипение сала, падающего каплями на огонь, и вместе с этим тяжелый запах табаку. Дым стоит во всех комнатах сакли просто туманом, и ничего нельзя разобрать. Даже не пивши вина, достаточно, кажется, пробить

полчаса в этой атмосфере, чтобы совершенно опьянеть: до того воздух, пропитанный дымом, парами сала и выделяемой присутствующими углекислотой, становится тяжелым. Но им это очевидно нипочем, потому что занятия их, после которых им подается ужин, кончаются далеко за полночь, и они почти месяц проводят то в том, то в другом доме, пока весь аул не запасется сугумом.

После ужина все благодарят хозяев и собираются уйти. Но в это время раввин благословляет хозяев и детей его; за это тот дает ему копеек пятьдесят—шестьдесят. Иногда раввин ухитряется благословить всех присутствующих за ужином, пока те встают, за что и они дают ему по состоянию. Кроме этого при резанье раввину дают голову скотины и грудобрюшную преграду с мякотью фунта в три. Эти обычаи доставляют раввину хорошие деньги, почему каждая мать, убаюкивая сынка, просит у Бога, чтобы малютка ее приносил ей побольше сер-сугу (голов и грудобрюшных преград).

На следующий день идет промывание и соление мяса. В этом помогают хозяевам родственницы, и это считается только делом женщин. Интересна также совершаемая при этом церемония. Хозяйка раскладывает несколько куч мяса и внутренностей (печени, требухи, легких, сердца и пр.), которые в больших тарелках посылаются с дочерьми или другими девушками, приглашенными для этой цели, родственницам или бедным вдовам. Рассыльные несут эти дары на голове на подносах чрез весь аул и получают от тех, кому посылается дар, по яйцу, по несколько головок чесноку, по несколько луковиц и других мелочей, которые передаются хозяйке.

После резки сугума горские евреи редко когда покупают свежего мяса, разве иногда купят на шашлык или по случаю большого праздника. Но они снабжают друг друга свежим мясом и внутренностями после своего сугума.

Такая же взаимная раздача происходит между ними во время сбора плодов, хлеба и отела коровы или буйволицы: тогда посылают они молоко кипяченое и яйца. Но тут

вместо яиц получившие наливают воды в чашку или тарелку, в которой был принесен дар. Это для того, чтобы корова дала хорошее молоко и не была суха, как чашка, которую возвратили без воды.

Вечером этого дня, то есть после соления мяса, приглашается молодежь для рубки мяса, из которого изготавливаются колбасы. Почти из каждого дома приходят парни и девушки, из которых одни рубят мясо, другие чистят лук, третьи делают шашлыки, четвертые готовят закуски, пятые поют веселые песни, рассказывают сказки... У каждого своя работа, и никто не сидит без дела. Нельзя не любоваться, смотря на сияющих от радости, счастливых молодых людей, которые сидят кругом на коврах попарно, ведут беседы — каждый со своей возлюбленной, которая улыбается ему, дарит его любезными словами, и наконец, как бы в такт, все поднимают и опускают тяжелые топоры. Каждая пара занята собою, делает свое дело и не замечает, о чем говорят сидящие по бокам ее пары. Весело смотреть на сидящих перед очагом раздумянных парней, которые с усердием вертят шампура над огнем и пускают остроты в песнях насчет той или другой пары, которая отвечает им тем же без стеснения.

Часто слышатся при этом сальности и нецензурные слова, которые во все горло произносит какой-либо парень, после чего краснеют девушки, хохочут женщины, и опять все идет своим порядком. Там звонкий смех сливается с остротами и веселым разговором, там раздается стук топоров, рубящих мясо, и звон медной посуды, там горит сало на огне от шашлыков, поднимается дым, тушится огонь, который разгорается с новой силой, но атмосфера все-таки чище, чем в предыдущую ночь в мужской половине, потому что гораздо меньше или вовсе нет табачного дыма и винных паров.

Девушки почти совсем не пьют ни водки, ни вина, и парни при них тоже воздерживаются. Парни, окончив свои шашлыки, становятся среди комнаты, произносят «э шори бирору и хахару» (за радость братьев и сестер) и

приглашают других перестать работать. Те бросают топоры и занимаются закуской, которая подается каждой паре или несколькими отдельно на доске, где рубится мясо. При этом парень или девушка становится перед всеми и начинает петь, а остальные подпевают за ним. Антракты и хоровые песни продолжаются около получаса и раза четыре в продолжение всей работы.

Смотря по количеству сугума, булка продолжается иногда несколько ночей кряду. По окончании работы все садятся ужинать и к утру возвращаются домой с хоровыми песнями. После рубки мяса хозяйка приглашает знакомых женщин, которые помогают ей в изготовлении колбас и развешивании отдельных кусков мяса для просушки на поперечных палках, находящихся в женской половине. При этой работе женщины также гуляют, болтают между собою и мало уступают мужчинам в употреблении горячих напитков.

Подобное же участие принимают женщины, девушки и парни при построении сакли каким-либо из горских евреев. Одни из них делают грязь, смешивают ее с саманом (соломой) и топчут ногами, чтобы она была липкой, другие несут ее на крышу, которую вымазывают женщины, третьи мажут стены и полы, четвертые убирают двор и пр. Через несколько времени хозяин поселяется в новостроенной сакле и приглашает своих односельчан на ужин. Наряду с стариками занимают почетное место участвовавшие в постройке сакли. Мужчины собираются в особой комнате, а женщины в женской половине. Иногда на такое торжество приглашают зурну и барабан и устраивают свадьбу, где женихом и невестой служат муж и жена, которые во второй раз после брака или свадьбы детей танцуют вместе при обществе. Все хлопают в ладоши, приветствуют их радостными улыбками и высказывают им пожелание быть счастливыми в новом доме и устроить также счастье детей.

Из домашней жизни горских евреев заслуживают также внимания обычаи носить родственникам кушанья по

субботам, затем обряды при родах и обрезании и печение хлеба в чужих печах.

Только что вышли евреи в субботу или в день праздника из синагоги и сели за праздничный обед, видишь — по всем улицам и переулкам аулов тянутся мальчики и девушки с двумя-тремя тарелками в руках, покрытыми чистенькими платками. Любопытство задевает вас и вы спрашиваете: «Что это такое?» — «Тара, нермов, курзе, ош (названия кушаний)», — отвечают вам наивно дети, продолжая идти своей дорогой и боясь, чтобы не отняли у них тарелок или не толкнули их. Вы все-таки ничего не понимаете из этих ответов и начинаете расспрашивать об этом первого встречного. Тот отвечает вам следующее: «Видите ли, я человек бедный, и жена моя приготовила только одно кушанье на сегодня. Смотрю, сестра моя посылает мне другое лакомое блюдо, а жена ей из своего кушанья; брат — второе, она из своего; сват — третье, она опять из своего... Таким образом, на три-четыре тарелки своего простенького кушанья, которого жена изготовила в изобилии, мы получили три-четыре других сытных праздничных блюда: вот и мы, бедняки, пообедали по-праздничному, не обижая и себя, и других, потому что и мы послали им из своего кушанья!»

«А что такое несут женщины на голове в больших деревянных чашках, при этом под мышками или в руках их несколько хворосту или два-три полена дров?» — спрашиваете вы.

«А вот что, — говорит он, — у нас каждый порядочный хозяин имеет свою печь для печения хлеба. Бедным людям иметь печь — значит разориться при теперешней дороговизне дров, так как, чтобы вытопить печь — да еще каждую неделю, да иногда по два, по три раза в неделю, когда приезжают гости, — нужно на месяц по крайней мере три-четыре арбы дров. Здесь же хозяева топят поочередно и, испекши свой хлеб, предоставляют свою печку на пользование другим.

Каждая хозяйка, даже и богатая, так как другой раз и она вытопит свою печь, приходит сюда, приносит с собою

готовое тесто, которое несет она на голове, в чашке, и ждет своей очереди. Одна кончает, другая бросает сейчас свои поленья в печь, чтобы лучше подтопить ее, и начинает делать чуреки, которые сейчас уже готовы.

Печки бывают двух родов: курук (вроде русской печи) и топу. Эта последняя есть яма в земле, имеющая вид усеченного конуса, смазанная внутри глиной, с углублениями на внутренней стороне и глубиною около одного или полутора аршин. В курук кладутся чуреки при помощи деревянных круглых лопаток, а в топу прилепливаются руками ко внутренним стенкам ямы. Возле этих печей собирается масса женщин, которые занимаются печением хлеба иногда до глубокой ночи, каждая ожидая очереди. Между тем одна из них начинает говорить о новостях, другая рассказывает сказки, третья сплетничает на других, четвертая хохочет с знакомой, пятые шепчутся и осуждают других, сидящих здесь, франтих... словом, вы видите здесь пекарню, слышите все аульные новости, суды и пересуды, смотрите на горских красавиц, франтих... чего же еще? а польза бедным людям все-таки есть».

Тут же расскажу я об одном обычае горцев-евреев, основанном на общинном устройстве их жизни. Раньше было сказано, что во время отела коровы или буйволицы между горскими евреями происходит раздача первого молока. Для этого из молока вместе с яйцами варят они предварительно нечто вроде сыворотки или простокваши. Сказано было также, что родственники, взамен присланной им простокваши хуршово, наливают в эту посуду воды, для того чтобы отелившаяся корова была молочной. Хозяйка, как только ее корова стала давать правильно молоко, входит «с соседками в ведре и носит к одной из них по утрам несколько кувшинов молока. Дело в том, что каждая женщина, желая запастись на будущее время большим количеством сыра и молока, входит в компанию с другими соседками и обменивается с ними по очереди своим молоком; так что около месяца все хозяйки приносят одной ежедневно по кувшину молока, затем

другой, третьей и т. д., пока все не будут иметь у себя ведре».

В это время эти последние, то есть имеющие очередь, один день делают сыр, другой — сливочное масло, которое после растапливают они в желтое коровье масло. Для того чтобы изготовить масло, они наполняют сначала кувшины молоком и заквашивают его, налив в каждый кувшин по ложке кислого молока. На следующий день созываются на булка знакомые женщины и девицы и садятся за приготовление сливочного масла, которое производится следующим образом: в большие кувшины с двумя боковыми ушками наливается до половины кислое молоко, кладется туда по деревянной ложке, затем кувшины затыкаются сверху крепко пробками из дерева, которые обертываются тряпкой, и содержимое подвергается взбалтыванию. Через некоторое время в кувшинах образуется белое сливочное масло, которое снимается и кладется в чашки с холодной водой. До окончания очереди через день происходит то же самое и в конце растапливается все собранное за это время масло. В этот день собираются участвующие в ведре соседки, пируют, гуляют вместе с хозяйкой и приводят хозяйство ее в порядок. Затем отправляется к родственникам понемногу сыра и масла и ведре переходит к другой хозяйке.

Не менее интересны обряды горцев-евреев при рождении детей и при обрезании. Как только женщина чувствует время разрешения от бремени, домашние сейчас приглашают момой (бабку). Родит горская еврейка стоя или на корточках и поддерживаясь посредством веревки, перекинутой через брусья в потолке, или лежа на земле, где готовится ей соломенная постель. Комната при родах наполняется постепенно из всего аула женщинами, которые идут к родильнице, принося с собою в больших чашках и тарелках, покрытых платками, муку, крупу, яйца, чеснок и проч. Все это собирается для бабки.

После того как все женщины собрались, одна из родильниц родильницы берет кусок белого полотна, бязи

или другой белой материи, аршинов в пять-шесть, и перевешивает ее через дверь так, чтобы одинаково ровно была видна она снаружи и внутри. Этот кусок остается до тех пор, пока родильница не встанет совсем здоровой, и потом он дарится мамой. Для чего это делается, достоверно никто не знает; но полагают, что белый цвет материи служит для удаления нечистого духа.

При сильных болях посылают кого-нибудь на кладбище, чтобы принести горсть земли из могилы такого-то покойника. Посланный выкопает из глубины могилы немного земли, которую, смешав с водою, и дают страдающей. Если и это средство не помогает, то муж приглашает учеников раввина, из которых одни трубят в трубы, употребляемые евреями в Судный день и на Новый год при общественной молитве, а другие читают псалмы. Все начинают молиться: «Йе Худо, ту шор хилос-сохош! (Единый Боже! Дай ей радостно разрешиться)».

Наконец все успокаиваются и начинают расспрашивать бабу: сын или дочь. Если сын, то бабу сейчас говорит и просит у отца за бе-шерей (радостную весть) подарка. Отец с удовольствием исполняет ее просьбу и, пригласив присутствовавших и утешавших его в кунацкую комнату, начинает угощать их вином и закусками. Всюду раздаются радостные речи, слышатся смех и говор, везде встречаешь сияющие лица. Особенно радуется мать при этом радостном известии, так как за это все начинают питать к ней особое уважение.

Отец новорожденного посылает сейчас кого-либо из мальчиков на женскую половину, чтобы он прибил к стенам, над окнами и дверьми, различные бумажки, на которых написаны имена ангелов-хранителей. Это делается для того, чтобы злые духи не причинили новорожденному и матери вреда.

Первое время мамой кормит мать одним жидким мучным супом без мяса и приправ. К родильнице воспрещается вход мужу и всякому мужчине, также и женщине, имеющей при себе какую-либо плотную вещь, пока при

родильнице не будет золота. В противном случае с новорожденным делается чўле — болезнь 40-ка, которая задерживает рост ребенка. В эти дни мать беспрестанно посещают женщины, а отца новорожденного мужчины. Тих и других хозяева угощают алвою, шашлыками и вином. Родственники же и родственницы дарят бабушку деньгами, каждый по 20—30 коп., и делают ей подарки.

Наконец приходит восьмой день, в который совершают обряд обрезания над ребенком, по установлению закона Моисея. Операцию обрезания делает раввин или резник, и почти всегда очень искусно. Рану обмывают ртом, набирая в него уксусу, и посыпают обожженную шерстью и порошком из особой обожженной глины. Через три-четыре дня рана заживает, и ребенок делается здоровым.

Церемония обрезания происходит большею частью в синагоге и очень редко дома и состоит в следующем: новорожденного приносят на большей подушке в синагогу, где передается он «отцу по обрезанию» (как у русских — крестному), который сидит на кресле, назначенном для обрезания и называемом «кресло Ильи-пророка». На руках этого отца производит рабби свою операцию, а настоящий отец произносит в это время известную молитву и дает ребенку имя. Затем наливает в стакан вино, над которым раввин служит молебствие, наливая затем мизинцем новорожденному в рот несколько капель со словами: «Да проживешь ты с этою кровью».

Имена, даваемые новорожденным, большею частью бывают наследственные, то есть умерших отцов, дядей, братьев и т. п. и взятые из Пятикнижия Моисеева и из книг пророков или составленные самими родителями по отношению к каким-либо предметам, как, например: Татли (сладкий), Шеребет (питье) и друг. Часто встречаются также имена сильных животных и драгоценных металлов. Эти последние даются большею частью женщинам. К именам мужчин относятся: Аслан (лев), Конлон (тигр), Ождоху (чудовище, змея) и пр.

После совершения обряда тут же в синагоге дается присутствующим закуска, состоящая из водки, вина, кур и гусей. Каждый подходит к столу, отламывает руками кусок хлеба, отрывает кусок мяса, наливает себе рюмку водки или стакан вина и уходит. Богатые же устраивают настоящий «обед обрезания» и приглашают всех в ауле или городе.

Совсем не так встречают еврей-горцы новорожденную девочку. Муж, родственники и даже мамой оставляют мать без всякого внимания и не прислуживают ей. Таким образом, дочь с самого рождения приносит бедной матери горе, и на нее смотрят только как на будущую рабочую силу.

Женщина лежит в постели после родов обыкновенно дней девять-десять и не больше двух недель. После рождения мальчика она идет на омовение через 40 дней, а после девочки через 60. Ребенок 40 дней не выносятся из дому, чтобы с ним не сделалась «чўле» — болезнь 40-ка.

ГЛАВА 3

Женитьба. Положение женщины как причины различных несчастий. Обряды горцев-евреев при помолвке детей и обручении. Жених и невеста. Приглашение жениха родителями невесты. «Гечелей» (ночные свидания). О разводе. Взгляд общества на гечелеи. «Табаг». Пресечение пути жениху и невесте. Поверия. Свадьба

Женитьба сопряжена для еврея-горца с большими трудностями и многолетними стараниями о скоплении некоторой суммы, для того чтобы купить себе невесту. Обычай требует, чтобы еврей-горец, вздумавший жениться, заплатил родителям невесты деньги, которые называются калын. Калын редко доходит до суммы менее 150 рублей серебром, к этому прибавить, что свадьба продолжается обыкновенно около четырех суток, справляется также за счет жениха и что подвенечные одежды, по обычаю горцев богато обшитые серебряными и золотыми галунами, должны быть сделаны им же, то в итоге выходит, что горец, чтобы жениться, должен иметь минимум 300—400 руб. серебром — сумму, по их средствам, совсем не малую, почему у евреев-горцев старые холостяки далеко не редкое явление. Но так или иначе, еврей-горец, считающийся порядочным человеком, должен жениться и, следовательно, стараться скопить денег; иначе на него смотрят всюду как на неблагородного горца, не

достойного носить папаху (шапку) и кинжал. Конечно, пристроить детей, братьев, сестер и прочих родных представляется евреям-старикам делом и трудным, и несомненно радостным, так как молодые, обвенчавшись, как говорят они, не будут заниматься баловством и привыкнут к семейному очагу.

Однако ж между этими преждевременно пристроенными молодыми людьми мы находим массу несчастных. Это объясняется двумя причинами, именно: во-первых, распространением чахотки, которая в последние годы с большей и большей силой стала надирать преимущественно молодое поколение и всего чаще мужчин от 15 до 30, 35 лет, и, во-вторых, способами лечения взрослых и детей местными врачами. Нет сомнения, как это подтверждают многие старожилы кавказских племен, что двадцать—тридцать лет тому назад гораздо было меньше умирающей молодежи, и никогда чахотка не косила ее так, как в последние годы. Это относится не к одним горцам-евреям, но и к горцам-мусульманам. Причину пагубного распространения чахотки, как объясняют многие, следует искать, во-первых, в самом образе жизни горцев и, во-вторых, в распространении русского владычества на Кавказе.

Обычай всех горцев требует, чтобы молодые люди — парни и девушки — не видали друг друга, но девушке показываться мужчинам или назначать им свидания воспрещается безусловно и строжайше. Поэтому девушки до замужества ведут почти замкнутую жизнь и никуда не показываются, исключая тех случаев, когда они посещают друг друга, присутствуют на свадьбах и бывают на булка, ночных собраниях, о которых было сказано выше. Вследствие этого девушки горских евреев отличаются теми же свойствами, как и все женщины Востока: они стыдливы, робки и крайне невежественны, но вместе с тем строго целомудренны и трудолюбивы.

Жизнь замужних женщин ненамного лучше жизни девушек. Выходя из дому на работу, она должна наклонить

голову, укутаться кругом шалью или белым платком, чтобы видны были одни глаза, не должна оглядываться по сторонам и говорить с чужим мужчиной, даже и с родственником, ни слова, иначе быть беде: или муж заметит это и исколотит ее, или же другие распустят о ней по аулу бог ведает какие слухи: тогда не показывайся в свет, не смотри мужу в глаза и добровольно делайся езитом, то есть личностью, презираемую всеми и на которую может плевать всякий без суда и расправы.

Точно так же и дома женщина должна скрывать себя от взоров посетителей или гостей и жить вместе с детьми в особой комнате или кухне. Замечательно то, что этот строгий наказ, передающийся из поколения в поколение, «не смей без особенной нужды выйти за порог», ничуть не возбуждает ропота среди женщин, как думают просвещенные народы; натура их, как видно, привыкла веками сидеть дома и даже до того, что их никакие блага мира, никакие удовольствия не тянут никуда, и они сами готовы делать все дома и копаться вечно в своей стряпне, шитье и хозяйстве, не думая больше ни о чем, лишь бы не выходить из дому куда-нибудь, где противные мужчины будут глазеть на них.

Вообще положение девушки до замужества и женщины ничем не отличается у горских евреев от такого же тяжелого положения их у других восточных народов. Когда еврей-горец случайно увидит девушку, наметит ее для себя и вздумает на ней жениться, не зная совершенно ни ее натуры, ни ее характера, то он уведомляет чрез кого-либо из близких товарищей об этом своего отца, который посылает к отцу девушки сватов, обыкновенно родственников, или идет и сам с ними. Жених не может сказать отцу о своем намерении лично, ибо, по обычаю, «совестно» говорить детям со своими родителями о браке, а девушка не принимает даже и такого участия: о согласии ее на брак большею частью не осведомляются, и если спрашивают, то лишь для очистки совести, тоже чрез ее подругу.

Девушка, не разбирая, хорош ли жених или нет, — должна, как «благовоспитанная девушка», ответить, что «согласна на все, что они (тут подразумеваются родители, братья и родственники) ни сделают с ней». Женщины, даже матери, также вовсе не вмешиваются в вопрос о браке. Таким образом, переговоры ведутся отцами и родственниками и преимущественно касаются размера калына. Подобные переговоры с сыновьями при сватовстве ведутся только такими родителями, которые боятся своих «капризных детей», чтобы те после не пеняли на них и чтобы родители могли заставить сыновей отказаться от развода, в случае если последние захотят развестись с женами, сказав, что брак был заключен против их желания.

Большею же частью отцы сходятся друг с другом где-нибудь в гостях и, под влиянием горячих напитков, дают друг другу руки, произносят слова клятвы — быть вечными друзьями — и соглашаются ради этого при свидетелях соединить своих детей. Такие случаи, которые, как сказано, бывают очень часто, происходят и при возрасте детей, и при младенчестве их, так что многие из сговоренных или помолвленных детей в глаза не видят друг друга, живя в разных городах или аулах, до самого дня свадьбы. Как сказал я, девушки мирятся со своим положением; они привыкли к такому порядку вещей, но молодые люди не могут вынести жизни с часто злыми и сварливыми женами и не решаются об этом сказать родителям, которые все равно не послушаются их, тем более если жены сумеют себя как следует поставить и угодить родственникам. Вследствие этого в конце концов молодые люди впадают в неодолимую тоску и, наконец, в чахотку.

Как факт — расскажу несчастную историю одного из моих аульных товарищей Р., который умер, так сказать, во цвете лет от подобной женитьбы. Ему был 21 год. Невеста была засватана за него еще ребенком, и он не знал и не видел ее, живя от нее за 300—400 верст (он жил в Тарки, а она в Дербенте). Она не понравилась ему после первого же свидания и стала ему противна. Несмотря на

слово «совестно», он упрашивал отца отпустить ее, дать ей развод и все приданое, которое привезла она с собою. Отец упорно не соглашался, говоря, что у него нет денег, которые нужно дать в этом случае невесте наличными за привезенное ею приданое, как требуется это по адату. По истечении 4 месяцев после свадьбы молодой человек слег в постель и сильно заболел. Я был в это время в VI классе реального училища Темирхан-Шуре и, услышав об опасной болезни любимого товарища детства, отправился проведать больного. Он жил в ауле Тарки. Не могу вспомнить о нем и по настоящее время без слез: так он был несчастен и жалок.

— Товарищ, — сказал он мне, взяв мою руку свою, пылающею от жара, — посмотри на нее (жена убирала комнату) — она точила как червь вот эти шесть месяцев мою душу и совсем заела меня. Я просил, умолял ее взять развод, сжалиться над моею молодостью и потребовать этого от батюшки... Она и до сих пор, когда я уже на смертном одре, торчит у меня пред глазами... Смотри же, товарищ, будь осторожен: знаю, что и ты не любишь своей невесты, но они настаивают, чтобы ты женился теперь; лучше умри или пускай убьют тебя до женитьбы, чем вот так!.. (Он кашлянул кровью!)

Через месяц, когда я приехал в аул на каникулы, его уже не было, и родичи его, в том числе и жена, были в глубоком трауре. Следуя обычаям, родители умершего через год выдали вдову покойника за второго своего сына, меньшего, 18-летнего брата покойного. Ни он, ни она не соглашались сначала на этот несчастный брак, но, подавленные всеобщим требованием, должны были уступить. Спустя полтора года у них родился от этого брака мальчик, названный именем моего умершего товарища. В последнее мое путешествие я встретил ее в Дербенте, больную также чахоткой, и недавно уведомили меня о ее смерти.

Таких случаев много между несчастными в этом отношении кавказцами. Но мне не раз приходилось по это-

му поводу слышать горькую правду из уст наших стариков. «Отчего, мол, всего этого не бывало прежде! Мы, мол, все и наши деды, прадеды женились таким образом... Нет, — продолжали они, — в этом виноваты русские города, где царствует разврат, где девушки ходят по улицам, садам и кабакам и чуть ли не зовут молодежь к себе среди белого дня и при всех, потеряв всякую женскую стыдливость; теперь молодежь предается разврату и перестает питать уважение и любовь к своим женам». Все это может быть отчасти правда, но мне кажется, что главную причину зла нужно искать в обычае, заставляющем девушку «не показываться молодежи нигде и ни под каким видом».

Находясь под влиянием палящих лучей южного солнца, молодежь развивается необыкновенно быстро и начинает искать различных невинных развлечений, которых она не может найти в своих родных аулах. Девочкам, под страхом жестокого наказания, воспрещают иметь с мальчиками сношение или затевать с ними какую-либо игру. Но они привыкли с детства никуда не выходить и, не имея понятия об удовольствиях, могут заглушить в себе различные желания, свойственные их возрасту. С мальчиками же происходит совсем иное. Бывая в городах, они соблазняются сперва холодными напитками, потом горячими и горькими, а там и развратом. Последствием всего этого выходит то, что мальчик 13—14 лет обирает отца и несет все, что попадается ему в руки, считая тут и свои заработки, в притон разврата, от которых недалеко и до чухотки.

Раньше уже было сказано, что горские евреи совершают помолвку своих детей или еще во младенчестве их, или уже в их возрасте, но что дети не принимают никакого участия в этой помолвке, и переговоры, касающиеся лишь размера калына, ведутся отцами или другими родственниками. Теперь расскажу о некоторых обычаях горских евреев, совершающихся при обряде обручения и свадьбы; кроме того, укажу еще на несколько своеобразных церемоний, совершающихся между женихом и роди-

телями невесты, между женихом и невестой в периоде между обручением и свадьбой.

Когда переговоры обеих брачующихся сторон придут к благоприятному результату и день обручения известен, родители жениха начинают готовиться к покупке подарков, требуемых при обручении, и доставке задатка, состоящего из 40—50 руб., что, конечно, трудно сразу раздобыть бедному человеку. Вечером, в назначенный день обручения, сакли родителей жениха постепенно начинают наполняться гостями, и каждый приходящий занимает свое, приготовленное ему, место на полу или стоит около стены и ждет прихода рабби и почетных лиц. В это время в женской половине происходят споры и раздоры между матерью жениха, замужними дочерьми ее или невестками, если есть таковые, из-за подарков, которые должны даваться теперь новобрачной. Дело в том, что каждая мать старается тайком от мужа и домашних приготовить для будущей жены одного из любимых сыновей какую-либо драгоценную вещь или спрятать ей самую лучшую из своих вещиц, полученных ею от мужа, будучи еще невестой, или от отца. Этим, конечно, она думает приобрести впоследствии особое расположение будущей невестки и ожидает от нее покорности и почитания.

Теперь, когда все вещи ее должны выйти напоказ и поступить на общий семейный совет, она подвергается со всех сторон нападениям. Дочери укоряют ее в холодности и пристрастии, а невестки в ехидности, коварстве и лицемерии. Иногда и муж, если он имеет в виду женить другого своего сына на своей племяннице, что очень часто бывает у евреев-горцев, также пристаёт к жене, чтобы она оставила такую-то вещь дома (тем более если она родовая) и отправила невесте более дешую, отчего жена, в свою очередь, приходит в негодование и наотрез говорит мужу, что вещи принадлежат ей и она вправе дарить их кому угодно. Уступчивый муж соглашается, и домашний спор кончается, а более упорный требует исполнения своего приказанья, как главы дома. Слово за слово — все

бросаются на бедную мать и начинают терзать ее со всех сторон... и это за два, за три часа до тех счастливых минут, в которые родители плачут от радости и приговаривают: «Слава Тебе, Господи, что Ты помог мне видеть счастье моего дорогого малютки».

Варварство мужа доходит до того, что он вырывает из рук жены вещи, колотит ее и оставляет ее рыдающей дома, строго приказав, чтобы она не смела выходить из женской комнаты, а сам идет в мужскую половину, откуда, наконец, когда все соберутся, родители с гостями и дочерьми, несущими на головах подносы, отправляются с песнями к невесте. На подносах лежат главные подарки, состоящие из шелкового платка, золотого или серебряного кольца, привязанного к уголку первого, иногда из серег и хейкела (талисмана), имеющего вид пустой трубки, закрытой в концах, и с колечками по бокам и снизу, где привешиваются серебряные монеты. Он прикрепляется под мышкой свадебного архалука и считается лучшим украшением наряда девушки. Когда она поднимает руки во время танцев, то талисман качается и монеты, ударяясь одна о другую, производят звук, заставляющий обратить на нее внимание присутствующих и вызывающий хлопанье в ладоши, чтобы она танцевала живее и веселее.

Мать, любящая детей и мужа, терпеливо переносит побои и унижения, скрывает свои страдания, подавляет слезы, чтобы не делать шума, не обратить на себя внимания мужчин, сидящих в другой комнате. Но не все матери так сильны и нечувствительны к унижениям; часто в этих случаях доносятся в мужскую половину вопли и рыдания, раздирающие душу, требование развода и пр. Тогда мужчины бегут туда и стараются примирить супругов.

Иногда невестам дарятся такие вещи, которые должны переходить из рода в род и, следовательно, даваться только женам сыновей. Такие старинные вещи бывают почти у каждой женщины, но они их почти не носят и держат в сундуках, пока не придет время вынуть их по случаю обручения детей. Вообще надо заметить, что горские жен-

щины не любят одеваться щеголевато и надевать на себя золото и серебро. Одежды их большею частью простенькие ситцевые, но с соблюдением чистоты и изящества. Свадебные шелковые платья их, отделанные кругом золотыми галунами, лежат постоянно в сундуках, теряют там цвет свой и нередко превращаются в лохмотья.

Подарки для невесты, как сказано, несутся на подносе одною из сестер или родственниц жениха; но кроме дочерей выступают впереди шествия еще две-три девушки, которые несут на голове, на таких же медных подносах, подарки для родителей невесты. Эти подарки, по обычаю, состоят из риса фунтов десяти—пятнадцати, большого куска копченого мяса, двух-трех колбас и куска курдючного сала.

Наконец к ним присоединяются несколько юношей, которые несут на руках большие кувшины и графины, наполненные вином и водкой. Вся процессия, имея во главе этих представительниц и представителей, которые громко распевают «холо-лой» и «анай-десем-ананай», движется к невесте.

Жених в этот вечер скрывается от родителей, так как, по адату, ему совестно быть теперь дома, где ежеминутно произносят имя его невесты, и ночует у одного из своих товарищей. Здесь, сидя с поникшей головой и не замечая окружающих, старающихся доставить ему развлечение своими анекдотами и веселыми рассказами, он все думает о будущей невесте, — кто она и что она, будущая жена его. С замиранием сердца, представляя в своем воображении всю происходящую теперь у невесты картину, ждет он появления зари и начатия работы, которая избавила бы его от этих тяжелых сомнений и глубокого раздумья. Товарищ рассказывает ему веселые анекдоты, наливает вина, доставляет из другой комнаты тарелку за тарелкой, наполненные шашлыком, пловом и разными кушаньями, но он ничего не замечает. Перед ним беспрестанно проносятся одни картины за другими, и он все думает об одном: «Что делают теперь у невесты? Ах, как бы мне хотелось

побыть там», думается ему: «Посмотреть на невесту!..» Вот вошли все в комнату, «чудится ему: вот невеста побежала в другую половину, брат его или родственник накрывает шалью ее голову, на палец надевает кольцо, на уши — серьги, а она краснеет, закрывает лицо рукавом и отвертывается к стене; вот рабби пишет тоной (условие обручения)» и пр. и пр.

По заключении тоной раввином и назначении родителями условий (когда уплатить оставшиеся выкупные деньги и сколько пар платьев и обуви жених должен сделать невесте), гости садятся ужинать, а молодежь, собравшись в комнате невесты, проводит время в танцах и песнях. Невеста, закутанная атрибутом обручения — платком и окруженная подругами, закрывает лицо широким рукавом и стоит неподвижно, обернувшись к стене, пока не разойдутся все гости.

После ужина посторонние уходят, а родственники думора (жениха) остаются для совершения обряда «ерипи-ерм арўс-á вокурде» («открытия лица невесты и благодарения ее за оказанное уважение», так как она со стыда закрывает от них лицо свое). В комнате невесты отводится круг для танцев. Каждый из присутствующих, начиная с родителей жениха, а если новообрученные связаны близким родством, то также и невесты, подходит к девушкам, во главе которых стоит одна родственница-распорядительница, и просит пустить невесту с ним танцевать. Невеста выходит, продолжая закрывать лицо рукавом, и идет тихо по кругу, спотыкаясь по местам, так как не видит пола. Сделав два-три круга и обняв левой рукой танцующего с ней, она идет обратно на свое место. В это время танцевавший снимает шапку в знак благодарности и дает распорядительнице какую-либо серебряную или золотую монету, после чего подруги поют протяжно «хей шобош». Положим, танцевавшего зовут Бинями (Вениамин) и он отдал монету — рубль. Тогда они поют: «Хей шобош, хей шобош, Бинями-ре шобош хей-шобош; йе моноте шобош, хей-шобош» (Да будет здо-

ров Бинями, да веселимся мы; веселимся за того, который отдал рубль).

Затем подходят по очереди прочие, танцуют также с нею под аккомпанемент гармонии или зурны с барабаном и дарят невесту деньгами по состоянию. С этого вечера невеста перестает закрывать лицо свое от сказавших ей «сог боши» (поблагодаривших) и если те приходят в ее семью, то она сейчас же встает, кладет им на пол подушки, чтобы они сели, и стоит около стены, опустив скромно руки и ни слова не говоря, пока они не уйдут. При малейшем движении гостя она моментально бросает на него свой вопросительный взгляд и ждет приказания. Услыша какую-либо просьбу гостя, она бежит туда-сюда, и сейчас же все готово.

Усердие и почтение некоторых невест к гостям доходят до того, что они несут на ладони или между пальцами тлеющий уголь и держат его, несмотря на ожог, пока те не закурят своей трубки или папироски, которые в последнее время вошли в моду. Чем более невеста оказывает таких услуг, которые сопровождаются для нее болью и страданиями, тем более родственники остаются довольны ею и считают ее за настоящую горскую девушку. Они часто приглашают невесту садиться, чтобы испытать ее, и просиживают иногда целый день, в течение которого она должна стоять на ногах и не выказывать ни малейшего неудовольствия. Замечательно то, что она чувствует в продолжение всего этого дня наслаждение, а не тягость и особенно уважает тех, которые требуют от нее разных услуг.

Кроме этого, невеста выказывает свое уважение к гостям тем, что не говорит с ними словами, а пантомимой — киванием и качанием головы — и переменяет настоящие имена их на более нежные и громкие. Всякий из близких родственников интересуется и расспрашивает других, каким именем называет его невеста, обижается, если она не переменяла и его имени. При разговоре с ними она слушает их со вниманием, улыбается чуть заметно, когда они

рассказывают смешное или смеются. Но боже упаси, чтобы был слышен ее голос или чтобы она зевнула: сейчас начнут всюду говорить об этом и осуждать ее. Молчание невесты продолжается с каждым из родственников до тех пор, пока ему не вздумается заставить ее говорить и услышать ее голос. Невеста же долго не соглашается заговорить с ним и продолжает отвечать ему киванием или качанием головы. Тогда родственник пристаёт к ней, говоря, что он не понимает пантомимы и не слышит ничего, и после этого невеста чуть слышно и внятно произносит ответ. Конечно, такие шутки сопровождаются громким смехом присутствующих тут же родителей ее и порицаниями, что она не сумела воздержаться и помучить долго родственника.

Для того чтобы заговорить с невестой и услышать ее голос, каждый родственник приносит ей какую-либо монету, кольцо, шелковый платок, башмаки с отделкой, материю для платья и т. п. После этого невеста, не стесняясь, начинает говорить с ними, беседует по целым часам и смеется, но не ест и не пьет при них.

Если случается, что входит к ним гость во время обеда или ужина, то она сейчас встает с места и стоит в стороне как ни в чем не бывало.

Любимая услуга от невесты, считающаяся наслаждением для родственников, состоит в том, что они приходят к ней по субботам или большим праздникам и заставляют ее искать у них в голове. Родственник, растянувшийся во всю длину на кровати или мягком одеяле и положивший свою голову на ее колени, засыпает под влиянием этого наслаждения, — и невеста, не смея нарушить его блаженный сон, сидит в прежнем положении и продолжает трещать ногтями, если в комнате нет другого гостя. Как только пришел другой, она тихонько подкладывает под голову спящего мягкую подушку и предлагает пришедшему свои услуги.

Самое большое уважение оказывает невеста избранному другу жениха, который исполняет роль посредника

между молодыми и передает жениху все впечатления, произведенные на него невестой, но только с хорошей стороны. Жених сам не видит невесты и не имеет возможности говорить с нею, пока родители ее не поблагодарят его за оказанные им почтение и покорность и не пригласят его к себе вместе с друзьями. (Об этом будет сказано ниже.)

Видя достоинство свое в скромности, молчании, в оказывании различных услуг родственникам и друзьям жениха, невеста долгие всего не говорит с другом жениха и делает ему кисеты, чехлы для часов и оружия и ермолки, отделанные бисером, галунами и мишурными украшениями. Редко кто не имеет подарка от невесты, и, в свою очередь, те также дарят ее серебряными вещами и материями. Друг жениха часто приносит невесте также подарки от себя и жениха. Подарки жениха не показываются невестой, так как ей стыдно иметь вещь, напоминающую об имени жениха, и кладутся в такое место, чтобы родители ее могли видеть, как жених ценит ее, и радовались.

Увидя вещь и встретив молчание дочери относительно ее, они догадываются и расспрашивают, после чего невеста надевает ее на себя и носит постоянно. Для того чтобы сделать жениху подарок, она сидит по целым дням и ночам в особой комнате и прячет изготавливаемый подарок при входе каждого, взяв сейчас же в руки другую работу.

Кроме того, родители жениха и невесты посылают по праздникам друг другу также подарки, состоящие из хороших кушаний и различных фруктов, от которых жених и невеста непременно должны попробовать, так как между ними иначе не будет ширины (сладости). Приносящие подарки жениху и невесте получают от них по медной или серебряной монете.

Переименование невестой родственников простирается только на родителей, самых близких родственников и друзей жениха. Имена эти даются ею или по личному усмотрению, или по совету подруг и молодых женщин, которые знают эти порядки; но родители ее не вмешива-

ются вовсе в это дело. Большею частью отца и мать жениха называет она бебе (папаша) и деде (мамаша), сестер — сийлү кўз (дочь или девушка, достойная славы), и эрке кўз (выросшая в баловстве и дорогая), алтун кўз (золотая девица) и, наконец, братьев, родственников и друзей — сийлү улан (сын или юноша, достойный славы), эрке улан (выросший в баловстве и любимый), исбои (стройный), сийлү (славный), инчке-бел (с тонкой талией), суйдўм (симпатия) и проч. Часто эти имена даются без различия пола мужчинам и женщинам, но с прибавлением кўз (девушка) и улан (юноша).

О женихе она никогда не говорит ни слова и закрывает от стыда лицо, когда другие при ней нечаянно заговаривают о нем. Если же приходится говорить о нем при близких подругах или с другом жениха, то она называет его у (он). Жених же называет всех по именам, а невесту также у (она).

Промежуток между обручением и свадьбой продолжается иногда несколько лет, и в течение всего этого времени невеста, идя куда-нибудь и встретив жениха, должна бежать, закрыв лицо платком, если она впереди, и вернуться назад, если он впереди. Когда же случается, что она сталкивается лицом к лицу с кем-либо из родственников, показавшимся из-за угла, то она оборачивается к нему спиной, закрывает лицо и стоит или приседает на землю, пока тот не пройдет.

От посторонних односельчан своих, не связанных ни родством, ни дружбой с женихом и родителями его, она дома вовсе не закрывает лица. Если случается свадьба и жених с невестой приглашены, то они прячутся попеременно от народа и танцуют, то есть когда танцует жених, то не видно невесты, когда она — жениха. Маленькие невесты, так как помолвки совершаются часто между детьми, начинают практиковаться и изучать эти порядки с семи-восьми лет. Уважение жениха к родителям невесты и покорность его выражаются тем, что он бежит от них, не присутствует там, где они, и не говорит. Даже и в синаго-

гах, где каждый имеет место, назначенное обществом или перешедшее к нему по смерти отца, он меняет прежнее место на новое, где отец невесты не видел бы его.

Избегание женихом родителей невесты продолжается до тех пор, пока они не примут его в гости с молодежью и тем не откроют шерм думоре (лицо жениха). Когда они изъявляют на это свое согласие, то родители жениха приглашают по юноше из каждого дома и дают им знать заранее о числе сопровождающих жениха. Это для того, чтобы невеста могла приготовить каждому из молодых людей по подарку — шелковые кисеты и платки, шелковые ермолки и прочие вещи, отделанные галунами и вышивкой.

В назначенный вечер все приглашенные являются к жениху и отсюда в сопровождении зурны, с песнями отправляются к невесте. Здесь встречают гостей родители невесты и, поцеловав жениха в лоб и щеки, приглашают всех в кунацкую, где приготовлены для них места на подушках. Жених садится на первое место, друг его — справа, один из родственников невесты — слева, а все остальные кругом, разделившись по четыре, по пяти на ху (партии). Тут им подаются водка, вина, куры (по одной каждой ху), плов, голубцы, шашлыки, вареники и прочие восточные блюда. Весь пол уставляется всевозможных цветов и красок тарелками и деревянными ложками и вилками, которые занимают по случаю торжества у соседей.

После ужина приносятся медные подносы, на которых красуются одежды для жениха, подарки для гостей, красные яйца, яблоки и другие плоды. Затем один поднос бывает наполнен блюдцами, в которых лежат папиросы, и пустыми тарелками, которые назначаются для сбора денег от жениха и присутствующих. Родственник невесты, сидящий с правой стороны жениха, снимает с подноса одежды и, торжественно произнося, из чего они состоят, кладет их перед женихом. Тот кивает головой своему другу и показывает знаками, чтобы он надел их на себя. Его

товарищ встает и при общих любопытных взглядах, жаждущих видеть платья, раздевается тут же и облачается в них. Сразу устремляются на него взоры присутствующих, и со всех сторон слышатся слова удовлетворения или осуждения, смотря по достоинству одежды.

После этого жених кладет в тарелку некоторую сумму, не превышающую, однако ж, десяти—пятнадцати рублей. Затем тарелки ставятся перед другими гостями, которые приглашаются последовать примеру жениха. Те кладут по желанию и состоянию от 30 коп. до 3 руб. и получают из рук родственника подарок, стоимость которого соответственна уплаченной им сумме.

После этого, все закуривают по папироске, берут несколько фруктов в карман и спешат домой, чтобы дать свободу жениху, который в эту же ночь с своими двумя друзьями должен идти проведать невесту. Родители невесты приглашают двух, знающих церемонии, совершающиеся при этом, молодых женщин и вместе с тем таких из подруг дочери, которых она не стеснялась бы. Приказав им смотреть во все глаза за помолвленными, они преспокойно уходят спать в другую комнату. При этом мать берет с дочери слово — остаться честной и стараться угодить желаниям жениха, — на что та, краснея до ушей, кивает головой в знак согласия и идет в кунацкую комнату, где ожидают гостей.

Подруги невесты называются согдуши или ендуши (сог — здоровье, ен — бок, душ — плечи), то есть девушки, присутствующие постоянно при невесте, — а обычай допускать жениха на ночное свидание с невестой — гечелей (ночное посещение). Подруги и невеста готовят для приема жениха различные кушанья и фрукты, также и подарки и ждут их у окна.

Около 12 часов ночи друзья жениха стучатся в окно условленными знаками и просят отворить его, чтобы войти в комнату. Согдуши просят показать прежде подарки, принесенные ими за то, что они исполняют роль привратниц. Те показывают издали; эти просят развернуть платок

и показать все хорошенько; те боятся, чтобы они не требовали вторично, вырвав эти подарки, что они и делают часто, потому и показывают, держа их крепко в руках; эти не довольствуются подарками и просят еще; те обещают, а эти не верят и торгуются.

Наконец, уладив дело, друзья и жених прыгают в окно. Тут они видят невесту, стоящую в углу лицом к стене, и всевозможные блюда на полу. Друзья жениха подходят здороваться к невесте, а она, закрывая лицо левой рукой и чуть держась от стыда, так как в первый раз стоит под одною кровлею с женихом и при других, подает им правую руку и делает различные движения, чтобы убежать. Жених в это время здоровается с согдушами и садится на почетное место.

Раз мне пришлось провожать товарища на гечелей, и невеста, увидев нас, бросилась вон из комнаты и побежала в другую комнату, где спала мать. Мы раза три послали к ней согдуш, а она все не шла и не соглашалась. Наконец жених начал капризничать и просить, чтобы его отпустили отсюда, где его нога не будет больше. Об этом было передано матери согдушами, и она насильно вытолкала невесту из комнаты и приказала сию минуту отправиться к гостям, если она не желает, чтобы отец или братья проснулись. А что будет тогда, она слышала от подруг!

Друзья и подруги садятся к жениху и начинают говорить о разных разностях. Жених слушает мрачно, говорит тихо, чтобы невеста не подумала о нем худо, и улыбается по временам с некоторою принужденностью. Им подают напитки и закуски. Друзья, повеселев немножко, встают с своих мест, подходят к невесте и, поблагодарив ее за почтение, начинают просить, чтобы она приняла участие в их веселии. После долгих просьб, к которым присоединяет свои также и жених, она подходит к друзьям и стоит около стены, не смея взглянуть на жениха и отвечая на вопросы и смех мужчин киваниями и скромной улыбкой.

После ужина и чая, в которых невеста не принимает участия, подружки снимают с полок подушки и одеяла и готовят на полу места для желающих отдохнуть. Конечно, жених и невеста прекрасно знают, что значит это «отдохнуть», и слышали, что бывает тогда. На лицах их, выражающих некоторое беспокойство и страх, выступает заметная краска стыда, яркий румянец невинности. Невеста беспрестанно бросает на своих подруг огненный, укоряющий их взгляд, который вместе с тем выражает страдание, мольбу — оставить ее в покое. Заметно, как она дрожит и бледнеет, как тяжело дышит и, господи, чего не происходит в душе ее в эти минуты!

Я имел друзей-супругов, которые передавали все впечатления, пережитые ими во время гечелей. «Вот-вот уйдут все эти друзья и подружки, представляется ей, вот останется она одна с женихом, который потушит свечку, возьмет ее за руку и потащит с собой отдохнуть; ею овладевает непонятная тоска и мучительный страх. «Уя худо! (Боже!) Как все это безобразно, жестоко и невыносимо, — думает она, — меня караулят и не пускают бежать. Хоть бы заснули все, а то ведь знаю, что они нарочно храпят, притворяясь спящими, и будут слышать все, что мы будем говорить, замечать каждое наше движение. Как это не стыдно!»

Так же размышляет и жених, смотря исподлобья на невесту и на эти маневры; но его занимают кроме этого еще некоторые вопросы, которых решения надеется он найти сегодня у невесты. Он не знает, любит ли его невеста и какова она — зла ли или добра, умна или глупа, капризна, горда или проста... но он решил расспросить ее, разузнать обо всем...

«А! — думает он. — Ведь они следят за нами во все глаза, чтобы между нами не было греха, и я ни за что не буду говорить во всеуслышание».

В это время последний из сидевших с ним прежде и не заснувший еще подходит к невесте и начинает уговаривать ее, чтобы она села, так как она, вероятно, устала. Действительно, она едва держится на ногах, и видно, что

давно ей хочется присесть, хотя бы на минутку, но чтобы она дала заметить жениху и другу его свое утомление или нездоровье, — боже упаси!

Она качает головой и дает этим знать, чтобы не беспокоились о ней. Тот просит опять, говоря, что этим пренебрежительно обижает его она и доставит ему удовольствие.

Странно, что друзья жениха имеют больше веса и значения перед невестой, чем сам жених, и она ужасно боится не угодить их желанию. Она уступает просьбам и, двигаясь несколько раз то вперед, то назад и дрожа всем телом, садится рядом с другом жениха и так, чтобы ей не был виден жених. В ней начинает происходить сильная душевная борьба — остаться или идти?

Этот момент считается самым критическим. Горские девушки, как сказал я выше, до того стыдливы, робки и целомудренны, что большинство из них готовы лучше идти на верную смерть, чем позволить себе оставаться наедине с мужчинами, которых они видят впервые. Поэтому друзьями принимаются предосторожности и запираются крепко-накрепко двери и окна.

Но не всегда бывает так легко покорить горскую девушку: иные из них оказываются более находчивыми и смелыми на всякий шаг, чем мужчины, и, воспользовавшись случаем, выбегают из комнаты. А тогда ищи невесту сколько хочешь, кричи во все горло «Аллах», вызывай мать ее из ее опочивальни, — ничем нельзя пособить горю! Невеста забирается в глухой угол и там проводит ночь до утра в отчаянных рыданиях.

Если же невеста села, то победа, значит, на стороне друзей, и она наверно не убежит, потому что это будет считаться смертельной обидой для друзей. Как только невеста садится, друг жениха встает за чем-нибудь и, потушив свечку, будто нечаянно, отправляется также спать на приготовленное место. В это же время жених приближается к невесте, ловит ее за руку и начинает говорить прерывисто и шепотом. Но сколько стоит ему усилия, чтобы сделать этот первый шаг! Я слышал от товарищей, кото-

рые рассказывали, что они дрожали в эту минуту, как лист, и не находили, что говорить и как приступить к обезоруженной, беззащитной и тоже дрожащей девушке. Но иные обрученные, знавшие прежде друг друга или чувствовавшие взаимную симпатию, беседуют без стеснения до утра, не обращая внимания на сторожей, которые и в самом деле засыпают один за другим. Оставшись вполне наедине и в темноте, молодые делаются развязными, смеются, ласкают друг друга и проводят в разговорах время, пока на заре не проснутся подруги и не поторопят жениха уйти поскорее, чтобы его не заметил народ и не осуждал его за долгое препровождение времени с невестой.

Но при всем этом надо заметить, что наши девушки-невесты остаются строго целомудренными и невинными, и ни один из молодых не может дерзнуть дойти до греха, зная строгость законов и обычая, которым должны они подвергнуться оба. Горе молодым людям, не сумевшим воздержаться на гечелеях и вообще сохранить целомудрие! Каждый указывает на них пальцем, смотрит с пренебрежением, плюет при виде их, называет самыми грязными именами... и они не могут всю жизнь избавиться от осуждения общества. Тем более несчастными делаются дети, имеющие таковых родителей, и тем презрительнее относится общество к ним, называя их пич или мемзир (незаконнорожденные).

После первого приглашения родителями невесты жених свободно посещает дом их, но не видит невесты. Если же появится у него желание видеть ее, то друзья устраивают ему гечелеи, которые имеют такой же характер и стоят таких же денег. Но частые гечелеи осуждаются обществом, считающим их за волокитство, легкомыслие и бездельничанье, и родители невесты смотрят тогда на жениха с некоторым неудовольствием.

Отцы жениха и невесты заключают между собою, кроме договоров о выкупных деньгах, еще одно условие, по которому жених должен сделать невесте, если промежуток от обручения до венца продолжается не менее двух лет,

различные шелковые наряды. День, в который представляются невесте наряды, считается одним из торжественных и называется табаг (поднос), ибо так же, как при обручении, подарки несут родственницы на подносах, и шествие сопровождается зурною и песнями.

За два-три месяца до свадьбы совершается для помолвленных Рах-бура (пресечение пути). Так названа эта церемония потому, что в этот день жених отдает отцу невесты последние выкупные деньги, и обе стороны начинают деятельно готовиться к свадьбе. С этого дня жениху и невесте очень опасно, по поверью, отправляться куда-нибудь в путь, тем более в темную ночь. Поэтому помолвленных оберегают родители и не пускают их никуда без провожатых. Поверие же основано на том, что за ними следят шеаду (злые духи) и, завидуя счастьем людей, стараются разъединить их, увести и сделать их сумасшедшими.

Также постановлено обычаем, чтобы, во-первых, после этого дня жених не бывал на гечелеях и не видел невесты, а во-вторых, невеста закрывалась бы вновь ото всех и не показывала лица никому из родственников до ночи, следующей сейчас после венца, а посторонним через две, через три недели после свадьбы, и то тогда только, если они сделают согбоши (благодарность), дадут ей за это подарки.

За неделю до свадьбы родители жениха приглашают своих родственников, чтобы они скроили жениху и невесте подвенечные платья, дарили бы по своему усмотрению других близких родственников и бедных вдов и сирот платьями из готовых тут же материй. Кроме того, в течение этой же недели женщины готовят плов из кур, для отсылки старухам и старикам, у которых в этом году умерли дети или родственники, и вообще всем носящим траур. Своими дарами и вниманием они хотят испросить у них позволения сыграть свадьбу, так как из уважения к памяти умерших не желают своей музыкой и плясками оскорбить чувства носящих траур. После этого последние посылают помолвленным свои заочные благословения и

пожелания счастья и просят родителей не откладывать Богом сужденной радости детей, так как никто не знает, что будет завтра с нами.

Получив отовсюду такие ответы, мужчины пишут в каждый город и аул, где только есть родственники, и просят их приехать отпраздновать вместе торжественные дни, а женщины шьют наряды жениху и невесте. Точно так же готовятся и в доме невесты к брачным пиршествам. В начале этой недели невеста также просит к себе нескольких подруг и родственниц, которые занимаются приготовлением ее приданого. Среди подруг выбирает она двух девушек, которые делаются ее согдушами помогают ей в шитье платьев и находятся при ней до самого бракосочетания.

Брачные пиршества, по соглашению родственников молодых и когда обе стороны готовы, начинаются в пятницу вечером и происходят одновременно у жениха и у невесты. Свадьба происходит зимою, так как в это время накопляется много свежего вина.

От жениха идут в пятницу вечером ко всем односельчанам двое из молодых родственников его и приглашают мужчин вместе с их гостями на шев бирор-думор (ночь брата жениха). В эту ночь к жениху просят родители одного или двух из его друзей или близких родственников, которые называются бирор-думор (брат жениха) и обязанность которых сопровождать жениха во все время свадьбы. Кроме того, еще шесть дней после свадьбы брат жениха всюду следует за ним и если оставляет его на несколько минут, то передает свое место кому-нибудь другому или второму бирор-думору.

Далее родители просят общество утвердить в пятницу вечером еще в должности двух сер-коло-ли (распорядителей, в руках которых находятся ключи от погребов, где хранятся вина и съестные припасы) и нескольких женщин для приготовления свадебных кушаний. Они должны находиться на свадьбе, каждый при своей должности, в течение двух недель. Сер-коло-ли выбираются из более извест-

ных своею практичностью и строгостью с молодежью, которая, не жалея женихова добра, тащит тайком из погребов вина, мясо, колбасы и пр. и пирует особо от свадьбы.

Приглашенные гости и должностные лица являются к жениху после вечерней молитвы и пируют у него далеко за полночь. От невесты согдуши идут приглашать девушек «спать и веселиться с невестой до выхода ее замуж». Здесь они поют песни, танцуют и увеселяют невесту, плачущую и говорящую своим подружкам, что ей всего остается быть под кровом родных пять-шесть дней.

В эти дни они окружают невесту и гуляют с нею в садах, поют песни и затевают различные игры.

Если кто-либо приходит к ним из дома жениха, они бросаются на него, срывают с него шапку и требуют денег за посещение. Таким образом, девушки собирают от гостей и большею частью молодежи, приходящей танцевать, петь и смотреть на девушек, около 30—40 руб., на которые приглашают народных певцов и зурну.

В субботу после молитвы в дом жениха опять приходят старики и взрослые мужчины, которые, попросив принести себе обед, остаются тут веселиться. После обеда мужчин сменяют женщины, которые приносят с собою фрукты в платках и проводят время до вечера в песнях и беседах. К невесте в этот день являются молодые женщины, вышедшие недавно замуж, и парни, которые также веселятся до ночи, распевая хоровые песни и танцуя под звуки гармонии, на которой играет какая-нибудь мастерица-красавица из горских девушек.

В воскресенье все заняты приготовлением ужина для пой-пою (стоящей на ногах свиты), которую посылают приглашать сейчас же после обеда. Настоящая свадьба начинается с этого или следующего вечера, то есть с понедельника. В приготовлении начального ужина для пой-пою помогают все родственники и родственницы и даже мало-мальски знакомые, если имеют свободное время. Тот рубит дрова, тот едет в город за свадебными надобностями, тот в лес за дровами и т. п.

Как семья жениха, так и невесты приглашает вообще из каждого дома по одному юноше и по одной девушке, так что число приглашенных юношей у жениха доходит до 60—70 пар, а у невесты до 20—30. Все эти гоноши составляют свиту жениха, а девушки свиту невесты. Журначи и барабанщик приглашаются часа за три, за четыре до начала ужина; они начинают играть ерденкуи (вроде марша), а собирающаяся молодежь, девушки и женщины приветствуют их, прыгая, хлопая в ладоши и затягивая хоромы татарские песни: «Хо-ло-лой, хо-ло-лой!»

Наконец подается ужин — отдельно юношам, женщинам и девушкам. После ужина проверяется число явившихся гостей и отдается приказание распорядителям приготовить завтра обед не меньше чем на столько-то человек.

Зурна играет до двух-трех часов ночи, и танцы идут во всем разгаре. На следующий день, в понедельник или во вторник, смотря по тому, когда началась свадьба, юноши, являясь утром в дом жениха, отправляются к сер-ко-лоли (распорядителю) требовать сепеелей-пой-поп-ре, то есть три стакана вина, полагающиеся каждому члену свиты. Желаящим из них вместо трех стаканов вина подается рюмка водки с закуской. После этого все собираются на свои места, на круг, отведенный для танцев, и выбирают из своей среды шаха, обязанность которого смотреть за свадебными церемониями.

Свадебные пиршества, как мы упомянули, продолжаются дня четыре и происходят одновременно у жениха и невесты. Главное торжество происходит в доме жениха, а у невесты собираются только ее подруги и близкие родственники. Впрочем, гости переезжают постоянно из одного дома в другой, и сношения между ними не прерываются. В доме жениха, днем на дворе, а ночью или во время дурной погоды в комнатах, происходит главное торжество. Круг на полу, отведенный для танцев, посыпается песком или саманом для удобства танцующих. Вокруг него расставлены деревянные скамейки, на которых помещается шах со своей свитой. Перед шахом стоит стол

с винами и закусками, по правую руку сидит его визир, а по левую — жених со своим нареченным братом. Все они хлопают в такт танцующим под звуки зурны и барабана. Над девушками также есть одна старшая, которая и назначает очередь, когда какой выйти танцевать.

Несколько юношей човучи (полицейские) вооружаются кнутами и состоят под распоряжением шаха. Назначение их кроме поощрения хлопающих в ладоши еще имеет, так сказать, полицейскую цель. Дело в том, что шах старается собрать у присутствующих на свадьбе родственников жениха как можно больше денег в пользу последнего. Для этого он пользуется каждым удобным случаем, чтобы наложить на них штраф в размере от 50 коп. до 3—4 руб. Если же кто заупрямится и по первому призыву шаха не отдаст наложенного на него штрафа, то шах отдает приказание упомянутым членам свиты, вооруженным кнутами, и виновный привязывается к нарочно с этою целью поставленному деревянному столбу и не отвязывается до тех пор, пока не уплатит положенного штрафа. Более тяжелых преступников, например ругавших шаха или его правление, кроме штрафа сажают на пять, на шесть часов в конюшню, и никакие просьбы отпустить их не принимаются. Конечно, такой казус сопровождается громким смехом и шутками присутствующих, и танцы продолжают своим чередом. По временам их заменяют хоровые песни мужчин и женщин. Так продолжается двое-трое суток.

На первый или второй день свадьбы и когда шах, брат жениха и другие лица выбраны, все общество под предводительством шаха отправляется встречать невесту, если она едет из другого аула, и встреча происходит за две — три версты от места отправления. Свита жениха запасается вином и закусками, не забывая при этом и музыку. Часть свиты, разузнав о скором приближении поезда невесты, пускается вскачь вперед, чтобы поздравить провожающих ее, а затем так же вскачь возвращается назад, и при этом тот, чья лошадь будет впереди, получает из рук

шаха в награду шелковый платок, который тут же и повязывается на шею лошади. Иногда вместо шелкового платка дают кусок хорошего сукна — аршин шесть — для черкески или бархат на занавеску стены. Эти подарки готовятся джигитующим в награду отцом жениха.

Во вторник в дом невесты приглашаются из каждого дома по одному взрослому мужчине. Здесь после роскошного обеда все гости дарят невесту деньгами, а родственники деньгами и вещами, которые ставятся на пол и записываются раввином. Это называется Нотор-Хадийо. При получении денег невеста подносит подателю стакан с вином, который выпивается им с ужимками и кривляниями, чтоб развеселить девушку, которая смотрит на него исподлобья и тоже улыбается. В это время подружки ее, стоящие в углу комнаты, поют хором в честь подателя и невесты «Хей-шобош! хей-шобош!».

На этот или следующий день семья жениха приглашает женщин, в числе которых должны быть и молодые женщины, вышедшие в тот год замуж и не открывшие еще для света своего лица. (Перед своими молодая открывается совсем через три-четыре месяца.) Каждая женщина, вступая на порог дома, произносит: «Приносим свое поздравление; да будут счастливы молодые, да будет счастлив час, в который они соединятся» и пр., на что мать, сестры и родственницы жениха отвечают: «Да будет и твоему (сыну, брату) такое венчание, да и тем всем родственникам и знакомым, кто не был еще венчан; милости просим, войдите!»

Женщина-гостя, входя в комнату, дает матери или сестре жениха, поставленным принимать гостей, серебряную монету. Деньги, собранные таким образом, идут частью для бедных, частью на покупку фруктов и сластей для женщин и мужчин.

Так как молодые женщины почти около полугода после своей свадьбы стыдятся выходить на улицу, говорить с посторонними и даже являться на свадьбы с закрытым лицом, то для того, чтобы сделать их развязными, моло-

дежь выдумывает различные мимические представления и шуточные игры.

Одна из известнейших повсеместно игр называется пейливон (акробатическое представление на канате). Она состоит в том, что на дворе рядом с кругом, отведенным для танцев, натягивается канат посредством четырех бревен, наклоненных попарно, вышиною около четырех-пяти аршин и на расстоянии двадцати или более шагов одно от другого. На этом канате с большим балансом в руках танцует один опытный акробат лезгинку и дает представления. Акробат одевается в пестрое платье из игральных карт или цветных бумаг с металлическими блестками. Внизу под канатом бегают туда и сюда два одетых в шубы наизнанку и также в папахи думбой (комики), которых лица бывают закрыты шкурою с отверстиями для глаз, рта и с усами и бородой. Прежде всего представление дается в честь родителей жениха, от которых почти ничего не берут за это или берут очень мало, если они не жалеют припасов и ничего не скрывают от свиты жениха; в противном же случае их — мужа и жену — привязывают к одному и тому же столбу и не отпускают, пока они или сами, или кто-нибудь за них не уплатят трех-четырёх рублей.

Представления даются под надзором шаха и следующим образом. Завидя кого-либо из аульных гостей или приезжих, чоучи (полицейские) передают об этом через визиря шаху. Тот приказывает чоучам, чтобы они схватили гостя и велели музыке играть. Думбой, услышав сигнал музыки, которая останавливается минут на пять, пока опять не получит приказания играть, идут под канат, начинают там прыгать, кривляться и кричать разными звериными голосами. Пехливон-чи (актер), сидящий на перекрестных концах пары бревен, встает и готовится представлять. В это время один из думбоев произносит громко, подняв голову вверх: «Пехливон, кардаш!» (друг, акробат!). Тот отвечает: «Хе-плей, жон-кардаш!» (к услугам твоим, дорогой друг!).

Думбой начинает: «Хүнер-хүнер учүн, һүнер яхши игит (имя такого то или такой то), то есть, если сказать тебе, в честь кого мы должны показать свой талант и искусство, то в честь такого-то храброго, доброго красавца и красавицы (имя)».

Пехливон-чи, повторив то же, что говорит думбой, начинает танцевать на канате под звуки зурны, а думбой скачут вниз, смотря по временам наверх, чтобы подать помощь акробату в случае его падения. Окончив свой танец, акробат садится на другом конце, а думбой бегут за деньгами к лицу, в честь которого играли, прыгают, кувркаются и требуют большего и большего количества денег, которые затем кладутся на стол перед шахом.

Смотря, много ли даст гость, даются представления, различные по степени опасности. Из них известны несколько: например, танцы с привязанными к пяткам горизонтально кинжалами, с прикрепленными к подошвам саблями по лезвиям или плоскостям, с обутыми в маленькие котелки ногами, с завязанными глазами и пр. Представления эти оживляют думбой своими островами, писклявыми голосами и циничными движениями, при которых все поднимают дикий смех, бьют в ладоши и кричат «Ура, ура!». Больше всего издеваются думбой над молодыми женщинами.

В ночь со вторника на среду невесту ведут на омовение в реку, купальню или баню, смотря потому, где происходит свадьба — в городе или ауле. Провожают невесту только ее подруги и одна молодая женщина, выбранная уже для невесты в должность куда-катун (посажена мать). Вернувшись домой, подруги расплетают мокрые волосы невесты, чешут их гребнями и, разделив их на несколько прядей, заплетают в косы. В это время одна начинает распевать «Йе шевле мухмун деде», а другие затягивать «Йе дүкле русмун деде (Еще одна ночь ты гостя у матери, еще остается тебе только одно веретенце выпрясти для матери)».

После уборки волос подруги принимают за одевание невесты в чистое белье, приготовление ее вещей по порядку и ждут принесения от жениха подвенечных нарядов.

Каждая девушка от души помогает своей подружке-невесте и, зная, как тяжело ей расстаться навсегда с родными, утешает ее, веселит и танцует с ней.

На третий или четвертый (последний) день свадьбы происходит самый обряд венчания. До венца, утром, относят невесте наряды и подарки, приготовленные женихом. Все общество, сопровождаемое музыкой, отправляется к невесте. Мужчины, держа в руках сосуды, наполненные вином и водкой, поют: а-на-най, а-нап! Женщины и девушки, неся на голове подносы, на которых лежат наряды невесты, сарацинское пшено, куры, индюки, гуси, чуреки и пр., затыгивают хо-ло-лой; зурначи дерет во все горло свое ердеп-куи, весь аул приходит в движение. Вручив все наряды и подарки родителям невесты, общество возвращается на прежнее место и занимается женихом.

Часа за три до отправления жениха в баню или на реку на кругу, где бывають танцы, происходит нечто вроде аукционного торга. Здесь продаются подвенечные одежды жениха, каждая порознь и притом только на то время, когда жених моется. Кроме того, продается право обуть жениха по выходе его из бани в носки и чулки, право надеть на него бешмет, право обрить ему голову, право поцеловать его первым в бритую голову, что считается большою честью.

Наконец, часов в двенадцать утра, жених, в сопровождении шаха, визиря, названного брата и всей свиты, отправляется в баню или хавуз (купальню). Процессию сопровождает музыка и, пока жених и брат его, нигде его не оставляющий, моются, вся остальная свита пляшет, и никакой мороз, ни ветер, ни гроза не могут помешать этим танцам. Между тем в предбаннике стоят женщины и торпят умывающихся своими песнями: «И чў дир омо думор иму, гаи дир омо думор иму», то есть «Как это долго возится жених, как это поздно не выходит он!»

Когда жених кончит омовение, в предбаннике и между народом раздаются выстрелы, и его встречает купивший право поцеловать его в обриту голову, в знак большого

к нему уважения. Затем, одевшись, жених становится у дверей, поникши головой и уткнув лицо от стыда в рукав шубы или черкески, а сопровождавшие его все подходят поочередно и целуют его в голову. Женщины же в это время осыпают его сарацинским пшеном и мукою, символом благосостояния, плодородия и чистоты семейного счастья, а все остальные члены свиты поют или татарские песни, или гимны на древнееврейском языке. В недавние времена после бритья головы жених садился на лошадь и выезжал джигитовать в поле со своими товарищами и свитой. Теперь это выходит из обычая.

Из бани вся компания отправляется за невестой. Здесь родители ее или другие родственники ожидают их у дверей дома. Жених падает перед ними на колени и целует их руки и ноги в знак полной покорности. Потом родители выводят невесту и отдают ее жениху, провожая со слезами свою «помощницу матери» и благословляя ее на счастливую жизнь с мужем. При этом мать целует жениха и дарит его серебряным или шелковым поясом, шелковым платком и кисетом. Опясав его, она вешает ему свои подарки к поясу и, еще раз благословив его и дочь, следует за ними. Лицо невесты покрыто шелковым платком, окруженным двойным или тройным рядом крупных золотых и серебряных монет.

Отсюда жених и невеста отправляются, каждый отдельно и со своей свитой, к родителям жениха. Затем, если свадьба происходит в городе, где можно достать приличные экипажи, жених со своим нареченным братом и енгой (прислужница из сестер), держащей в руках восковые свечи, и невеста с посаженою матерью и какою-нибудь девочкою-родственницей садятся в экипажи, и процессия направляется в синагогу. В руках у посаженной матери и девочки горят также восковые четырехугольные свечи, окрашенные разноцветными красками; экипажи окружает свита жениха и духовая музыка.

Если свадьба происходит в ауле, то жених и невеста идут пешком, каждый отдельно, окруженные своей сви-

той, которая в это время распевает хором песни и гимны. К процессии присоединяются с обеих сторон родственники и друзья с наполненными вином стаканами в одной руке и графином в другой. Крики, шум, песни, неумолкающее «Ура!», хохот — все это сливается вместе, и встречные прохожие, выразив чете пожелания счастья, тоже присоединяются к ликующим. Между тем из дома невесты в дом жениха перевозится ее имущество, наряды, хозяйственные принадлежности и т. п. Все это обыкновенно справляется на калын, полученный от жениха.

Когда процессия достигает синагоги, музыка останавливается и играет лезгинку или другое что-нибудь веселое в этом роде. Жених выходит из экипажа и идет во двор синагоги, а невесту несет, как ребенка, на руках один из родственников ее или жениха. Нельзя не сказать здесь об одном суеверии, сильно вкоренившемся между евреями-горцами и имеющем громадное влияние, во-первых, на всю следующую двух-трехлетнюю жизнь вступающих в брак и, во-вторых, на поднятие значения и популярности знахарок и колдунов.

Горские евреи глубоко верят в то, что в брачные дела вмешиваются нечистые духи и колдуны, находящиеся под влиянием первых. По их мнению, в то время, как раввин соединяет молодых словами Священного Писания, дьявол старается расстроить брак и, вселившись в душу какого-либо злого человека, является на свадьбу и «связывает узел», который имеет такую силу, что молодые вовеки не соединятся, пока он не будет развязан. Но узел дьявола не так опасен, как узлы людей, врагов жениха или невесты, ибо узел первого можно развязать посредством молитвы к Богу, который принудит дьявола к этому, а узел вторых развязать невозможно, потому что они могут спрятать его где-нибудь и позабыть. Бросить же связанные во время венчания узлы боится всякий, потому что после этого скоро наступает смерть бросившего их.

Из узлов же, связанных во время венчания, имеют те только силу, которые сделаны как раз в то время, когда

жених надевает невесте на палец кольцо и произносит девять слов из Священного Писания, соединяющие законным браком; а в продолжение произнесения их можно связать не больше десяти—двенадцати узлов, что также боятся делать, ибо тогда Бог уменьшает число годов жизни связывающих узлы в два раза столько, сколько узлов. Самый злой враг делает поэтому не больше трех-четыре и тем не дает соединиться молодым три-четыре года.

Странно то, что это суеверие было проверяемо стариками несколько раз, и результаты еще более подкрепляли суеверие. Связывали без ведома жениха узлы, пускали молодых на брачное ложе, и жених со стыдом выходил из комнаты невесты; развязывали через несколько дней или месяцев, и наваждение проходило.

Узлы можно связать не только ремнем, шнурком, веревкой, но и металлическими вещами, как, например, кольцом, кинжалом, саблей и т. п. Для этого нужно только перевернуть предмет и надеть наизнанку. Можно избавиться и от таких узлов; для этого нужно близким родственникам жениха и невесты быть предусмотрительными и самим постараться связать как можно больше узлов, так как те будут иметь большую силу, которые начали завязывать узлы при первом же слове, произносимом женихом. Число же их должно быть самое большое потому, что посторонние побоятся сделать много узлов и не развязать вовремя, а родственники развяжут свои узлы сейчас же, как отпустили жениха к невесте. Поэтому нередко можно видеть, во время венчания, какого-либо родственника жениха, который, внимательно слушая жениха, начинающего слова Писания, с усердием и каким-то самодовольством начинает делать несколько узлов и смотрит по сторонам, чтобы узнать, нет ли еще кого.

На дворе синагоги стоит балдахин, под которым должны венчаться новобрачные. Балдахин состоит из куска шелковой материи, натянутой на четыре жерди. Жерди эти держатся четырьмя родственниками невесты и жениха. Во время венчания раввин читает молитвы, а жених

со своим нареченным братом и невеста с посаженою матерью стоят поникши головами под балдахином и слушают раввина¹. Балдахин окружает народ различных верований и племен, так как горцы-евреи не воспрещают никому присутствовать при своем богослужении, тем более на свадьбах.

Потом раввин берет полный стакан вина, произносит молитву и передает его жениху. Последний, так же как и невеста, постится с восьми часов вечера предыдущего дня и только теперь впервые отпивает немного вина и подает его невесте. Невеста, сделав то же, подает его раввину. Затем жених надевает невесте на палец кольцо или кладет ей в руку серебряную монету и повторяет за раввином слова Священного Писания. После этого раввин читает вслух брачное условие кетибо, в котором упоминается, какое приданое приносит с собою невеста и сколько, в случае развода, жених обязывается уплатить ей наличными деньгами.

После чтения раввин снова наполняет стакан вином, опять читает над ним молитву, но на этот раз подает его не жениху, а невесте. Та отдает его жениху, а последний, отпив немного, со всей силы разбивает стакан о камень, с этою целью лежащий здесь же под балдахином. Наконец балдахин снимается, и раздается дружное «Ура!» присутствующих. После венца жених и невеста с согдушами и енгамы садятся в экипаж, который окружается поющею гимны молодежью и учениками с одной, девушками с другой стороны, и едут медленно в дом жениха, где для обоих новобрачных готовят отдельные комнаты, освещенные как можно большим количеством свечей.

¹ В прежнем описании моем (Рассвет. 1881. № 18) было сказано, что невеста семь раз обходит жениха. Эта ошибка вкралась тогда, во-первых, по молодости моей и незнакомству с некоторыми обрядами нашего народа, так как маленькие вовсе не допускаются на такие торжества, где много народу; во-вторых, живя между русскими евреями и видя обряд венчания у этих последних, почти одинаковый с обрядом горцев, я не обратил внимания на это различие.

Дорогой со всех сторон на молодых сыплются крупа, пшено и мука, которые бросают женщины, услыша шум проходящей мимо их саклей процессии и выбегая второпях навстречу молодым. Во многих местах раздаются выстрелы из ружья и пистолета и слышится «Ура!» и музыка.

Дома встречают молодых родители мужа и, снова благословив их и поцеловав, отводят их отдельно в приготовленные комнаты. На брачный ужин приглашаются все в городе или ауле: мужчины с их гостями, женщины и дети. Мужчины собираются в комнате молодого, который сидит на низеньком татарском стульчике и поднимается с места при входе каждого из гостей, ласково отвечая на пожелания счастья.

Перед молодым на полу ставится большой медный поднос, на котором лежат три чурека с узорами сверху и с яблоками и красными яйцами по три на каждом чуреке. В чурек втыкаются на одинаковом расстоянии три-четыре маленькие восковые свечки.

Каждый приходящий гость усаживается на полу, покрытом разноцветными коврами, наиболее же почетные садятся на мягкие подушки. Молодой сидит на первом почетном месте, так как он теперь в продолжение восьми дней считается выше всех в обществе. После жениха сидит раввин, перед которым ставят тарелку или расстилают большой платок, куда каждый кладет свое посильное пожертвование в пользу молодых, называемое хотор-хадио.

Жертвования начинаются родителями жениха и невесты. Брат жениха подает жертвователю стакан с вином и, громко произнося: «Хей-шобош, хей-шобош», говорит его имя и сумму пожертвованного. Кроме этого, жертвованиям ведется подробная запись, которая хранится у новобрачного для того, чтобы и он мог пожертвовать такую же сумму, если не больше, на свадьбе каждого из жертвователей или его детей. Жертвования доходят от 50 руб. до 300, 400, смотря по тому, беден ли жених или богат. В первом случае сбор бывает маленький, а во втором большой, так как на свадьбу богатого, кроме односельцев, при-

езжает из других городов и аулов масса родственников и родственников.

По окончании этой церемонии подается ужин, после которого рабби служит молебствие, за что и ему гости платят по состоянию и желанию. Затем общество расходится по домам. Почти то же происходит и на половине молодой, куда собираются женщины, но с тою только разницею, что для нее не собираются деньги, и если кто-либо из женщин дарит ее подарками за «открытие лица», то только одни родственницы. С молодой сидят согдуши и энга за занавеской, чтобы не все женщины видели, как ест невеста, и ужинают.

Когда старики уходят, молодежь садится ужинать с новобрачным, а девушки с молодой. Не стесняемая присутствием старших, молодежь предается неудержимому веселью. Шутки, песни и шумный говор не умолкают. К полуночи новообвенчанные оставляют шумное общество, а девушки, собравшись в комнате молодого, поют веселые свадебные песни. Покой новобрачных охраняет названный брат жениха. Часа через три жених возвращается к своей свите, а согдуши, куда-катуп и энга входят в комнату молодой и, узнав о благополучном исходе дела и прыгая радостно, скорее убирают ложе новобрачных. В это время друзья жениха стреляют из ружей, что извещает о благополучном совершении брачного акта.

Тогда шах со своей свитой отправляется смотреть, что делает молодая. Придя к невесте, он со свитой садится на полу, и каждому из них молодая подает стакан с вином, в который они, опорожнив его, кладут какую-нибудь монету. Согдуши и энга поют «Хей-шобош!», а посаженная мать невесты собирает эти деньги и дает юношам от имени молодой разные подарки: кисеты, обшитые золотом и серебром, шелковые, шерстяные платки и пр. Затем все расходится, и сакля пустеет. Согдуши, энга и посаженная мать остаются с молодой девять дней, прислуживают ей в это время и утешают, так как она постоянно плачет об оставлении родительского дома. Тем более скучает она и горю-

ет, если вышла замуж в другой аул или город и с ней нет никого из родных, кроме брата, провожающего ее.

После свадьбы новобрачная три-четыре месяца не выходит из дому и не снимает покрывала. По истечении этого времени, выходя из дому на свадьбы или обручения, она продолжает носить покрывало около года, а дома снимает его и занимается хозяйством. На 10-й день после свадьбы делается «родственный обед», на котором присутствуют только родственники молодых и рабби, а вечером провожают нареченного брата молодого домой, дав ему приличные подарки от имени молодых. После этого молодым супругам дается свобода и они занимаются дома хозяйственными делами.

Нужно заметить, что горские девушки выходят очень рано замуж, так что в 15 лет они по большей части имеют уже и ребенка.

ГЛАВА 4

Сиделки у больного еврея-горца. Господствующие болезни и способы их лечения. Местные врачи и отношение горцев-евреев к медицине. Причины заразных болезней. Похороны. Женщины-плакальщицы. Траур по умершим молодым и старикам. Девушка-невеста по смерти жениха. Поверья относительно явления смерти, относительно носилок, могил и воя собак. Кровная месть. Суды и управления у городских и сельских жителей. Случай убийства. Справление поминок. Поверья о бессмертии души и о загробной жизни. Высший верховный суд. Троны Бога. Гелгел (вращение). Ад. Рай

Еще задолго до кончины еврея-горца сакля его беспрестанно посещается стариками и старухами одного с ним аула, которые заботливо ухаживают за ним, исполняют малейшее его желание и даже остаются ночевать у него, так что у больного еврея-горца никогда, ни днем ни ночью, не бывает менее двух-трех сиделок.

Рассказывая об обычаях евреев-горцев покупать жену, делать помолвку детей в их младенчестве, о затворничестве женщин, о знахарях и колдунах и пр., я коснулся между прочим и вопроса о господствующих болезнях между горским населением. Из них я обратил внимание на чахотку и на болезни детей и показал причины, от которых происходят такие губительные последствия. Теперь же сообщу о

некоторых болезнях, которые могут быть излечимы при правильном лечении, но благодаря невежеству евреев-горцев все-таки имеют очень дурные последствия для больных.

К таким болезням относятся: припадки (дүл гүрдеи), которые, повторяясь чаще и чаще, переходят в сумасшествие (шахадуни), золотуха (кечель), лихорадка (лерз), горячка (кизмиш), желтуха (савзи), оспа (овле), бугорчатка (зуве, думбель), ревматизм (вор) и многие другие, различные по местностям и густоте населения. Причиной припадков, сумасшествия, ревматизма и детских болезней, по мнению горских евреев, как было сказано, непременно является злой дух или дьявол.

Как показывают самые названия этих болезней: дүл-гүрдеи (хватание за сердце и сжимание его), шахадуни (схваченный дьяволом), нум пегир гүрдей (держание в руках дьяволом), вор (ветер или дух дьявола), — они зависят главным образом от злых духов, которых должно умиловлять, уговаривать отпустить на свободу свои жертвы. Нет человека, который убедил бы евреев, что все эти названия пустяки, что исход болезней не зависит от этих названий, которые созданы народной фантазией. Они призывают персидских цирюльников, знахарей и других проходимцев с массою трав в мешочках, вверяют им больного, который, узнав название своей болезни, еще более пугается и становится чем дальше, тем хуже, пока не наступит смерть или болезнь не превратит его в щепку.

Зная из практики кое-какие врачебные средства и не имея никакого понятия о медицине, эти персидские цирюльники называют себя хакимами (медиками, докторами), открывают лавочку в ауле или городе и занимаются продажей трав, которые держатся в висящих на гвоздях по всему потолку и стенам мешочках и грязных тряпках. Делаясь купцами, они в то же время исполняют роль врачей и разъезжают на практику по аулам. Чуть что случилось с человеком, они сейчас пускают кровь и прописывают ему какую-нибудь траву, из которой делают для него настой с водкой или чай.

Несмотря на явное шарлатанство, медики-цирюльники пользуются между евреями-горцами большим уважением и полным доверием, а доктора-ученые, которых, впрочем, не заманишь в аул, вовсе ими не почитаются. Во-первых, ученый доктор, по их мнению, очень мало говорит с больным, ни о чем обстоятельно не расспрашивает его, а только пощупает ему пульс, попросит показать язык и посмотрит на лицо, «будто там написано, что делается внутри», говорит горец, а во-вторых, прописав какие-то трэфные лекарства (негодные по закону Моисея), спешит уйти, чтобы больше не приехать. А этот хаким говорит с больным без устали, расспрашивает его обо всем и дает такие лекарства, которые, как травы, не запрещены законами Моисея и не содержат свиного сала и свинины.

Еще интереснее, как лечат знахари желтуху, лихорадку и другие болезни так называемыми бабьими средствами. Однажды брат мой заболел желтухой, и все тело его и глаза пожелтели. Мать потребовала аульного знахаря, который сперва опоясал голую поясницу больного желтым шнурком, потом начал давать ему порошок из толченого янтаря в воде и, наконец, живых вшей, спрятав их предварительно в меде и не говоря об этом брату, чтобы ему не было противно принимать. Брат не умер, и благо, что мы жили тогда в городе, где можно было пригласить доктора, который и вылечил его.

Желтуха происходит, по мнению евреев, от досады. Если с человеком происходит удар, обморок или нечаянная болезнь, то это приписывают сглазу. Сглазить человека можно за его хорошие качества, и средством к лечению от этой болезни служит то, чтобы сглазивший плюнул или смазал бы своею слюною лицо больного. Для того чтобы узнать, был ли сглаз, или болезнь вызвана чем-нибудь другим, бросают на стену горсть муки, и если она пристала, то, значит, сглаз, если же нет, то причина болезни другая. А чтобы узнать, кто именно сглазил, делают из теста шарики и бросают в огонь, произнося при этом имена всех односельчан мужского или женского пола или тех,

которых видел больной в последнее время. Если шарики горят, при этом не трескаясь и не выскакивая из огня, то, значит, никто из названных не сглазил, если же шарик выскакивает с треском при произнесении имени кого-либо, то сейчас посылают к этому лицу и просят прислать в блюдце своей слюны или же прийти самому и смазать слюною лоб больного, губы, щеки, подбородок и плечо. Шарик же, выскочивший из огня, превращают в порошок и дают больному с водою.

От лихорадки лечатся также или травами, настоями и хейкелями (талисман) или же посредством гадания, которое происходит следующим образом. Мальчик или девочка из родственников больного идет ночью под окна трех соседей и, разбудив кого-либо из их домашних, спрашивает, изменив голос, чтобы не знали от кого: «Какое нужно лекарство от лихорадки?» Там просыпаются и, зная обычай, говорят сразу, что придет в голову. Например, в одном месте называли кашу, в другом шашлык и в третьем — хинкал. Три дня собирают тогда из этих трех домов по тарелке этих кушаний и потом, смешав их в одно, кормят больного.

От ревматизма лечат или натиранием различными маслами и купанием в минеральных водах и грязях, которые имеет Кавказ почти во всех уголках своих, или же — привязкой бус из различных горных камней, руд и металлов, на больное место. По мнению евреев, эти бусы имеют свойство выгнать газ, вселившийся по повелению злого духа в органы человека, и исцеляют больного.

Причиной лихорадки, бугорчатки, сыпи, золотухи и прочих заразительных болезней, от которых страдают большею частью молодые организмы, служат, конечно, узкие грязные улицы, теснота и нечистота жилищ, особенно женской половины, где преимущественно живут дети, и навоз, разлагающийся или тлеющий по временам около жилищ.

Интересен также у горских евреев способ лечения от испуга. Если кто кого испугал нечаянно или умышленно и тот заболел от этого сильно, то виновник должен вы-

мыть руку и дать эту воду пить больному. Этот способ у нас, то есть в Восточном Дагестане, уже выходит из употребления и имеет силу в г. Кубе. Вместо него у нас испугавшемуся дают кусок земли, на которой он стоял во время получения испуга, растворив ее в воде.

Когда наступает минута смерти еврея-горца, весь аул приходит в движение. Сакля покойника наполняется стариками и молодыми, мужчинами и женщинами, знакомыми и незнакомыми, — все спешат отдать покойнику последний долг. Никакая спешная работа не может остановить их в этом. Торговцы на целый день запирают лавки, и будь у них в это время какой угодно выгодный покупатель, они без всяких церемоний просят его прийти в другой день, так как теперь религиозные обязанности не позволяют им медлить ни минуты. Ремесленники-кожевники, которых особенно много между евреями на Кавказе, как сказал я выше, и другой работающий люд бросают свои дела и поступают точно так же.

Женщины у трупа еврея-горца играют первенствующую роль. Как только слух о смерти кого-либо в ауле дойдет до них, они бросают все свои домашние работы и, поручив их старшей дочери или дочери соседки, которая никогда не откажет в этой услуге при таких обстоятельствах, собираются все вместе, чтобы идти к покойнику, да, кстати, предварительно, по женскому обыкновению, почесать языки о случившемся. Затем они одеваются в белые платки и желтые чувяки — знак глубокого траура — и отправляются гурьбой в дом покойника. Мужчины уступают им место в комнате умершего и выходят во двор, причем старшие и близкие родственники располагаются ближе к дверям сакли, а младшие стоят у ворот. Пятеро из молодых людей идут на кладбище копать покойнику могилу; остальные стоят молча с поникшими, в знак печали, головами.

Между тем женщины толпятся у постели покойника и оглашают его саклю раздирающими душу воплями, причем большинство из них немилосердно царапает себе лицо,

рвет на себе волосы, так что во время похорон едва ли можно увидеть хоть одну женщину из родственниц покойника, у которой щеки и грудь не были бы окровавлены.

Покойника снимают с постели и кладут на землю, на которой он лежит до тех пор, пока один из ушедших копать могилу не сообщит, что она готова. В это время зажигаются свечи, а грамотные и рабби читают псалмы Давида и несколько глав из толкований Мишне, чтобы успокоить, утешить душу, порхающую беспокойно над своим жилищем.

Наконец возвращается один из могильщиков с известием об изготовлении могилы. Мужчины принимаются обмывать покойника, а женщины в это время сшивают покойнику из тонкого холста его последнюю одежду: рубашку, штаны, чулки, ермолку и перчатки. Поверх всего этого на умершего надевают саван и опоясывают его кушаком из того же холста. Такое одеяние получают только умершие естественною смертью, умершего же насильственную не обмывают и не снимают с него ни одной части платья, в котором он умер, а только завертывают его в саван. В этом случае с ним хоронят и оружие, которое он носил.

Обмывают покойника, смотря по его полу, мужчины и женщины. Обмывание происходит на дворе или под балконом в палатке, устроенной из нескольких бревен и покрытой одеялами. Рубашка, штаны, чулки и прочие одежды покойника пришиваются одна к другой и закрывают все части его тела за исключением лица, для которого тоже делают покрывало. Сверх этих одежд и под саваном покойника обертывают в большой сысыт (покрывало, которым покрываются евреи во время богослужения).

Когда покойник снаряжен для погребения, начинаются общие вопли мужчин и женщин, сопровождающиеся ударами в лоб, в лицо и в грудь, вырыванием волос на голове, царапанием щек, кусанием рук и тому подобными выражениями печали и сочувствия. Обществом плакальщиц управляет какая-нибудь родственница покойника. Ее

можно узнать по наиболее растрепанным волосам и обезображенному лицу, и она громче всех завывает: «Уя! Уя! Вов! Вов!»

Является шесть человек с носилками, на которые укладывают покойника. Носилки окружают женщины в два ряда, взявшись за руки, и снова начинают оглашать двор воплями и страшными криками «Уя! Уя! Вов! Вов!». Наконец, проведив покойника со двора, они возвращаются назад, а процессия трогается к кладбищу, три раза останавливаясь на дороге. Во время остановок носилки опускаются на землю, и раввин читает над покойником молитвы. Носильщики меняются каждые двадцать пять—тридцать шагов, пока процессию завидят копавшие могилу. Тогда они направляются ей навстречу, заменяют последних носильщиков и несут покойника до самой могилы.

В могилу опускаются два, привычные к этому делу, человека и укладывают мертвеца головой к востоку. Голова покойника лежит на набитой землею подушке, а у ног его стоит выкрашенный яркими красками памятник, обращенный лицевой стороною также к востоку. На памятнике описывают добрые качества и благодеяния покойника, гостеприимство его, заступничество за бедных и др. Кроме этого на нем помещаются стихи из книг пророков и обозначается день, число и год, в который покойник потребован к Верховному Небесному Суду. В стихе говорится следующее: «Да пробудятся и встанут многие из спящих к жизни вечной».

Тело кладется в могилу без гроба, но могила устилается с боков и сверху досками, которые лежат в вышину одного аршина, поддерживаясь тремя поперечными палками. Могила засыпается всеми присутствующими, причем каждый старается бросить хотя бы одну горсть земли. Для того чтобы могилу можно было, до постановки на ней памятника, отличить от других, родители или родственники покойного ставят с двух сторон ее камни или вбивают колья. Глубина вырытой могилы доходит обыкновенно до двух с половиною или до трех аршин.

Провожавшие покойника, возвращаясь с могилы, срыгают траву на кладбище и бросают ее через плечо, повторяя эту церемонию три раза со словами: «Да не будет больше смерти, да прекратится она навеки, аминь». Выйдя с кладбища, они образуют круг, среди которого становится отец, сын, брат или близкий родственник покойного и читает заупокойную молитву, после чего везде раздается «Аминь!». Затем точно так же поступают и другие, находящиеся в трауре по умершим недавно, и все начинают утешать родственников покойного, вымыв руки и протягивая им правую.

Целую неделю после похорон общество не оставляет сакли покойника. Неделя эта называется у горцев овил, а на древнееврейском языке шивой. Во все продолжение ее родители усопшего сидят дома: мужчины там, где лежал покойник, а женщины — на женской половине, и никуда не выходят; поэтому и все знакомые не покидают их на это время, чтобы их утешать и развлекать. По поверью горцев-евреев, в продолжение целой недели душа не может свыкнуться с мыслью, что она лишилась своего жилища, и все это время посещает тот дом, в котором жила при жизни. Вследствие этого в углу той комнаты, где лежал мертвец, родственники целую неделю ставят зажженную свечу, которая спереди закрывается медным подносом. Мужчины каждое утро и вечер читают молитвы, псалмы Давида, книгу Иова и главы из Мишны и Талмуда об упокоении души умершего и не уходят домой даже для обеда и ужина, которые приносятся им из дома в саклю умершего. Родители или родственники покойного с своей стороны делают ежедневно для гостей завтрак, который служит поминками по умершим.

Женщины, оставшиеся на эту неделю в сакле покойного из уважения к его родителям, сидят на полу, образуя собою несколько групп. Близкая родственница, о которой было сказано еще раньше, обращает на себя теперь всеобщее внимание. Она стоит на почетном месте на коленях и, обезображенная, окровавленная, только бьет себя в бес-

силие по бедрам и, произнося хриплым голосом «Хейа! хейа!» или машинально повторяя какое-либо слово другой плакальщицы, растроганной ее своими воплями, рыдает в исступлении и падает в изнеможении. С боков ее поддерживают постоянно две женщины, которые ей не позволяют вырывать волосы и царапать лицо. И смешно, и горько, и жалко, и, наконец, страшно становится при виде этой женщины. Большею частью таким истязаниям предаются жены, сестры и мать покойного.

Из каждой группы по очереди начинает плакать одна женщина (обыкновенно или родственница покойного, или приехавшая на похороны, или какая-либо плакальщица-мастерица), а остальные подтягивают ей жалобным тоном с восклицаниями «Во-о-о-о-й! во-о-о-о-й!» и оглашают воздух протяжным напевом, слышным на далеком расстоянии от дома усопшего. По временам, вместо воплей, плакальщицы начинают восхвалять доброту, благодеяния, богобоязливость и вообще всякие хорошие качества покойника. Чем больше они причитывают с чувством и толком и умеют затронуть душу красноречивыми словами, тем больше имеют перед собою плачущих мужчин и тем большую приобретают известность.

Мужчины все это время, когда идет гире (плач), стоят у дверей сакли и поочередно входят в нее, причем каждый из них становится на колени перед плакальщицами, плачет и бьет себя кулаками по лбу, по груди с восклицаниями: «О-о-о-й! ой! умираю!» После чего плакальщица говорит: «Не дай бог, чтобы ты умер, сын мой! Да паду я жертвой за тебя и перед тобою; плачь за брата, за такого-то», — и вспоминает при этом имя давно умерших отца, матери или близкого родственника, отчего тот плачет еще громче и опять повторяет, ударяя себя еще сильнее по груди и по лбу. Иные простирают свое усердие до того, что через два-три дня у них появляются синие шишки.

В промежутки между этими шумными воспоминаниями общество спокойно разговаривает о совершенно посторонних предметах, а женщины входят, выходят гурьбою

из сакли покойного и дорогою рассуждают о тех женщинах, которые отличались своими речами и движениями, и о мужчинах, которые или вовсе не входили к плакальщицам, или же плакали без слез. «Как это не совестно им!» — говорят они, расходясь по домам. Во время одного из этих промежутков днем и ночью подают мужчинам и женщинам обедать и ужинать, причем прежде едят мужчины, а женщины в это время занимаются пересудами и различной болтовней. Когда подают женщинам кушать, то из разных домов являются роскошные кушанья, приготовленные знакомками в честь приезжих женщин. Один из траурных дней назначается родственниками умершего, если он был молод, для молочного обеда, приготавливаемого ими обществом.

Но не всегда сопровождаются похороны горца-еврея такими трагическими картинами. Иногда похороны превращаются чуть ли не в свадьбу, и все проводят траурные дни в веселье, играх и даже в танцах. Это в том случае, если умирает какой-либо почетный старик или старуха, жившие около ста лет и имеющие несколько поколений потомков. Тогда, исполняя религиозные обряды «сидеть на полу и предаваться печали», родственники раз в день просят плакальщиц начинать свой плач, который продолжается около часа и во время которого входят к плакальщицам только дети усопшего, а остальное время все проводят в еде, в чтении псалмов и в молитвах за успокоение души усопшего и в играх, в которых принимают участие даже дети и внуки, не предаваясь особенной печали.

При этом происходит следующая смешная церемония: если умирает старик, то один из родственников умершего переодевается в старческое платье и идет в женскую половину, где одевают какую-либо старуху невестой и ждут прибытия старика-жениха. Вокруг жениха собирается молодежь, которая распевает свадебные песни, и девушки с подносами на голове, на которых лежат, как на свадьбе, чуреки с воткнутыми восковыми свечами. Везде слышится хохот и веселье, на всех лицах видна радостная улыбка.

Когда является жених, сопровождаемый процессией, на него сыплются со всех сторон остроты, и к нему выводят на круг невесту-старуху. Жених обнимается и целуется с невестой. Раздается смех и «Ура!». Их заставляют танцевать, хлопая в ладоши. Наконец все присутствующие танцуют с невестой, которая тоже старается подражать во всем девушкам-невестам, чем опять вызывает в присутствующих веселый смех.

На деньги, собранные при этом, покупаются фрукты, которыми угощают мужчин и женщин. Если же умирает старуха, то невеста идет к переодетому жениху в мужскую половину, где происходят те же шутки.

На седьмой день родители или родственники покойного устраивают по нем настоящие поминки, называемые хай-рат, и отпускают своих гостей, поблагодарив их за выраженное ими участие. Траур носится родственниками покойного в продолжение года. Кроме того, они не ходят купаться и не только не бывают на свадьбах и тому подобных празднествах, но даже не входят в дом, где собралось какое-нибудь веселое общество. Женщины же все это время собираются в дом покойника по понедельникам и четвергам и оглашают саклю своим плачем.

Наконец если приезжает какой-нибудь знакомый гость в аул или отсутствовавший родственник умершего, то он обязан идти, не заходя даже домой, сейчас же к его родственникам, где уже собрались женщины и начали плач. Войдя в саклю, он орет во все горло, приговаривая: «Ох, брат мой! Зачем я не увидел тебя! Ой, ой» и пр. — и бьет себя по лбу и по груди. Когда он обессилевает от рыданий и ударов, плакальщица перестает и просит его сесть на приготовленный для него низенький татарский стульчик. После этого начинаются расспросы об его здоровье и делах. Отсюда он идет в дома других носящих траур, у кого в продолжение года были покойники, и те также встречают его с плачем. Иногда гостю приходится плакать целый день, не быв дома, не поев и не отдохнув с дороги. Если же он позабыл какое-либо место или просто не пошел, то все

родственники того умершего избегают с ним встречи и вовсе не говорят с ним.

Сверх всего этого родители за упокой души детей, а дети — родителей одиннадцать месяцев ходят ежедневно утром и вечером в синагогу для чтения заупокойной молитвы кадыш; по прошествии же одиннадцати месяцев на могиле покойного ставится памятник. Затем ежегодно, в день смерти, по нем справляются поминки, и женщины собираются плакать.

Девушек вовсе не бывает на похоронах, за исключени-ем невесты умершего молодого человека, когда она играет первенствующую роль и доводит себя до экстаза. Такая невеста становится по обычаю невестой младшего брата умершего, если тому даже два-три года, а ей пятнадцать—шестнадцать. Она должна ждать его, пока он вырастет, и он обязательно жениться на ней. Если умерший не имеет братьев, то ей дается свобода без всякого развода. Когда же покойник имел женатых братьев и она, вдова его, не имеет детей, то один из братьев, по соглашению между собою, должен или жениться на ней и потом дать ей развод, или же отдать ей халисо. (Так же поступают женатые братья относительно невесты покойного брата.)

Халисо сопряжено с большими трудностями и состоит в том, что один из братьев должен обуться в башмак, сделанный из пергамента и окрашенный сажей. Башмак прикрепляется к голени до самого колена поясами, переплетенными как-то искусно, по требованиям обряда религии, и застегивается кожаными пуговками, спрятанными тоже как-то особо под ремнями. Этот башмак считается одной из священных вещей, требуемых обрядом при разводе, и делается раввином рублей за двадцать пять—тридцать. По указаниям раввина, при свидетелях и народе, девушка должна прикреплять башмак к ноге выбранного из братьев, застегивать по правилам и потом снять ремни и растегнуть пуговики, не запутываясь. Если она сняла благополучно, то делается свободной и может выйти замуж, а в противном случае должна остаться вечной вдовой. Но в

последнем случае, боясь, чтобы женщина не оставалась без мужа и тем не вводила бы всех родственников в грех, ее венчают с одним из них и потом разводят обыкновенным порядком, если он не захочет жить с двумя женами. Но до развода он обязан жить с ней все-таки не менее шести месяцев.

Чрезвычайно интересны поверья наших евреев-горцев, относящиеся к смерти человека, — поверья, основанные на Талмуде и народной фантазии. Так, по поверью, когда приближается минута смерти человека, с неба спускается ангел и становится у изголовья умирающего. Ангел этот имеет ужасный вид, и тело его сплошь покрыто глазами. В руке он держит меч, на конце которого висят три капли яда. Умирающий, при виде страшного ангела, от испуга широко раскрывает рот; тогда ангел смерти опускает ему в рот первую каплю яда, от которой человек желтеет, после второй — появляются предсмертные судороги, а после третьей — смерть.

По другим сказаниям, ангел смерти режет свою жертву мечом. Вследствие этого три соседних дома должны вылить воду, находившуюся у них во время смерти соседа, потому что ангел, не найдя у него воды, может обмыть свой меч в каком-нибудь соседнем доме. Когда душа оставляет тело, она кричит страшным голосом, раздающимся на весь мир. Крик этот так ужасен, что человек, услышав его, непременно бы умер, но, к счастью, никто этого услышать не может, кроме кур. Второй точно такой же страшный крик издает душа, когда тело умершего снимают с постели и кладут на пол.

Эти минуты, по поверию, самые мучительные для мертвеца. С одной стороны, тело мучится физической болью, а с другой — душа тоскует, порхая над телом, подобно ласточке над разоренным гнездом. Она все слышит, все видит, но не может принять участия в разговоре живых людей.

Когда мертвеца выносят из дома, то, смотря по его заслугам, если он был праведник, его встречают добрые

духи и приветствуют его; если же грешник — злые духи набрасываются на него и терзают его. И те и другие являются в количестве, пропорциональном совершенным покойным при жизни поступкам, по словам Святого Писания: «Каждое доброе дело сотворяет доброго ангела, каждое злое — злого». Но еврей-горцы, думая задобрить серебром злых духов, бросают на воздух, подойдя к кладбищу, серебряные монеты, которые потом собирают маленькие сироты и бедные.

Когда покойник зарыт в могилу и живые оставили его, к нему является ангел Малах-хе-Думи с длинным огненным кнутом и бьет им по могиле. Могила тотчас же открывается, ангел спускается туда и спрашивает мертвеца: «Мешемихо? (Как твое имя?)». Мертвец кричит страшным голосом, и крик этот разносится далеко по всему миру. Живой человек, услышав этот крик, умер бы от ужаса; поэтому, закопав могилу и прослушав заупокойную молитву, читаемую сыном или родственником умершего, необходимо как можно скорее уйти от нее, не оглядываясь назад.

Но как мертвец ни старается, он не может вспомнить своего имени. Тогда ангел три раза ударяет его кнутом, отчего живот мертвеца трескается. Ангел вынимает внутренности человека, бьет ими его по лицу и говорит с насмешкой: «Вот ради чего ты жил!» Эти посмертные страдания называются хибор-гоковер, и от них, говорят, редко кто избавляется, — даже праведник.

Относительно носилок и вырытых готовых могил тоже существуют у евреев-горцев различные поверья. Одни из аулов имеют временные носилки, а другие — постоянные. Это ведется у них с незапамятных времен, и заменить одни другими — считается тяжким грехом, падающим на голову всего общества; поэтому те аулы, которые имеют постоянные носилки, не делают вовсе временных, — также и наоборот. Это основано на том, что их отцы, чтобы остановить смерть и запугать ее тем, что они не боятся ее, сделали постоянные носилки, а некоторые другие, живя с надеждой, что придет день, когда вовсе не будет смерти,

и если иметь готовые носилки, то, значит, приготовить их для кого-нибудь из своих членов, воспретили иметь таковые. Современные же горцы-евреи идут по следам своих отцов и придерживаются строго тех правил, которые они установили. Если могила, назначенная для такого-то, не удалась сразу, то это значит, что умерший был тяжкий грешник, если же она будет стоять вырытою несколько дней, то непременно умрет один из общества. Временные носилки представляют собою две толстые палки, переплетенные поперечными палочками наподобие лестницы, а постоянные — ящик в виде корыта, имеющий ножки и четыре ручки. Временные ломаются сейчас же после похорон и бросаются в реку, чтобы больше не приходилось делать их, и вода унесла бы с собою всякие воспоминания о них, — постоянные же вместе с свадебным балдахином стоят в притворах синагог.

У евреев, как у многих других народов, есть поверье, что собака чует мертвеца и показывает это своим воем. Кавказские евреи, как только слышат вой собак, тотчас же втыкают в землю около порога нож, ножницы или какое-нибудь другое острое стальное орудие. Это для того, чтобы злой дух не переступил порога, так как он, как было сказано, очень боится стали.

Не всегда, однако, похороны еврея-горца обходятся таким образом. Иногда в сакле его, среди воплей печали, раздаются гневные возгласы, требования крови и голос мести. Каждая капля крови, по мнению еврея-горца, должна быть отомщена, и покойник до тех пор не успокоится, кровь его не перестанет кипеть, и он не будет принят к престолу Всевышнего, пока не будет взята кровь за кровь. Долг мести переходит от одного близкого родственника к другому, и мстить могут родственники убитого не только убийце, но и всякому, попавшемуся им на пути из его родственников. В последнее время однако, благодаря увеличению полицейского надзора в селах и городах, убийцы находят защиту и избегают мести, заплатив за кровь убитого назначенную адатом (обычным правом) сумму.

После смерти кого-либо от рук горца-еврея родные последнего рассылают тайных гонцов по всем местам, аулам и городам с печальным известием и просят всех — даже самых дальних родственников — быть осторожными и каждому беречь свою голову. Те вооружаются, собираются в крепкой позиции и ждут нападения неприятеля три дня. Богатые нанимают еще караул, который стоит эти три дня кругом позиции и предупреждает малейшее движение врагов. Если в эти три дня родственник убийцы попадется на пути родственника убитого лицом к лицу, то первый должен сложить свое оружие и сдаться в руки второму или убежать. Конечно, последнего не должен сделать, по понятию горца, мужчина, носящий папаху и опоясывающийся кинжалом. В противном случае он не мужчина, а баба и достоин носить только женский платок.

По истечении трех дней, если родные убитого не сумели отомстить за его кровь, являются старшины города или аула мирить кровных врагов. Перед миром между обеими сторонами идут переговоры об известной сумме денег, которую платит убийца семейству убитого и таким образом выкупает себя из опасности подвергнуться мщению. Сумма эта доходит до 500—1000 руб., начиная со 100. Когда переговоры приходят к благоприятному результату, то все родственники убийцы, окруженные сельским караулом, босые и без шапок, отправляются к родителям убитого, где также собираются все родственники его, чтобы после не вышло недоразумения. Их сопровождают старшины и почетные лица в ауле.

Придя в дом покойника, все бросаются на колени и просят прощения. Те прощают при свидетелях и народе и целуются. Этим устанавливается мир, который не может быть нарушен, под страхом жестокого наказания от общества, никакой стороной, и родственники убитого с родственниками убийцы становятся с этого дня кровными родными.

Между тем убийцу сажают в тюрьму и дают знать высшему народному суду, существующему в главном городе

области, о результатах мира и выкупных деньгах. Тогда убийца выпускается из тюрьмы и отправляется в дальний аул на год-полтора, чтобы родственники убитого не убили его. По прошествии этого срока убийца возвращается домой, мирится со всеми родными убитого и делается их родственником (одним из ближайших). Родители же и братья убитого называют его сыном и братом, и если у покойника остались дети, то они называют его отцом. Словом, отношения между ними становятся гораздо более близкими, чем между настоящими родственниками, и они получают законное право мстить друг за друга.

Такому суду подчиняются в настоящее время только те из евреев-горцев, которые приписаны к аулам и не принадлежат к городским сословиям. Последние подчиняются правительственным судам, а первые имеют общее судилище с теми племенами, с которыми живут они в одних аулах. Места судилища в аулах называются правлениями, а судьи старшинами. Суд производится по адату (обычаю) и (у мусульман) по шариату (законам Корана). Сельские суды решают тяжбы, не превышающие ста рублей, а более крупные дела отправляются в областной народный суд, имеющий значение равное окружным судам. Старшины выбираются народом из туземцев — магометан и евреев — по числу дымов и утверждаются правительством. Так, в Тарках (Дагестанской области) приблизительно 50 дымов евреев-горцев на 1000—1200 дымов мусульман и один старшина из евреев на 6—7 из мусульман.

Горцы-евреи, принадлежащие к городским сословиям, как сказано, подчиняются только русскому суду и не имеют права требовать суда в народных судах. Если случаются убийства, то виновные не выкупаются и не отправляются в другие аулы, а ссылаются в Сибирь. Поэтому городские горские евреи, мстившие убийце самовольно, подвергаются суду за самоуправство и тоже ссылаются, смотря по вине, или заключаются в тюрьму. Но природе горца-еврея не так скоро, должно быть, суждено измениться. Несмотря на строгость законов, несмотря на то

что его за убийство сажают на несколько лет в тюрьму, отправляют в каторгу, он, как видно, ничуть не думает об этих наказаниях и только поддается своему пылкому характеру и дикой натуре, когда того требует священный долг кровомщения.

Помню я такой случай. К шурипскому раввину приехал родственник его, молодой человек, подававший большие надежды. Через год он должен был кончить свое учение, и готовились уже отпраздновать его свадьбу. Но вышло иначе: молодой человек пал жертвою несчастного случая. Дело произошло таким образом. В день праздника Эсфири и Мардохея хомуну (Пурим), который, как сказал я при описании праздников, проводится у нас всегда очень весело, сидел я с несколькими своими приятелями. Входит названный родственник нашего раввина Мушаилова и просит меня поехать с ним покататься. Хотя такие прогулки в этот день у нас в большем ходу и совершаются в память езды Мардохея на богато убранной царской лошади, в царском одеянии и с венцом на голове, какое-то необъяснимое предчувствие заставило меня отказаться от прогулки за недосугом и невозможностью по случаю собравшихся у меня гостей. Ю. очень обиделся моим отказом и пошел искать себе другого попутчика...

В самом разгаре веселой беседы мы были поражены раздавшимся звуком ружейного выстрела. Мигом выбежали мы на улицу и увидели какого-то молодого человека, в страшном испуге выскочившего из соседнего дома. На наш вопрос «Что случилось?» бежавший отвечал только несвязными словами: «Ах! Несчастный, несчастный я, кажется, убил его!»... и убежал дальше. Я опрометью бросился в дом, но, охваченный клубами порохового дыма, выходящими оттуда, остановился на пороге. Тогда я увидел на полу комнаты того самого Ю., которому отказал я час тому назад на его приглашение кататься. Как узнал я впоследствии, Ю. не был жертвою злого умысла, а один из его приятелей в виде шутки навел на него ружье, заряженное двумя пулями, и, не подозревая, что оно заря-

жено, спустил курок. Убийца поспешил отдаться в руки полиции, так как иначе ему грозила кровная месть от родственников убитого, и, хотя он убил его по нечаянности, ему не избежать бы верной смерти.

И действительно, не прошло и десяти минут после происшествия, как в дом, где лежал убитый, явился старик лет семидесяти пяти, вооруженный с ног до головы, и громко требовал выдачи убийцы. Когда же ему сказали, что убийца добровольно отдался в руки правосудия и находится теперь под охраною полицейских, старик вышел из себя. Как сумасшедший бегал он туда и сюда с обнаженным кинжалом в руке, грозя полицейским кинжалом, если они будут следить за ним, и отыскивая кого-нибудь из родственников убийцы, чтобы отомстить хоть им за преступление убийцы. За ним бежал другой родственник убитого с ружьем в руке, и они оба разражались проклятиями убийце и требованиями мести. К счастью, все родственники убийцы, узнав о случившемся, поспешили скрыться, иначе кровь неминуемо потекла бы по улицам нашего города, и горцам-евреям пришлось бы оплакивать не одну жертву...

Справление поминок горскими евреями кроме оплакивания состоит в том, что прежде всего зажигается вечером в синагоге одна стеариновая свеча, которая поддерживается целые сутки, и потом во время молитвы этого дня читается сыном, отцом или братом умершего заупокойная молитва кадыш. В день поминок раввин и ученики его читают из Мишны несколько глав, число которых, впрочем, бывает такое, сколько букв в имени умершего, и каждая глава должна начинаться этими буквами. Затем читается несколько псалмов.

После этого родственники умершего приносят в синагогу несколько бутылок или графинов с водкой и вином и два подноса, один с тутуи — слоеными хлебами, печеными на масле, а другой с курами и гусями. Раввин подходит и, отслужив молебен над вином, поданным ему в стакане родственником умершего, отрывает рукою кусок тутуи и курицы и отходит. Затем подходят другие и сле-

дуют его примеру, пока на подносах не останется ничего. Дома же, кроме тутуи, женщины готовят плов, который девочки в тарелках относят родственникам и знакомым. Сверх всего этого родственники умершего как в первый год после его смерти, так и в следующие года стараются достать новых фруктов и плодов еще до появления их на базаре и несут их раввину и другим почетным лицам аула, чтобы те пожелали покойному Царства Небесного».

Как показывают и самые обряды поминок, горские евреи имеют странные представления о бессмертии души и о загробной жизни. По мнению некоторых, душа человека, оставивши мертвое тело, сейчас летит в небеса, где говорят ей, что ее будут судить по истечении семи дней. Записав ее в число душ, поступивших на верховный суд, ангелы-распорядители предоставляют эти семь дней, называемые «овил», на ее усмотрение и позволяют ей сойти на землю для свидания с прежним жилищем своим и местом, где она находилась. Поэтому душа, в ожидании суда, беспокойно посещает в эти дни то могилу умершего, то место, где она оставила тело.

По прошествии же этого срока ее зовут на верховный суд, который представляется огромной палатой, освещенной бесчисленным множеством восковых свеч и сиянием Бога, сидящего на престоле¹ и скрытого от взора огненной завесой. В палате сидят праведники и седые старики в саванах на скамейках, расставленных вокруг длинных столов, покрытых белой шелковой материей с огненными кисточками по углам. С правой стороны трона стоит ангел с весами в руках, а с левой — секретарь с книгой, где записаны все добрые и злые дела умерших. Кроме того, в

¹ Он считается временным, ибо Бог сидит там только во время суда: два дня «нового года», день «Судный», день «хушиано» и «тиш-о бе-ов». Новый год, Судный день и «хушиано» (6-й день праздников Кушей) бывают в сентябре, а «тиш-о бе-ов» (разрушение Иерусалима) в июле. Кроме этого, есть еще несколько неопределенных дней, в которые Господь судит и слушает решения суда.

палате присутствуют некоторые из праведных предков умерших, которым предоставляется право ходатайствовать за явившихся в суд потомков относительно смягчения наказания, если для этого они имеют какое либо основание. По мнению евреев-горцев, Бог всегда смягчает наши наказания и не взыскивает с нас строго, соответственно грехам. По вызову ангела-секретаря являются ангелы или духи, созданные добрыми и злыми делами умершего, и окружают его. Ангел-секретарь приказывает им становиться на весы. Если окажется при этом, что вес злых духов больше веса добрых, то душу отправляют в ад, если же наоборот — то в рай.

Но прямо в рай никто не попадает, и надо благодарить Бога, если прямо попадешь для очищения от грехов сперва в ад, ибо тяжких грешников гонят на гелгел (вращение). Тогда душа скитается из одного конца света в другой целые сотни и тысячи лет и не находит себе ни постоянного места, ни покоя. В это время ее переселяют в тела различных животных, которые переносят всевозможные страдания. Вместе с ними страдает и душа. Переселение души тоже различно. Смотря по количеству и по свойству грехов, ее сперва селят в траву, которая должна засыхать, не давать плодов, кроме колючек, и перерождаться ежегодно.

Затем вселяют ее в мелких насекомых и гадов, где она пребывает несколько десятков и сотен лет. Наконец попадает она в высших животных и человека, откуда уже, тоже по истечении многих веков, прямо в ад. Здесь ее облачают образом прежнего тела и дают в распоряжение ангелов палачей или злых духов. Те, радуясь своей жертве, кидают ее с одного конца света в другой, пока ее тело не превращается в массу, бросают в кипящие котлы, в огненные печи, жарят на сковородах и терзают всевозможными пытками, пока не придет приказание с Неба подвергнуть ее последнему истязанию, после которого, очистившись совсем от грехов, она попадает в рай. После каждого наказания тело души возобновляется и принима-

ет прежний вид¹. По поверию, ад находится в глубине земли, а рай над седьмым небом².

Между адом и раем находится толстая накаленная проволока, по которой должна идти душа, чтобы окончательно очиститься от грехов и попасть в рай. Она несколько раз пытается, доходит до середины длинного пути, спотыкается под тяжестью грехов и падает на проволоку, которая с шипением и свистом разрывает ее тело пополам, после чего летит вниз и попадает в огонь, где превращается в пепел. После этого тело опять возобновляется, и душа продолжает терзаться, пока на ней не останется ни одного греха.

После очищения она благополучно доходит до седьмого неба, где ее встречают добрые ангелы, показывают ей все величие Бога и сопровождают ее в рай. Здесь для нее готовится место, смотря по количеству и достоинствам считающихся за нею добрых дел. Входя в рай, она ослепляется лучезарным сиянием Господа Бога и красотой всего окружающего Его. Ангелы стоят перед Ним и славят в благоговении Его имя. Кругом на золотых креслах сидят праведники и наши праотцы, считая от престола и с правой стороны его — Адам, Ной, Исаак, Яков и другие, а с левой — Ева, Сара, Ревекка, Рахиль и другие. Все сидят и слушают речи ангелов, превозносящих имя Егови-Севоута.

¹ Некоторые же из евреев думают, что душа, после оставления ею тела, сейчас же переселяется в какое-нибудь животное и вовсе не является на верховный суд, пока не получит оттуда приказа отправиться в ад.

² Небо представляется воздушной массой, состоящей из семи бага (этажей). Каждый этаж отделяется от другого плотной перегородкой нерде и назначен для звезд, планет и ангелов. Над седьмым этажом стоит постоянный трон Всевышнего.

СОДЕРЖАНИЕ

Иуда Черный

ГОРСКИЕ ЕВРЕИ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

От автора	7
<i>Глава 1.</i> Горские евреи. Их жилища, гостеприимство, пища и напитки	14
<i>Глава 2.</i> Национальный характер горских евреев, их язык и письменность. Грамотность горских евреев, обучение их детей и училища. Склонность горских евреев к праздности; любознательность их к новостям и рассказам. Три местных рассказа	23
<i>Глава 3.</i> Верования горских евреев в бессмертие души. Верование в переселение души после смерти в животных. Понятия об аде, верховном небесном суде и рае. Господствующие болезни и способы их лечения. Похоронные обряды. Женщины-плакальщицы. Горские еврейки	35
<i>Глава 4.</i> Свадьба у горских евреев. Одежды и наряды, мужские и женские. Обряды при рождении детей мужского пола. О древних именах мужского и женского пола. Богослужение и молитвенные дома	44

Василий Немирович-Данченко

ВОИНСТВУЮЩИЙ ИЗРАИЛЬ

От автора	63
<i>Глава 1.</i> Ночь в горах. Трагический злодей Магомед-оглы	64
<i>Глава 2.</i> Кай-Булагская щель. Фея духана. Баба-яга — костяная нога	74

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 3. Еврей-охотник, еврей-абрек. Битва с леопардом.....	83
Глава 4. Оставленный аул.....	95
Глава 5. Изгнанник.....	106
Глава 6. Еврейский аул.....	121
Глава 7. Израиль воинствующий у себя дома.....	138
Глава 8. Оффенбаховские разбойники и еврейская самокрутка.....	148

Илья Анисимов

КАВКАЗСКИЕ ЕВРЕИ-ГОРЦЫ

От автора.....	161
Глава 1. Об оседлости горских евреев. Отношение других горцев к ним. Статистические сведения об евреях-горцах. Занятия горских евреев. Религия и верования. Праздники народные и религиозные. Образование. Училища. Раввины. Синагоги. Религиозные обязанности женщин и их омовения.....	176
Глава 2. Тип и характер. Праздность и любознательность горских евреев. Женщина — труженица семьи. Склонности женщин к сплетням и дракам. Многоженство. Жилища и гостеприимство. Пища и напитки. Одежда. Домашний быт горских евреев. Булка. Сугум. Обряды при рождении и обрезании.....	235
Глава 3. Женидьба. Положение женщины как причины различных несчастий. Обряды горцев-евреев при помолвке детей и обручении. Жених и невеста. Приглашение жениха родителями невесты. «Гечелей» (ночные свидания). О разводе. Взгляд общества на гечелеи. «Табаг». Пресечение пути жениху и невесте. Поверья. Свадьба.....	259
Глава 4. Сиделки у больного еврея-горца. Господствующие болезни и способы их лечения. Местные врачи и отношение горцев-евреев к медицине. Причины заразных болезней. Похороны. Женщины-плакальщицы. Траур по умершим молодым и старикам. Девушка-невеста по смерти жениха. Поверья относительно явления смерти, относительно носилок, могил и воя собак. Кровная месть. Суды и управления у городских и сельских жителей. Случай убийства. Справление поминок. Поверья о бессмертии души и о загробной жизни. Высший верховный суд. Троны Бога. Гелгел (вращение). Ад. Рай.....	295

КАВКАЗСКИЕ ЕВРЕИ-ГОРЦЫ

Сборник

Ответственный редактор *Д.О. Хвостова*

Редактор-составитель *В.П. Леонтьев*

Художественный редактор *Е.Ю. Шурлапова*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *О.А. Левина*

Подписано в печать 17.01.2017.

Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура «Петербург».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 15,28.

Тираж 2 500 экз. Заказ № 548.

ООО «Центрполиграф»

111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15

E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

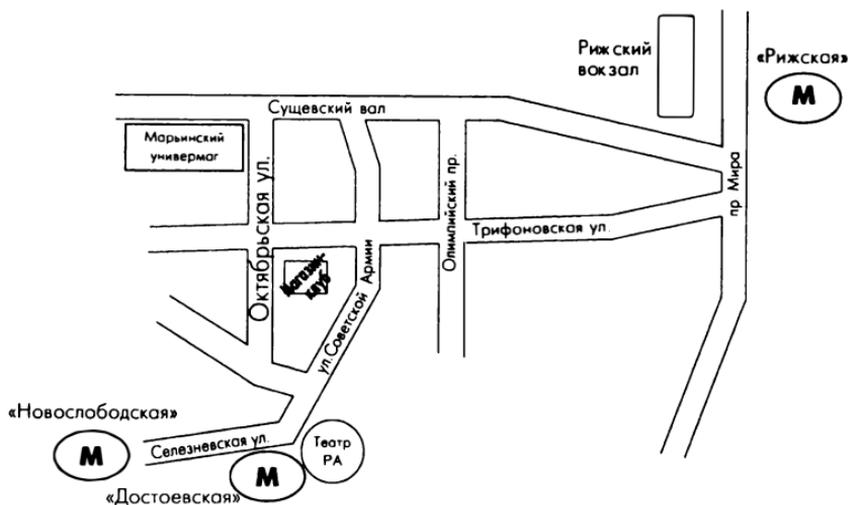
WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5

Действительно низкие цены!
Регулярные распродажи!
Предварительные заказы и оповещение
по телефону о поступлении новинок!

Фирменный магазин
«Издательства Центрполиграф»

предлагает более 3000 наименований книг различных жанров зарубежных и отечественных авторов: детектив, исторический, любовный, приключенческий роман, фантастика, фэнтези, научно-популярная, биографическая, документально-криминальная литература, издания для детей и юношества, филателистические каталоги, книги по кулинарии, кинологии, о звездах театра, кино, эстрады, а также энциклопедии и словари.



Москва, ул. Октябрьская, д. 18, тел. для справок: (495) 684-49-89;
вт—пт — 10.00—18.30, сб — 10.00—17.00.

КАВКАЗСКИЕ ЕВРЕИ-ГОРЦЫ

Перед вами три самых значительных исследования, положивших начало изучению истории и традиций евреев-горцев — татов, одного из самых загадочных и малоизученных народов Кавказа. Очерки путешественника-этнографа Иуды Черного, художественный дневник о путешествии на Кавказ Василия Немировича-Данченко и исследование Ильи Анисимова впервые изданы на русском языке в одной книге. Каждая из этих работ, дополняя и развивая мысли предшественников, открывает нам разные стороны культуры и трагической истории кавказских евреев, давая неоценимые сведения об их жизненном укладе, традициях и обрядах, а также рассказывая об их взаимоотношениях с соседними христианскими и мусульманскими народами.

ЦЕНТРОЛИГРАФ®

ISBN 978-5-227-06630-5



9 785227 066305



Версии о переселении евреев на Кавказ есть разные. Этнограф Илья Анисимов в книге «Кавказские еврей-горцы» рассказал о близости языка татов и горских евреев и сделал вывод, что горские евреи — это таты, принявшие иудаизм. А есть версия Льва Гумилева о переселении в VI веке, то есть еще до появления ислама, в Хазарию (ныне территории Дагестана и Чечни) ираноязычных евреев из Персии, где была большая и влиятельная еврейская община, перешедшая с иврита на персидский язык.

Говорят, что в советское время теория Анисимова о «нееврейском» происхождении горских евреев оказалась весьма кстати: из-за притеснений многие меняли себе национальность в документах.

